

RUSSIAN LANGUAGE AT SCHOOL

ISSN 0131-6141 (Print)
ISSN 2619-0966 (Online)

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

2024. Т. 85. № 2

Из архива журнала

М. Т. Баранов об умениях и навыках в школьном курсе русского языка

Современный школьный курс русского языка в IV–VIII классах является познавательно-практическим. Познавательная сторона школьного курса русского языка дает определенную сумму знаний о языке и речи, практическая – владение литературным языком во всех социальных сферах его применения. Обе стороны школьного курса русского языка тесно взаимосвязаны: развитие одной из них способствует развитию другой...

Познавательная сущность школьного курса русского языка обеспечивается наличием в его содержании сведений о языке и речи в виде лингвистических понятий, фактов и законов (закономерностей), практическая – в виде умений и навыков, требуемых спецификой изучаемой области научных знаний. <...>

...в содержании школьного курса русского языка выделяются два класса умений и навыков: специальные и общедидактические (или общепредметные).

Специальные умения и навыки формируют у учащихся научное представление о языке и речи, готовят их к активной и целенаправленной речевой деятельности как в устной, так и в письменной форме.

Общедидактические (общепредметные) умения и навыки, формирующиеся средствами нашего предмета, способствуют закреплению знаний о языке и речи, полученных учащимися, а также формированию у них специальных умений и навыков и тем самым вносят вклад в общее развитие детей, которое реализуется на уроках по другим предметам. <...>

I. Специальные умения и навыки различаются по объекту деятельности учащихся, которые либо анализируют языковой и речевой материал, либо на этой основе учатся передаче графическими средствами устной речи на письме, либо овладевают связным изложением мыслей. На основании различий в объектах учебной деятельности учащихся среди специальных умений и навыков выделяются следующие три их типа: учебно-познавательные (или учебно-языковые), правописные и речевые...

1) Учебно-познавательные (или учебно-языковые) умения и навыки (т. е. мыслительные (умственные) действия с языковым и речевым материалом...)... <...> по уровню анализа языкового и речевого материала делятся на следующие виды: 1) выделение отдельных языковых и речевых явлений (опознавательные), 2) нахождение групп, разрядов языковых и речевых явлений (классификационные), 3) полный разбор языкового (или речевого) явления... <...>

2) Правописные (орфографические и пунктуационные) умения и навыки – это одновременно и мыслительные, и двигательные действия – орфограммами и пунктограммами, которые, как известно, проявляются в правильной записи учащимися слов и предложений... <...>

3) Речевые умения и навыки по своей психологической природе представляют собой сенсорные и мыслительные действия учащихся с языковым и речевым материалом в процессе овладения нормами литературного языка и правилами связного изложения мыслей (т. е. построения текста). Речевые умения и навыки, таким образом, делятся на следующие два вида: 1) нормативные и 2) коммуникативные (т. е. связанные 1) с языком и 2) с речью)... <...>

II. Общедидактические (общепредметные) умения и навыки... различаются по характеру формирования мышления учащихся, которые обучаются, во-первых, логическому анализу изучаемого материала, во-вторых, осознанному пополнению своих знаний, в-третьих, сознательному предупреждению и исправлению недочетов и ошибок в учебной работе по русскому языку. ...среди общедидактических (общепредметных) умений и навыков выделяются следующие три их типа: 1) логического мышления, 2) самостоятельного пополнения знаний, 3) самоконтроля... <...>

1) Умения и навыки логического мышления – это мыслительные действия, проявляющиеся... в способности учащихся сравнивать, обобщать и систематизировать изучаемые материалы в процессе познания того или иного объекта... выявляя их существенные свойства, связи и отношения... <...>

2) Умения и навыки самостоятельно пополнять свои знания представляют собой сенсорные и мыслительные действия, выражающиеся, с одной стороны, в неудовлетворенности объемом полученных знаний и в потребности пополнить их, с другой – в самостоятельном поиске их в разных источниках... <...>

3) Формирование умений и навыков самоконтроля, т. е. сознательной оценки и сознательного регулирования учеником своей деятельности с точки зрения ее соответствия предварительным целям... позволяет школьнику управлять своими учебными действиями и вовремя замечать и исправлять допускаемые ошибки и недочеты...

(Баранов М. Т. Умения и навыки в школьном курсе русского языка //

Русский язык в школе. 1979. № 4. С. 18–24)

(К статье А. Д. Дейкиной, В. Д. Янченко)

Научно-методический журнал

РУССКИЙ ЯЗЫК

в школе

Основан в августе 1914 года

Выходит 6 раз в год

Том 85

2

2024

Главный редактор

Наталья Анатольевна Николина, канд. филол. наук, профессор, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Ответственный секретарь

Анастасия Евгеньевна Куманьева, канд. пед. наук, ООО «Наш язык», г. Москва, Россия

Редактор

Елена Александровна Фролова, канд. филол. наук, доцент, ООО «Наш язык», г. Москва, Россия

Переводчик

Анна Николаевна Овешкова, канд. филол. наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Россия

Редактор перевода

Наталья Геннадьевна Попова, канд. социол. наук, зав. кафедрой иностранных языков, Институт философии и права, Уральское отделение Российской академии наук, г. Екатеринбург, Россия

Редакционный совет

Харри Вальтер, Институт славистики, Грайфсвальдский университет, г. Грайфсвальд, Германия

Алевтина Дмитриевна Дейкина, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Александр Васильевич Зеленин, Университет Тампере, г. Тампере, Финляндия

Светлана Вениаминовна Иванова, ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», г. Москва, Россия

Леонид Петрович Крысин, Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Резеда Фаилевна Мухаметшина, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Сергей Саядович Оганесян, Научно-исследовательский институт ФСИИ России, г. Москва, Россия

Иоанна Ожеховска, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне, г. Ольштын, Польша

Ильдико Палоши, Университет им. Этвеша Лоранда, г. Будапешт, Венгрия

Марина Николаевна Приемышева, Институт лингвистических исследований, Российская академия наук, г. Санкт-Петербург, Россия

Бранко Тошович, Грацкий университет им. Карла и Франца, г. Грац, Австрийская Республика

Стелла Наумовна Цейтлин, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Ян Кэ, Институт европейских языков и культур, Гуандунский университет иностранных языков и международной торговли, г. Гуанчжоу, провинция Гуандун, КНР

Редакционная коллегия

Любовь Геннадьевна Антонова, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль, Россия

Борис Геннадьевич Бобылев (иеродьякон Нафанаил), Свято-Духов монастырь, Ливенская епархия, Орловская митрополия, г. Новосиль, Россия

Нина Сергеевна Болотнова, Томский государственный педагогический университет, г. Томск, Россия

Юлия Николаевна Гостева, ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», г. Москва, Россия

Ирина Нургаиновна Добротина, ФГБНУ «Институт стратегии развития образования», г. Москва, Россия

Ольга Евгеньевна Дроздова, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Елена Ленвладовна Ерохина, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Наталья Львовна Мишатина, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Светлана Васильевна Науменко, Канский педагогический колледж, г. Канск, Красноярский край, Россия

Олег Викторович Никитин, Государственный университет просвещения, г. Мытищи, Россия

Наталья Викторовна Патрова, Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

Татьяна Михайловна Пахнова, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия

Владимир Маркович Пахомов, справочно-информационный интернет-портал «Грамота.ру»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Екатерина Витальевна Пересветова, школа № 1522 им. В. И. Чуркина, г. Москва, Россия

Вера Анатольевна Пищальникова, Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия

Анна Романик, Университет в Белостоке, г. Белосток, Польша

Марина Робертовна Шумарина, Балашовский институт, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского, г. Балашов, Россия

Журнал входит в «Перечень рецензируемых научных изданий...» ВАК РФ по специальностям: 5.8.2. Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (педагогические науки); 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки); 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки) (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/main>). Журнал зарегистрирован в базе данных Российского индекса научного цитирования, индексируется в 24 российских и международных базах данных, в том числе RSCI, Scopus, ERIHPLUS, WorldCat и GoogleScholar.

Учредитель и издатель: ООО «Наш язык».

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС7780108 от 31 декабря 2020 г.

ISSN 2619–0966 (Online)

Корректор – Т. Ю. Смирнова. Компьютерная верстка – К. В. Морозов.

Тираж 250 экз. Формат 70x100¹/₁₆. Печ. л. 8. Бумага офсетная. Заказ
Дата выхода номера в свет 15.03.2024. Свободная цена.

Адрес редакции и издателя: Большая Андроньевская ул., д. 17, г. Москва, 109544, Россия; телефон: +7 (495) 671-09-85; сайт: <https://www.riash.ru/>; e-mail: admin@riash.ru

Отпечатано в типографии АО «Первая Образцовая типография», филиал «Чеховский Печатный Двор», ул. Полиграфистов, д. 1, г. Чехов, Московская область, 142300, Россия.

Оформить подписку на журнал можно через подписные агентства: «Почта России» (индекс П3896), «УралПресс» (индекс 73334), «Прессинформ», «Информсистема», ООО «ИВИС».

Приобрести электронную версию журнала можно на сайте: <https://www.riash.ru>

© ООО «Наш язык», 2024

The scientific and methodological journal

RUSSIAN LANGUAGE

at school

Founded in august 1914
6 issues per year

Vol. 85

2

2024

Chief Editor

Natalia A. Nikolina, Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Responsible Secretary

Anastasia E. Kumanyaeva, Cand. of Sci. (Ped.), Company "Our Language", Moscow, Russia

Editor

Elena A. Frolova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Company "Our Language", Moscow, Russia

Translator

Anna N. Oveshkova, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

Translation Editor

Natalia G. Popova, Cand. of Sci. (Sociol.), Head of Foreign Languages Department, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ekaterinburg, Russia

Editor Council

Harry Walter, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Institute of Slavic Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany

Alevtina D. Deikina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Aleksandr V. Zelenin, Dr. of Sci. (Philol.), Lecturer

Svetlana V. Ivanova, Dr. of Sci. (Philos.), Cand. of Sci. (Ped.), Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Scientific Director, Institute for Strategy of Education Development, Moscow, Russia

Leonid P. Krysin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Reseda F. Mukhametshina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia

Sergei S. Oganessian, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, State Councillor of the Russian Federation of the First Rank, Research Institute of the Federal Penitentiary Service, Moscow, Russia

Joanna Ozhehowska, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Warmian-Masurian University of Olsztyn, Olsztyn, Poland

Ilidikó Pálóshi, PhD, Senior Lecturer, Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary

Marina N. Priemysheva, Dr. of Sci. (Philol.), Leading Research Associate, Deputy Director, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg, Russia

Branko Toshovich, Professor, University of Graz, Graz, Republic of Austria

Stella N. Tseitlin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Herzen University, Saint-Petersburg, Russia

Yang Ke, Professor, Director, Institute of European Languages and Cultures, Guangdong University of Foreign Languages and International Trade, Guangzhou, Guangdong Province, China

Editorial Board

Lyubov G. Antonova, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Yaroslavl Demidov State University, Yaroslavl, Russia

Boris G. Bobylev (Hierodeacon Nathanael), Dr. of Sci. (Ped.), Cand. of Sci. (Philol.), Professor, Svyato-Dukhov Monastery, Livenskaya Eparchy, Orlovskaya Metropolis, Novosil, Russia

Nina S. Bolotnova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Tomsk State Pedagogical University, Tomsk, Russia

Yuliya N. Gosteva, Cand. of Sci. (Ped.), Senior Research Associate, Institute for Strategy of Education Development, Moscow, Russia

Irina N. Dobrotina, Cand. of Sci. (Ped.), Researcher Fellow, Institute for Strategy of Education Development, Moscow, Russia

Olga E. Drozdova, Dr. of Sci. (Ped.), Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Elena L. Erokhina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Natalia L. Mishatina, Dr. of Sci. (Ped.), Professor, Herzen University, Saint-Petersburg, Russia

Svetlana V. Naumenko, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Kansk Pedagogical College, Kansk, Krasnoyarsk region, Russia

Oleg V. Nikitin, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, State University of Education, Moscow, Russia

Natalia V. Patroeva, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

Tatyana M. Pakhnova, Cand. of Sci. (Ped.), Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

Vladimir M. Pakhomov, Cand. of Sci. (Philol.), Chief Editor, Reference and Information Internet-portal «Gramota.ru»; Researcher Fellow, Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Ekaterina V. Peresvetova, Cand. of Sci. (Ped.), Teacher, School No. 1522 named after V. I. Churkin, Moscow, Russia

Vera A. Pishchalnikova, Dr. of Sci. (Philol.), Professor, Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

Anna Romanik, Cand. of Sci. (Philol.), Associate Professor, University of Bialystok, Bialystok, Poland

Marina R. Shumarina, Dr. of Sci. (Philol.), Associate Professor, Balashov Institute, Saratov State University, Balashov, Russia

The journal is included in the List of Peer-Reviewed Scientific Journals of the RF Higher Attestation Commission in the categories: 5.8.2. Theory and methodology of teaching and upbringing (by areas and levels of education) (Pedagogical sciences); 5.9.5. Russian language. Languages of the peoples of Russia (Philological sciences); 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (Philological sciences) (<https://vak.minobrnauki.gov.ru/main>). The journal is registered in the Russian Science Citation Index and 24 Russian and international databases, including RSCI, Scopus, ERIHPLUS, WorldCat и GoogleScholar.

Founder and publisher: Limited Liability Company "Our Language" ("Nash Yazyk" LLC)

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies and Mass Communications, registration number P. No. FS 77-80108 of 31.12.2020
ISSN 2619–0966 (Online)

Corrector – T. Yu. Smirnova. Computer layout – K. V. Morozov.

Edition 250 ex. Format 70x100¹/₁₆ Printed sheet 8. Offset paper. Order
Release date of the issue 15.03.2024. Free price.

The address of the editorial office and publisher: 17 Bolshaya Andronievskaya str., Moscow, 109544, Russia; telephone: +7 (495) 671-09-85; website: <https://www.riash.ru/>; e-mail: admin@riash.ru
Printed in the printing house of JSC "First Model Printing House", branch of "Chekhov Printing House", 1 Polygraphistov str., Chekhov, Moscow region, 142300, Russia.

A subscription can be entered through the following subscription agencies: Russian Post (index P3896), UralPress (index 73334), Pressinform, Inform-system, IVIS LLC. The electronic version of the journal can be purchased at: <https://www.riash.ru/>

© LLC "Our Language", 2024

СОДЕРЖАНИЕ

МЕТОДИКА И ОПЫТ

<i>Мишатина Н. Л.</i> Лингвокультурные концепты через призму прецедентных феноменов мини-текстов интернет-дискурса (методологические размышления).....	7
<i>Парышева Е. В.</i> Методические аспекты использования цитаты в современных учебниках русского языка.....	18

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ

<i>Брыкова А. А.</i> Создание искусственного языка как инструмент оценки метаязыковых способностей детей.....	28
---	----

МЕТОДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

<i>Дейкина А. Д., Янченко В. Д.</i> Методическое наследие профессора М. Т. Баранова (к 100-летию со дня рождения).....	40
--	----

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Васильева-Шальнева Т. Б.</i> Структурно-семантические доминанты поэтики произведений Ю. В. Бондарева о Великой Отечественной войне (к 100-летию со дня рождения).....	50
<i>Фролова Е. А.</i> «Я – русский солдат»: лингвостилистический анализ романа Б. Л. Васильева «В списках не значился» (к 100-летию со дня рождения).....	60
<i>Евтушенко О. В.</i> Описания в текстах В. В. Набокова: обновление приемов в соперничестве с киноязыком (к 125-летию со дня рождения).....	69
<i>Димитриева О. А.</i> «Тайная вечеря» И. С. Шмелева: образ хлеба и вина в эпосе «Солнце мертвых».....	79

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

<i>Ерёмин А. Н., Петрова О. О.</i> О темпоральности и модальности внутренних предикатов лексических значений (на материале имен лиц).....	90
<i>Черникова Н. В.</i> Стилистические и синтаксические функции парцелляции (на материале повести Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие...»).....	97
<i>Буцева Т. Н., Зеленин А. В.</i> Новые и актуализированные слова с компонентом <i>война</i> в современном медиадискурсе.....	108

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

<i>Ильченко О. С.</i> Концептология профессора В. В. Колесова как синтезирующее направление когнитивной лингвистики (к 90-летию со дня рождения ученого).....	119
---	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Мишатина Н. Л.</i> Рецензия на монографию: С. Г. Воркачев. <i>Symbolum patriae: гимнодия и геральдика в лингвокультурном аспекте</i> . Краснодар: ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2023. 251 с.....	125
--	-----

CONTENT

METHODOLOGY AND EXPERIENCE

<i>Mishatina N. L.</i> Linguocultural concepts through the prism of precedent phenomena of Internet discourse mini-texts (methodological reflections)	7
<i>Parysheva E. V.</i> Methodological aspects of using quotations in modern Russian language textbooks	18

CHILDREN'S SPEECH

<i>Brykova A. A.</i> Artificial language creation as a tool for assessing children's metalinguistic abilities	28
---	----

METHODOLOGICAL HERITAGE

<i>Deikina A. D., Yanchenko V. D.</i> Methodological legacy of Professor M. T. Baranov (to the 100th anniversary of the birth)	40
--	----

LITERARY TEXT ANALYSIS

<i>Vasilieva-Shalneva T. B.</i> Structural semantic features dominant in the poetics of Yu. V. Bondarev's works about the Great Patriotic War (to the 100th anniversary of the birth)	50
<i>Frolova E. A.</i> "I am a Russian soldier": linguistic and stylistic analysis of B. L. Vasilyev's novel "His Name Was Not Listed" (to the 100th anniversary of the birth)	60
<i>Evtushenko O. V.</i> Descriptions in V. V. Nabokov's texts: perfecting techniques in competition with the cinematic language (to the 125th anniversary of the birth)	69
<i>Dimitrieva O. A. I. S.</i> Shmelyov's "Last Supper": the image of bread and wine in the epic "The Sun of the Dead"	79

LINGUISTIC NOTES

<i>Eryomin A. N., Petrova O. O.</i> On the temporality and modality of the internal predicates of lexical meanings (on the material of personal names)	90
<i>Chernikova N. V.</i> Stylistic and syntactic functions of parcelling (on the material of B. L. Vasilyev's novella "The Dawns Here Are Quiet")	97
<i>Butseva T. N., Zelenin A. V.</i> New and actualised words with the <i>war</i> component in modern media discourse	108

LINGUISTIC HERITAGE

<i>Ilichenko O. S.</i> Conceptology of Professor V. V. Kolesov as a synthesising branch of cognitive linguistics (to the 90th anniversary of the birth)	119
---	-----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>Mishatina N. L.</i> Monograph review: S. G. Vorkachev. <i>Symbolum patriae: hymnody and heraldry in the linguocultural aspect</i> . Krasnodar: KubSTU, 2023. 251 p.	125
---	-----

МЕТОДИКА И ОПЫТ METHODOLOGY AND EXPERIENCE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-7-17>

Лингвокультурные концепты через призму прецедентных феноменов мини-текстов интернет-дискурса (методологические размышления)

Наталья Львовна Мишатина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, mishatina-nl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6959-8774>

Аннотация. В статье рассматривается новая антропопрактика методической лингвоконцептологии, методологически ориентированная на теорию прецедентики и исследования в области лингвистики креатива. Актуальность исследования связана с тем, что лингвокреативная составляющая речевой деятельности цифрового поколения все больше связана с интернет-пространством, поэтому есть необходимость в методическом освоении новых коммуникативных территорий. Цель настоящей статьи – в русле лингвоконцептоцентрического подхода рассмотреть методический потенциал освоения лингвокультурных концептов через призму прецедентных феноменов мини-текстов интернет-дискурса (стишков-пирожков и стишков-порошков). Особенности таких текстов автором соотносятся с некоторыми характеристиками современного сетевого дискурса: экспансией демонстративности, ювенилизацией общения, поликодовостью и визуализированностью представления информации, нивелированием стилистических различий устной и письменной речи, репликовостью коммуникации. На конкретных примерах с опорой на прецедентные единицы показана работа приемов языковой игры в рамках лингвистики креатива. Основной метод исследования – метод анализа ассоциативно-культурного контекста прецедентного феномена. Отрефлексирована значимость и актуальность нового дидактического материала как продукта культуры метамодернизма в развитии креативной языковой личности представителей интернет-поколения в границах единого культурного кода. Делается вывод о педагогической целесообразности использования мини-текстов в качестве востребованного цифровым поколением провокативного материала, с одной стороны, как актуализатора прецедентных смыслов концептов русской культуры, являющихся основой для построения собственного гештальта в условиях гармонизирующего диалога; с другой – как триггера развития лингвокреативной способности старшеклассника или студента в роли игрока-креатора или игрока-интерпретатора.

Ключевые слова: лингвокультурный концепт, сетевая языковая личность, лингвокреативные стратегии, прецедентные единицы, языковая игра, интернет-фольклор, малые жанры, стишки-пирожки, стишки-порошки

Для цитирования: Мишатина Н. Л. Лингвокультурные концепты через призму прецедентных феноменов мини-текстов интернет-дискурса (методологические размышления) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 7–17. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-7-17>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Linguocultural concepts through the prism of precedent phenomena of Internet discourse mini-texts (methodological reflections)

Natalia L. Mishatina

*Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, mishatina-nl@yandex.ru,
https://orcid.org/0000-0001-6959-8774*

Abstract. The article examines the new anthropopractice of methodological linguoconceptology which is methodologically oriented towards the theory of precedence and research in the field of creative linguistics. The study is relevant as the linguo-creative speech activity component of the digital generation is increasingly connected with the Internet space. Therefore, there is a need for methodological exploration of new communication areas. The article aims to consider the methodological potential of mastering linguocultural concepts through the prism of precedent phenomena of Internet discourse mini-texts (pie rhymes and powder rhymes¹) in the context of the linguoconceptocentric approach. The author correlates the features of such texts with some modern network discourse characteristics. They include ostentation expansion, communication juvenilization, poly-coded and visualized presentation of information, the leveling of stylistic differences between oral and written speech, and rejoinder-based communication. Using concrete examples based on precedent units, the paper demonstrates the work of language game techniques within the framework of creative linguistics. The main research method is analysis of the associative cultural context of precedent phenomena. The research reflects on the significance and relevance of new didactic materials as a metamodernism culture product in the development of Internet generation representatives' creative linguistic personality within the boundaries of a single cultural code. The article concludes that it is pedagogically appropriate to use mini-texts as thought-provoking materials popular with the digital generation. On the one hand, such rhymes can foreground the precedent meanings of the Russian culture concepts which are the basis for forming one's own gestalt in the harmonizing dialogue conditions. On the other hand, mini-texts facilitate linguo-creative ability development in high school or university students taking in the role of a player-creator or player-interpreter.

Keywords: linguocultural concept, network linguistic personality, linguo-creative strategies, precedent units, language game, Internet folklore, small genres, pie rhymes, powder rhymes

For citation: *Mishatina N. L. Linguocultural concepts through the prism of precedent phenomena of Internet discourse mini-texts (methodological reflections). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2024;85(2):7–17. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-7-17>.*

Введение. XXI век прощается с постмодернизмом. Многие вопросы образования требуют сегодня глубокого осмысления уже в категориях новой культурной парадигмы — **метамодернизма** — как философии интернет-поколения, возвращающей эффект (в границах новой чувствительности), историчность («поиск своих корней, традиций и сути пребывания в этом мире») и глубину сознания («новую серьезность»)². Нужны современные образовательные решения. Среди них — поиск сетевого дидактического материала как основы для «выращивания» новых образцов антропопрактик.

Одно из перспективных направлений развития методической лингвоконцептология связано с интерпретацией и созданием **текстов «новой природы»**. К ним относятся малые ироничные жанры интернет-фольклора

или, в иной терминологии литературы нон-сенса, **стишки-пирожки** и **стишки-порошки**. Среди предшественников новых сложных *текстотипов* (термин В. И. Карасика), порождаемых интенцией художественного самовыражения в интернет-коммуникации, называют хокку, частушки (с учетом формы), «садиетские стишки», поэзию обэриутов, стихи Олега Григорьева, «гарики» Игоря Губермана, одностишия Владимира Вишневского, стихи на карточках Льва Рубинштейна и т. д. В основе мини-текстов стишков как продуктов массового поэтического творчества, свидетельствующих о «демократизации креативности», лежит обработка социально и культурно значимой информации. Поэтому задача квалифицированного читателя (а им по умолчанию является студент-филолог и учащийся профильного лингвистического класса) — «выявлять смыслы» в этих стишках и далее, по известной формуле Барта, «их именовать».

Жанр стишков, знакомя с массовой языковой практикой, погружает языковую личность в интенсивную жизнь в языке. В условиях школьного языкового образования такая деятельность нуждается в сопровождении наставника-словесника. Его задача — в рамках

¹ Pie and powder rhymes are analogous to English limericks (translator's note).

² Подробнее об этом см.: *Мишатина Н. Л. Методическая лингвоконцептология: перезагрузка в эпоху метамодернизма // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 4. С. 7–16. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-4-7-16>.*

нормативной языковой практики отобразить стишки с опорой на прецедентные феномены. Эти мини-тексты интернет-дискурса (прежде всего порошки), актуализируя интертекстуальный тезаурус читателя, свидетельствуют в то же время о новом восприятии молодым поколением многих концептов русской культуры.

Как известно, именно ассоциативный компонент, представленный либо в форме образно-метафорических коннотаций, либо прецедентных связей, является определяющим в семантике концепта, включенного в «вертикальный контекст» [Воркачев 2013: 28–29].

Ю. Н. Карауловым в рамках теории прецедентных текстов впервые были сформулированы основные особенности этих текстов: «(1) значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) имеющие сверхличностный характер, то есть хорошо известные широкому кругу данной личности, и, наконец, (3) обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 2019: 216]. Его дефиниция была затем экстраполирована на прецедентные феномены в целом. В классификации В. В. Красных и Д. Б. Гудкова, как известно, – это прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентный текст, прецедентная ситуация [Красных, Гудков 2002: 46–49]. Формирование прецедентной компетенции – «одна из самых актуальных на сегодня проблем речевой культуры современного поколения» [Черняк 2023: 34], поскольку сохранение культурной памяти (*memory studies*), проявляющейся, в частности, «во владении прецедентными феноменами, – это важнейшее условие национально-культурной идентификации личности, связи поколений, обеспечения полноценного восприятия текстов культуры» [Там же].

При обращении к стишкам-пирожкам и стишкам-порошкам трудно не процитировать Р. Барта: всякий текст «соткан из цитат, отсылок, отзвуков» [Барт 1994: 418]. Независимо от способа введения прецедентных феноменов в текст (дословное цитирование или деформированное) любая цитата приобретает новый смысл, так как в любом случае меняется вербальный и ситуативный контекст, сопровождающий

прецедентный феномен. Таким образом, креативность оказывается культуuroобразующим началом в мини-жанрах интернет-дискурса, отражающих цитатность мышления современного человека и предполагающих соответствующую реакцию их читателей.

Соотнесем особенности стишков с некоторыми характеристиками современного сетевого дискурса, выделенными В. И. Карасиком и Г. Г. Слышкиным [Карасик, Слышкин 2021]. При этом дискурс понимается как «текст, погруженный в ситуацию общения» (уточненная В. И. Карасиком формулировка известного определения Н. Д. Арутюновой: дискурс – «речь, погруженная в жизнь»).

1. Экспансия демонстративности как подчеркнутое продвижение собственного имиджа «поколением достижений» (удачная формула современного норвежского психолога и философа Оле Мадсена).

В стишках речевую свободу личности с установкой на дивергентное мышление можно рассматривать как состязательность в вербальной креативности, проявляющаяся в «использовании нестандартного языкового кода» [Гридина 2008: 4], в парадоксальности и непредсказуемости речевых действий, в «осознанной ломке стереотипов речевого поведения носителя языка» [Варенцова, Чемезова 2019: 87]. Как отмечает Т. А. Гридина, игровой код является «способом самовыражения личности, ее мировоззренческих и эстетических установок» [Гридина 2020: 17], а распутывание стишка-порошка как «интертекстуального клубка» (метафора предложена С. Н. Петренко), в котором происходит столкновение несовместимого, становится состязательной интеллектуальной работой читателя с текстом «новой природы», ориентированной на восприятие и считывание игровой интенции автора.

2. Ювенилизация (направленность коммуникативного поведения на юмористически-игровой подростковый или молодежный стиль, неприемлемость патетики).

Стишки – игровые мини-жанры интернет-фольклора, ориентированные на нетривиальность восприятия («считывание» ассоциативно-игровых смыслов прецедентных феноменов) языковой личностью *homo ludens* («человека играющего» – Йохан Хёйзинга). Согласно концепции Джоя Гилфорда, дивергентное мышление – это

творческий тип мышления, идущего в различных направлениях³. Имплицитная диалогичность текста стихов, связанная с игровым преобразованием прецедентной единицы, позволяет генерировать новые альтернативы реагирования на их содержание.

3. Поликодовость и визуализированность представления информации.

На основе прецедентной единицы кодируется, «с одной стороны, общеизвестность и общезначимость информации для коммуникантов, с другой – поликодовость и диалогичность текста» [Чемезова, Варенцова 2019: 88]. В стихах явно обозначена тенденция к графической визуализации поликодового стихотворного текста (отсутствие знаков препинания и заглавных букв), которая не менее значима, чем вербальный аспект. Дополнительный визуальный акцент четко проявляется в креолизованных стихах с картинкой (см. рис. 1), что роднит данные тексты с лубочной традицией. Собственно говоря, в интернет-дискурсе так специфично проявляется «народная смеховая культура» (М. М. Бахтин).

АХ ЧТО МНЕ РУССКОЙ БАБЕ ДЕЛАТЬ
ВЕДЬ ИЗБЫ НЕ ГОРЯТ СОВСЕМ
И КОНИ ПЕРЕСТАЛИ БЕГАТЬ
ПОЕМ

Рис. 1

Обратимся к конкретному стиху-порошку. Канонические тексты Н. А. Некрасова – значимая составляющая культурного кода нашего современника, его интертекстуального тезауруса: «Некрасов цитатами все время всплывает» (Л. Петрушевская).

Однако не случайно А. А. Леонтьев пишет о двух видах памяти: «памяти фразы» (в ней смысловая организация текста выступает исключительно как средство запоминания, как своего рода вспомогательный прием)

и «памяти содержания» (мысль о тексте) [Леонтьев 1969: 183]. Проведенное питерскими учеными исследование свидетельствует о «снижении степени прецедентности хрестоматийных некрасовских цитат, об их клишированности и даже фразеологизации» [Черняк, Черняк 2023: 52], а это означает, что интертекстуальный тезаурус поколения цифры составляют в основном квазипрецедентные тексты.

Правильную настройку языковой личности школьника может дать неожиданный разворот от постиронии к «новой серьезности» уже «текущего момента». Например, в ходе интерпретации написанного еще в 60-е гг. XX в. стихотворения Наума Коржавина:

..Столетье промчалось. И снова,
Как в тот незапамятный год –
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет.
Ей жить бы хотелось иначе,
Носить драгоценный наряд...
Но кони – всё скачут и скачут.
А избы – горят и горят.

Нам надо понимать, что пространство базовых смыслов и национальных образов, созданных русской классикой, в социальных сетях подвержено лингвоаксиологической трансформации, переосмыслению и трактуется чаще всего совсем в других контекстах. Чтобы учитель-словесник и его ученики не коммуницировали параллельно, и нужны новые форматы и инструменты взаимодействия с традицией.

4. Нивелирование стилистических различий устной и письменной речи в электронной коммуникации.

Для коммуникативного языка членов интернет-сообщества характерна своеобразная имитация устной речи. Порожковая и порошковая поэзия – это промежуточное звено между сетевой литературой и интернет-фольклором, ибо эти мини-тексты невозможно предъявить в устной форме без смысловых потерь. Перед нами образец нового «устно-письменного текста» или «письменности особого рода», связанной с визуализацией (уход от использования знаков препинания, нередкий отказ от норм орфографии и др.) как одним из конституирующих принципов, сближающим ее с фольклором [Петренко 2014: 132].

³ Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления: сб. переводов с немецкого и английского / под ред. А. М. Матюшкина. М.: Прогресс, 1965. С. 433–456.

5. Репликовость коммуникации как следствия растущего темпа жизни и дефицита времени коммуникантов.

Емкие по содержанию и при этом максимально лаконичные однострофные формы сетевой поэзии в 34 (пирожки) или 32 (порошки) слога, помещающиеся в формат экрана компьютера без прокрутки, хорошо вписываются в сетевой дискурс, для которого характерна утрата говорящим и слушающим «заинтересованности в развернутом высказывании», что ведет к «информационной редукции высказывания» [Карасик, Слышкин 2021: 25].

Стишок-пирожок – это четверостишие без рифмы, цифр, знаков препинания и дефисов, написанное четырехстопным ямбом и строчными русскими буквами. Количество слогов по строкам: 9–8–9–8. Вместо имени автора – никнейм, сетевой псевдоним. Так называемая *пирожковая* была открыта на рубеже 2000–2010-х гг. Определяя стишки-пирожки с лингвистической точки зрения как «упражнения в остроумии», М. Я. Дымарский вводит понятие «пирожковое мышление» [Дымарский 2012: 387].

Стишок-порошок⁴ как жанр возник в результате попытки экспериментальной модификации стихотворного формата пирожка (2011). Четырехстрочная модель порошка ритмически и семантически очень близка пирожкам. Однако вторая и четвертая строки порошка рифмуются, а последняя, в терминологии М. А. Кронгауза – пуант (фр. *la pointe* ‘острие’), усекается до двух слогов, усиливая неожиданность концовки, которая «не просто противопоставлена началу, но вступает с ним в определенный конфликт, требуя его переосмысления и переоценки» [Кронгауз 2019: 116].

Порошки, в которых используется прецедентная единица как основа для выстраивания диалога между адресантом и адресатом интернет-коммуникации, становятся «замкнутыми игровыми мирами» (в терминологии Йохана Хейзинги), внутри которых разворачивается некое социокультурное действие, качество которого зависит как от **исходного культурного контекста**, предложенного креатором, так и от **компетентности интерпретатора**.

⁴ Опубликовано в сообществе «Порошки» в социальной сети «ВКонтакте».

Стишки (порошки и пирожки) изучаются в различных аспектах: как жанры интернет-фольклора (разновидность городского фольклора, связанного с письменными формами) [Шукина 2015; Кронгауз 2019], как жанры современного направления в литературе – литературы нонсенса [Дымарский 2012] или как жанры, имеющие двустороннюю эстетическую природу [Петренко 2014]; в аспекте прецедентной языковой игры [Чемезова, Варенцова 2022]; как средство выявления креативных свойств личности [Чемезова 2019].

Цель настоящей статьи – в русле лингвоконцептоцентрического подхода рассмотреть методический потенциал освоения лингвокультурных концептов через призму мини-текстов интернет-дискурса (пирожков и порошков) с включением и ассоциативно-культурным преобразованием прецедентной единицы.

Методы исследования. В данном исследовании применен метод теоретического анализа лингвистической литературы, что позволило выйти в область лингвометодики. В качестве основного метода исследования используется метод анализа ассоциативно-культурного контекста прецедентного феномена.

Обсуждение и результаты. Дискурсивные практики создателей стишков-пирожков и стишков-порошков относятся к «пространству языкового креатива», что объясняет наш интерес к теоретическим исследованиям в области нового научного направления – «Лингвистика креатива», объектом которого выступают разнообразные виды и формы языкового творчества, а основой является ассоциативно-операциональная концепция языковой игры, разработанная профессором Т. А. Гридиной и представленная в ее диссертационном исследовании⁵. Позднее данное направление было инициировано ученым на конференции «Лингвистика креатива» (Екатеринбург, 2008).

Языковая игра определяется Т. А. Гридиной как особая «форма лингвокреативного мышления, которое основано на ассоциативных механизмах и проявляет

⁵ Гридина Т. А. Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (Явление языковой игры): дис. ... д-ра филол. наук. М., 1996. 566 с.

способность говорящих к намеренному использованию нестандартного языкового кода в разных ситуациях речевой деятельности» [Гридина 2008: 4]. Среди единиц языковой игры особо выделяют **прецедентные феномены** как трансляторы культурных смыслов концептов. В работе с прецедентными феноменами концептов реализуется аллюзивный принцип языковой игры [Там же: 72–80], механизм которой «основан на ассоциативном наложении, ассоциативном параллелизме и ассоциативном противопоставлении, создающими интерпретационную основу семантизации языковых единиц в художественном тексте» [Там же: 154].

Многие стишки-порошки и стишки-пирожки создаются также по принципу аллюзивной игры, главный параметр которой – отсылка к прецедентным феноменам и их «ассоциативная “обработка” в новом интерпретационном ключе» [Гридина 2020: 15]. В ходе этой прецедентной «игры в бисер» выявляются лингвокреативные свойства личности, ее способности к установлению «глубины прецедентности» (в терминологии Г. Г. Слышкина) и считыванию ассоциативно-игровых смыслов прецедентного феномена.

Алгоритм анализа ассоциативно-культурного контекста стишка-порошка можно представить следующим образом (с опорой на работы Т. А. Гридиной и И. А. Чемезовой):

1. Чтение стишка-порошка.
2. Определение языковых маркеров, указывающих на исходный прецедентный феномен.
3. Выявление инвариантного смысла и базового ценностного компонента исходного прецедентного феномена (установление «глубины прецедентности»).
4. Определение способов ассоциативного преобразования прецедентной единицы (распознавание игровой стратегии адресанта).
5. «Перепрочтение» (декодирование) вторичных ассоциативно-культурных ценностных значений.

Языковая игра в мини-текстах интернет-дискурса порождает множество приемов и стратегий, основанных на «деструкции» формы и значения вербальных знаков. И. А. Чемезовой в аспекте концепции языковой игры Т. А. Гридиной выделены

следующие **стратегии прецедентной языковой игры**, в основе которых – ассоциативное преобразование прецедентных единиц в стихах-порошках [Чемезова 2019: 156–159]: 1) снижение культурного смысла за счет введения в состав новых словных компонентов; 2) переосмысление с помощью буквализации одного из компонентов; 3) контаминация (лат. *contamination* ‘смешение’) прецедентных ситуаций как принцип оценки социально значимого факта; 4) нанизывание прецедентных единиц в одном стихотворении по принципу цепочки; 5) перифраз идеологических клише; 6) поэтическая стилизация и др.

Обратимся сначала к трем стишкам-порошкам, в основе построения которых лежат разные приемы ассоциативного преобразования прецедентной единицы, обращая внимание старшеклассников или студентов на то, как креативность (дивергентное мышление) разворачивает наше восприятие содержания лингвокультурного концепта «любовь» «в разных, в том числе непредсказуемых, индивидуальных, оригинальных ассоциативных проекциях» [Гридина 2020: 15].

Основной и самый частотный прием ассоциативного преобразования в стишках связан с **введением нового компонента**, усиливающего эффект обманутого ожидания. Чаще всего этим компонентом становится жанрово обязательная последняя строка порошка (пуант), преднамеренно нарушающая языковой канон и в то же время ожидающая «опознания» читателем игрового кода общения.

1. Прием снижения, опрокидывания смыслов исходной прецедентной единицы за счет введения новых словных компонентов:

спасли обоих и джужельта
с ромео до скончанья дней
и нету повести на свете
нудней

Обратимся к наиболее прочно закрепленному в интертекстуальном тезаурусе молодых людей прецедентному феномену лингвоконцепта «любовь». Изначальный высокий романтический смысл любви, неподвластной времени и смерти, преобразуется в понимание обыденности чувства («спасли обоих»), растворенного в повседневности (трансформация прецедентного

текста «Нет повести печальнее на свете...» до слова-пуанта *нудней*). Аксиогенная ситуация воспринимается одновременно и всерьез, и отстраненно-иронично. Постирония возникает по поводу высокой любви и вечных браков, что в итоге становится ценностной метой культуры метамодернизма.

2. Прием снижения исходного культурного смысла за счет его натурализации:

с утра к царю заходит бледный
иван похожий на квашню
отец а вы хоть раз видали
квашню

Следующий порошок обращен к микросюжетам сказки «Царевна-лягушка». Включается механизм языковой игры: отождествление фонетического созвучия слова *квашн* и пуанта *квашню*. «Квашню» вызывает ассоциацию с «голой лягушкой», дословно «без одежды – без кожи» (ведь Иван в сказке сжигает лягушачью кожу). Это приводит к снижению, профанированию исходной прецедентной ситуации (связанной с неземной красотой вещей премудрой жены), к демонстрации ситуации неожиданно в новом, натуралистическом ключе.

Парадокс заключается между освоенными в данном тексте значениями ключевых единиц канонического текста сказки, а также в новой ассоциативной обработке языкового значения, спроецированного на проживаемую реальную ситуацию. Читатель-интерпретатор, переосмысливая концепт и связанный с ним мотив поиска вещей невесты, воплощающей мудрость, власть и красоту запредельную (Е. Н. Трубецкой), попадает в состояние метамодернистского интеллектуального «раскачивания» (движения «туда-и-обратно») в попытке преодолеть противоречия между «модернистским энтузиазмом» (инвариантное содержание прецедентной единицы концепта) и «постмодернистской насмешкой» (результат ее декодирования)⁶.

3. Прием поэтической стилизации:

в твоей симфонии вселенной
звучит сильнее день ото дня
зловещий маленький оркестрик
меня

⁶ Заметки о метамодернизме [Электронный ресурс]. URL: <https://metamodernizm.ru/notes-on-metamodernism> (дата обращения: 10.08.2023).

Языковая игра в стихах-порошках может являться одним из средств достижения эффекта эстетического воздействия, связанного с моделированием особого художественного мира.

Тексты Б. Окуджавы, отражающие общий культурный код современника, являются свидетельством «коллективной культурной идентичности». Исследования последних лет показывают, что узнаваемость цитат из творчества Б. Окуджавы вызывает трудности у представителей молодого поколения: *Ваше благородие, госпожа удача* узнают 36,2% (126 респондентов из 348); *Ах, Арбат, мой Арбат* – 34% (121 респондент из 355); *Бери шинель, пошли домой* – 30% (82 респондента из 275); *Надежды маленький оркестрик* – 28,4% (101 респондент из 355) [Черняк, Черняк, Ефремов 2023: 66–67]. Как тут с печалью не вспомнить замечание А. Гениса: «Отцов от детей отличают цитаты – одни их подхватывают, другие не знают, где ставить кавычки» (А. Генис. *Шесть пальцев. Пушгоры*). Проблемы возникают у «детей» не только с опознаванием авторства, но и в случае опознания – с анализом стиха и пониманием эстетики исходной прецедентной единицы («надежды маленький оркестрик»).

Философский образ «симфонии вселенной» как царства Веры, Надежды и Любви включает в себя и «вселенную человека» с его «маленьким оркестриком под управлением любви». Однако эпитет *зловещий* указывает на то, что что-то разладилось в этом «оркестрике», душевная гармония нарушена вторжением другого (отдельное существование «ты» и «я» подчеркнута пуантом *меня*), акцентируется разрушающая сила чувств (оркестрик «звучит сильнее день ото дня»). В стихе-порошке происходит трансформация прецедентного феномена, имеющего сугубо положительные коннотации, а языковая игра, будучи сюжетообразующим и смыслообразующим началом, становится кодовым транслятором авторской идеи.

4. Прием концентрации прецедентных феноменов в пределах одного текста:

исус спросил что там за крики
и шум за масляной горой
а это иоанн ответил
нас арестовывать идут

Моделируя содержание концепта «предательство», работаем с избыточной информацией стиха-пирожка, обращая внимание на соединение трех прецедентных феноменов: прецедентной ситуации из Библии – на Масличной (Елеонской) горе, в Гефсиманском саду, молился Иисус Христос (Мф. 24), прецедентных имен – Иисуса и Иоанна и прецедентного высказывания из «Мастера и Маргариты» М. Булгакова:

– А что это за шаги такие на лестнице? – спросил Коровьев, поигрывая ложечкой в чашке с черным кофе. – А это нас арестовывать идут, – ответил Азазелло и выпил стопочку коньяку.

Данный стихок, отсылающий к другому тексту, «в значительной степени расширяет свое смысловое и коннотативное поле» [Шукина 2015: 54], становясь своеобразным маркером современных фольклорно-литературных отношений.

5. В следующем пирожке, продолжающем тему предательства в комическом ключе, используется прием травестирования сакрального образа:

исус купил себе боксера
шести недельного щенка
глядит не может наглядеться
вот это друг не то что пётр

Трансформированные прецедентные высказывания и новозаветная прецедентная ситуация (предсказание Иисуса Христа во время Тайной вечери и три отречения апостола Петра) используются в неожиданном речевом контексте. В данном случае операционные единицы аллюзивной игры погружаются в ситуативно низкий бытовой контекст.

Постироничные тексты, проецируемые в повседневность и избегающие патетики, – это уже продукт новой философии интернет-поколения, одним из маркеров которой становится «новая искренность». Ее ключевые характеристики – подлинность, наивность, искренность и доверие⁷.

⁷ Подробнее об этом см.: Мишатина Н. Л. Методическая лингвоконцептология в контексте культуры метамодернизма // Мишатина Н. Л. Методическая лингвоконцептология: новые идеи и антропопрактики: монография. СПб.: ООО «Книжный дом», 2022. С. 13–32.

6. Контаминация прецедентных ситуаций как принцип оценки социально и культурно значимого факта:

что год грядущий мне готовит
сибирь кавказ морской пейзаж
гадалка грустно ставит кружку
пей саш

Достаточно сложным для расшифровки оказывается для реципиентов стихок-порошок, посвященный концепту «судьба», в котором основой «для ассоциативной выводимости прецедентной ситуации широкого уровня обобщения» [Чемезова 2019: 159] является ассоциативное наложение прецедентных выражений и словных компонентов: совпадающие едва ли не полностью «жизнь» и «творчество» поэта становятся его нераздельной экзистенциальной «судьбой».

В этом стихке старшеклассники, оказавшись в зоне осознанной языковой игры, сразу видя языковые маркеры (прецедентное имя самого поэта, прецедентные топонимы *Сибирь*, *Кавказ*, *морской пейзаж*, лексему *кружку*, отсылающую к стихотворению «Зимний вечер» и прецедентному высказыванию «Выпьем с горя, где же кружка»), тем не менее редко считают первый прецедент, актуализирующий **прецедентную ситуацию** (убийство Ленского). Не пройдя все «точки фиксации рефлексии» (Г. Богин) и не достигнув «глубины прецедентности» (Г. Г. Слышкин), игрок-интерпретатор получает текст «с отброшенным ключом» (М. Л. Гаспаров), поскольку ключ к предсказанию гадалки – в искаженной первой реплике монолога Ленского перед дуэлью «Что день грядущий мне готовит». Без него строка «Выпьем с горя, где же кружка» не будет прочитана как мета трагического предсказания судьбы самого поэта.

Результаты психолингвистического эксперимента, проведенного И. А. Чемезовой, говорящие «о значительном снижении ценности элитарной и классической культуры у студентов» [Чемезова, Варенцова 2022: 203], подтверждены и нашим исследованием: обращенный к молодому читателю интертекстуальный сигнал приведенного выше порошка воспринят большинством не был. Очень важно, чтобы современная культура не превратилась бы

для новых поколений, по образному выражению В. Пелевина, в «анонимную диктатуру» и не наступила бы «эпоха цитат из массовой культуры», когда «предметом цитирования становятся прежние заимствования и цитаты, которые оторваны от первоисточника и истерты до абсолютной анонимности» (Пелевин В. *Empire V*). Чтение порошков и пирожков и их интерпретация при профессиональной организации словесником работы стимулируют живой и состоятельный читательский интерес к поиску первоисточников.

Заключение. Методика работы с мини-жанрами интернет-фольклора, по-новому раскрывая особенности функционирования концептов русской культуры в современном дискурсе новой — метамодернистской — реальности, одновременно намечает пути к построению цифровым поколением собственного гештальта на основе полярных представлений о той или иной лингвокультурной ценности в эпоху неопределенности, колебания и движения.

Работа со стихами как с опорой на прецедентные единицы как с диалектическим сетевым материалом в условиях диалектически осциллирующего маятника приобретает особый смысл, если построение гештальта проходит в совместном диалогическом пространстве урока или учебного занятия, требующего в первую очередь от юных интерпретаторов знания прецедентных текстов, значимых для языковой личности в познавательном и эмоциональном отношениях.

Формирование «прецедентного поля» языковой личности (или «цитатного фонда» «языковой памяти» в терминологии Б. М. Гаспарова) — как важнейшая лингвокультурная проблема — в современном обществе с неизбежностью перерастает в проблему педагогическую и поколенческую. Ее решение начинается с определения цитатного минимума школьника и форм работы с ним⁸. Необходимо дать в руки молодому поколению, если использовать музыкальный образ Мандельштама из «Разговора о Данте»,

⁸ См. Дунев А. И. Цикады цитат: Цитатный минимум школьника. Словарь-справочник. Екатеринбург: Издательские решения, 2023. 224 с. Словарь включает 350 цитат из произведений школьной программы по литературе.

«упоминательную клавиатуру», игра на которой, согласимся с нашим поэтом, «и составляет самую сущность образования», ведь «образованность — школа быстрейших ассоциаций»⁹. И здесь весьма полезной может оказаться антропопрактика работы с лингвокультурными концептами через призму освоенных прецедентных феноменов мини-текстов интернет-дискурса в границах единого культурного кода. Но это только первый аргумент в защиту методической ценности стихов. Есть и другие, не менее важные.

В современной русской сетевой лингвокультуре активно используется ассоциативно-игровой потенциал прецедентных феноменов. Пирожковая и порошоквая поэзия становится инструментом выявления лингвокреативных свойств личности, обнаруживающих себя как в плане узнавания и интерпретации прецедентной единицы, так и в плане создания образцов данного жанра. «Человека играющего», безусловно, следует отнести к креативным личностям, чья языковая игра с прецедентными единицами (в статусе игрока-генератора / креатора или игрока-интерпретатора — в классификации Т. А. Гридиной) открывает неисчерпаемые ресурсы речетворчества.

Еще один аргумент находим в работах двух известных летчиков-писателей¹⁰. Сначала процитируем Антуана де Сент-Экзюпери:

Дети, что родились сегодня, дальше от меня, чем не знающие о Боге варвары на заре веков. Во мне тяжесть сокровища, но оно бесполезно, как музыка, которой никому не слышно...

Эта мысль получает развитие у Рихарда Баха: музыка будет услышана, если «писатель пишет не для того, чтобы сказать вещи, которые до него никто не говорил, а для того, чтобы сказать их на языке своего времени». Не правда ли, что эта мысль созвучна миссии педагога-наставника, призванного говорить с учениками не просто на языке времени, в котором они находятся

⁹ Мандельштам О. Э. Слово и культура: статьи. М.: Советский писатель, 1987. С. 112–113.

¹⁰ Цитаты взяты из педагогического эссе: Колесникова И. А. Антуан де Сент-Экзюпери и Рихард Бах о путях восхождения к вечности на земле людей // Народное образование. 2023. № 1. С. 118–131. https://doi.org/10.52422/0130-6928_2023_1_118.

здесь и сейчас, но словами, пробуждающими в душах устремление постигать высшие смыслы Бытия, заложенные в концепты. Иначе, заключает Сент-Экзюпери, «если нет возможности объясниться по-новому, как мучительно проживать одно и по привычке думать другое».

Коммуникативная антропопрактика с образованием форм и смыслов слов в стихках с апелляцией к прецедентным текстам базовых концептов русской культуры — это и есть возможность для словесника «объясниться по-новому», погрузив сетевую языковую личность в продуктивную жизнь в языке. В этом случае ироничный модус мини-текстов рассматривается нами как близкая молодому поколению установка на речевое вовлечение его в сложный диалог с традиционными ценностями русского языка и русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барт Р. От произведения к тексту // Барт Р. Семиотика. Поэтика: Избранные работы. М.: Универс, 1994. С. 413–423.
2. Воркачев С. Г. *Studia selecta*: избранные работы по теории лингвокультурного концепта: монография. Волгоград: Парадигма, 2013. 167 с.
3. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте: монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2008. 165 с.
4. Гридина Т. А. Глава I. Идиостилевые ракурсы языковой игры: гротескный мир Вагрича Бахчаняна // Лингвистика креатива — 5: монография / под общей ред. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет», 2020. С. 14–60.
5. Дымарский М. Я. Между жанром и творчеством, или К становлению пирожкового мышления языковой личности // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 8: Памяти К. Ф. Седова. Саратов; М., 2012. С. 385–390.
6. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 1. С. 4–31. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-14-31>.
7. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 264 с.
8. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: лекц. курс. М.: Гнозис, 2002. 282 с.

9. Кронгауз М. А. Переосмысление текста и мотив превращения в малом жанре интернет-поэзии («порошок») // Слово.ру: балтийский акцент. 2019. Т. 10, № 4. С. 109–126. <https://doi.org/10.5922/2225-5346-2019-4-9>.

10. Леонтьев А. А. Психоллингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М.: Наука, 1969. 307 с.

11. Мишатина Н. Л. Методическая лингвоконцептология: перезагрузка в эпоху метамодернизма // Русский язык в школе. 2022. Т. 83, № 4. С. 7–16. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-4-7-16>.

12. Петренко С. Н. Пирожки и порошки: сетевая поэзия между фольклором и литературой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 7 (92). С. 129–135.

13. Чемезова И. А. Неустраиваемая тяга к креативности, или Прецедентная языковая игра в интернет-сообществах (на примере сообщества «Порошки») // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2019. Вып. 2 (28). С. 151–161.

14. Чемезова И. А., Варенцова Д. А. Классические прецедентные тексты в интернет-фольклоре молодежи: аксиологический аспект // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2022. № 1. С. 195–206. <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-1-195-206>.

15. Черняк В. Д. Глава 1. Прецедентные феномены и интертекстуальный тезаурус // Прецедентика в тезаурусе языковой личности: монография / под ред. В. А. Ефремова. СПб.: ООО «Виктория плюс», 2023. С. 19–35.

16. Черняк В. Д., Черняк М. А. Глава 2. Прецедентные феномены в тезаурусе молодого современника: экспериментальные данные. Н. А. Некрасов // Прецедентика в тезаурусе языковой личности: монография / под ред. В. А. Ефремова. СПб.: ООО «Виктория плюс», 2023. С. 45–54.

17. Черняк В. Д., Черняк М. А., Ефремов В. А. Глава 2. Прецедентные феномены в тезаурусе молодого современника: экспериментальные данные. Б. Ш. Окуджава // Прецедентика в тезаурусе языковой личности: монография / под ред. В. А. Ефремова. СПб.: ООО «Виктория плюс», 2023. С. 62–71.

18. Шукина К. А. Прецедентные феномены в пирожках и порошках — новых жанрах современной интернет-поэзии // Мир русского слова. 2015. № 4. С. 49–54.

REFERENCES

1. Barthes R. From work to text. *R. Barthes. Semiotika. Poetika: Izbrannye raboty = Semiotics.*

Poetics: Selected Works. Moscow: Univers, 1994. P. 413–423. (In Russ.)

2. Vorkachev S. G. *Studia selecta: selected works on linguocultural concept theory*. Volgograd: Paradigma, 2013. 167 p. (In Russ.)

3. Gridina T. A. *Language play in a fiction text*. Ekaterinburg: USPU Press, 2008. 165 p. (In Russ.)

4. Gridina T. A. Chapter I. Idiostyle angles of language play: the grotesque world of Vagrigh Bakhchanian. *Lingvistika kreativa-5. Pod obshch. red. prof. T. A. Gridinoi = Linguistics of creativity-5. Ed. by T. A. Gridina*. Ekaterinburg: USPU Press, 2020. P. 14–60. (In Russ.)

5. Dymarsky M. Ya. Between genre and creativity, or Toward the formation of a pie thinking of linguistic personality. *Zhanry rechii: sb. nauch. st. Vyp. 8: Pamyati K. F. Sedova = Speech genres: Collection of scientific articles. Vol. 8: In Memory of K. F. Sedov*. Saratov; Moscow, 2012. P. 385–390. (In Russ.)

6. Karasik V. I., Slyshkin G. G. Modern discourse developmental trends. *Aktualnye problemi filologii i pedagogicheskoi lingvistiki = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2021;(1):14–31. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-14-31>.

7. Karaulov Yu. N. *Russian language and linguistic personality*. Moscow: Librokom, 2019. 264 p. (In Russ.)

8. Krasnykh V. V. *Ethnopsycholinguistics and linguoculturology: lecture course*. Moscow: Gnosis, 2002. 282 p. (In Russ.)

9. Krongauz M. A. Text reinterpretation and the motif of transformation in a short form of Internet poetry ("powder"). *Slovo.ru: baltiyskii aktsent = Slovo.ru: Baltic accent*. 2019;10(4):109–126. (In Russ.)

10. Leontiev A. A. *Psycholinguistic units and the generation of speech utterance*. Moscow: Science, 1969. 307 p. (In Russ.)

11. Mishatina N. L. Methodological linguo-conceptology: resetting in the era of metamodernism. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2022;83(4):7–16. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2022-83-4-7-16>.

12. Petrenko S. N. *Pies and powders: online poetry between folklore and literature*. *Izvestiya*

Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta = Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University. 2014;(7):129–135. (In Russ.)

13. Chemezova I. A. The irresistible urge for creativity, or Precedent language game in Internet communities (on the example of the "Powders" community). *Ural'skii filologicheskii vestnik. Ser. Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa = Ural Philological Herald. Series Language. System. Personality: The Linguistics of Creativity*. 2019;(2):151–161. (In Russ.)

14. Chemezova I. A., Varentsova D. A. Classical precedent texts in the Internet folklore of youth: Axiological aspect. *Aktualnye problemi filologii i pedagogicheskoi lingvistiki = Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics*. 2022;(1):195–206. (In Russ.). <https://doi.org/10.29025/2079-6021-2022-1-195-206>.

15. Chernyak V. D. Chapter 1: Precedent phenomena and intertextual thesaurus. *Pretsedentika v tezauruse yazykovoi lichnosti. Pod red. V. A. Efremova = Precedent in the thesaurus of linguistic personality. Ed. by V. A. Efremov*. Saint Petersburg: Viktoriya plus, 2023. P. 19–35. (In Russ.)

16. Chernyak V. D., Chernyak M. A. Chapter 2. Precedent phenomena in the thesaurus of a young contemporary: experimental data. N. A. Nekrasov. *Pretsedentika v tezauruse yazykovoi lichnosti. Pod red. V. A. Efremova = Precedent in the thesaurus of linguistic personality. Ed. by V. A. Efremov*. Saint Petersburg: Viktoriya plus, 2023. P. 45–54. (In Russ.)

17. Chernyak V. D., Chernyak M. A., Efremov V. A. Chapter 2. Precedent phenomena in the thesaurus of a young contemporary: experimental data. B. Sh. Okudzhava. *Pretsedentika v tezauruse yazykovoi lichnosti. Pod red. V. A. Efremova = Precedent in the thesaurus of linguistic personality. Ed. by V. A. Efremov*. Saint Petersburg: Viktoriya plus, 2023. P. 62–71. (In Russ.)

18. Shchukina K. A. Precedent phenomena in the new genres of contemporary Internet poetry: "pirozhek" and "poroshok". *Mir Russkogo slova = The World of Russian Word*. 2015;(4):49–54. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Львовна Мишатина, доктор педагогических наук, профессор

Natalia L. Mishatina, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor

Статья поступила в редакцию 06.10.2023; одобрена после рецензирования 20.11.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 06.10.2023; approved after reviewing 20.11.2023; accepted for publication 20.12.2023.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-18-27>

Методические аспекты использования цитаты в современных учебниках русского языка

Екатерина Викторовна Парышева

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург,
Россия, cancel@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5777-0178>*

Аннотация. В статье рассматривается проблема использования цитат в современных учебниках русского языка для основной школы. Актуальность статьи обусловлена тем, что во многих исследованиях цитата анализируется прежде всего как лингвистический феномен, в то время как ее методический потенциал не изучен. Цитата, обладая ощутимым воспитательным потенциалом, становится частью фоновых знаний и интертекстуального тезауруса языковой личности. Материалами исследования послужили два учебника и один учебно-методический комплекс по русскому языку для V–IX классов. Особое внимание уделено следующим аспектам: определению цитаты, представленному в учебнике, функциям цитат и источникам цитат. Описываются особенности работы с цитатами в учебниках, анализируются и обобщаются типы предлагаемых заданий. В результате анализа выявлено, что в современных учебниках цитаты включаются в теоретический текст в качестве аргументов и ссылок на авторитетное мнение. Если цитата используется как эпиграф или основа для создания собственного речевого произведения, на первый план выступает ее ценностно-смысловой и воспитывающий потенциал. Предлагаемые авторами учебников задания во многом однотипны и имеют репродуктивный характер. Вопросы, направленные на объяснение смысла высказывания, не раскрывают в полной мере ценностный потенциал цитаты. В заключение отмечается, что системная работа с цитатой должна опираться на следующие принципы: 1) учет формальной и содержательной стороны высказывания; 2) установление связи с исходным текстом и социокультурным контекстом высказывания; 3) диалогичность; 4) ориентация на личный опыт и интересы учащихся; 5) осознанное запоминание.

Ключевые слова: цитата, функции цитат, цитирование, типы упражнений, школьный учебник по русскому языку, интертекстуальный тезаурус

Благодарности. Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А. И. Герцена.

Для цитирования: Парышева Е. В. Методические аспекты использования цитаты в современных учебниках русского языка // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 18–27. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-18-27>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Methodological aspects of using quotations in modern Russian language textbooks

Ekaterina V. Parysheva

*Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, cancel@bk.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-5777-0178>*

Abstract. The article examines the issue of using quotations in modern Russian language textbooks for middle school. The research is relevant since many studies analyse quotations primarily as a linguistic phenomenon, while their methodological potential has not been studied yet. As quotations have considerable educational potential, they become part of the background knowledge and intertextual thesaurus of the linguistic personality. The research materials included two textbooks and one complex of teaching materials on the Russian language for years 5–9. The study pays close attention to three aspects, namely the textbook definitions of a quotation, the functions of quotations, and their sources. The article describes specific features of working with textbook quotations, as well as analyses and summarises the types of proposed assignments. The analysis reveals that in modern textbooks, quotations are included in the theoretical text as arguments and references to expert opinion. If a quotation is used as an epigraph or the basis for creating one's own speech product, its axiological and educative potential comes to the fore. In general, the tasks the authors of the textbooks propose are similar and of a reproductive type. Questions aimed at explaining the statement meaning do not fully reveal the value potential of the quotation. The paper concludes that systematic work with quotations should be

based on the following principles: 1) taking into account the formal and semantic aspects of the statement; 2) establishing a connection with the source text and the sociocultural context of the statement; 3) dialogicality; 4) focus on students' personal experience and interests; 5) conscious memorisation.

Keywords: quotation, functions of quotations, citation, exercise types, Russian language school textbook, intertextual thesaurus

Acknowledgements. The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia.

For citation: Parysheva E. V. Methodological aspects of using quotations in modern Russian language textbooks. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2024;85(2):18–27. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-18-27>.

Введение. Мысль о том, что текстом в широком смысле можно назвать всякий связный знаковый комплекс, была высказана еще М. М. Бахтиным¹, поэтому и цитата, и сам феномен цитирования являются объектом исследований разных научных дисциплин: не только лингвистики, но и литературоведения, культурологии, историографии. Однако наиболее широкое освещение феномен цитирования получил именно в лингвистике и лингводидактике.

Направления лингвистических исследований, в которых рассматривается феномен цитирования, разнообразны. В них освещаются проблемы интертекстуальности и прецедентности², обобщается опыт работы над проблемами культурной памяти, формирования корпуса прецедентных феноменов и интертекстуального тезауруса студентов и школьников³.

В исследовании по лингводидактике работа с цитатой рассматривается как способ приобщения учащихся к культуре

страны изучаемого языка⁴ и прием формирования коммуникативных навыков⁵.

Менее пристальное внимание уделяется работе с цитатой в методике преподавания русского языка в школе. И. И. Шеляпина ввела понятие *текст-импульс* – текст, который вызывает у читателя эмоциональный отклик, побуждает к познавательной деятельности и созданию вторичных речевых произведений [Шеляпина 2020: 150]. Распространенной ситуацией использования текста-импульса на уроке русского языка является подбор учителем эпиграфа к уроку, смыслового акцента, способствующего мыслительной деятельности школьников⁶. Кроме того, большую роль в формировании языковой личности играют умения использовать цитаты: «Готовность опознать цитату в тексте и в речи

¹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.

² См. также: Рагинова Ф. С. Канонический способ актуализации прецедентного высказывания // Вестник Кемеровского государственного университета. 2008. № 1. С. 45–50; Темботова Е. С. Цитирование как дискурсивная стратегия // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2011. № 13. С. 170–173; Сидоренко К. П. Цитаты из басен Ивана Андреевича Крылова в русской речи (к 250-летию со дня рождения) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10. № 2. С. 238–255. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-2-238-255>.

³ См. также: Прецедентика в тезаурусе языковой личности: монография / под ред. В. А. Ефремова. СПб.: ООО «Виктория плюс», 2023. 148 с.

⁴ См. также: Полубиченко Л. В., Фурсова А. А. Учебный словарь цитат: предпосылки и первые результаты // Вестник Московского университета. Серия 19: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 1. С. 47–56.

⁵ См. также: Мамлеева А. Ф. Чтение и анализ цитат как основа развития навыков устной аргументированной речи на иностранном языке // Вопросы методики преподавания в вузе. 2021. Т. 10. № 37. С. 58–67. <https://doi.org/10.18720/HUM/ISSN 2227-8591.37.04>; Бедрицкая Л. В., Василевская Л. И. Формирование коммуникативных умений с опорой на цитаты // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы XV Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. В. Егоров, А. А. Быков. Минск, 2022. С. 524–525.

⁶ См., например: Левушкина О. Н., Соколенко М. О. и др. Высказывания классиков в роли текстов-импульсов на уроках русского языка (к 200-летию юбилею Н. А. Некрасова и Ф. М. Достоевского) // Sciences of Europe. 2021. № 81. С. 37–43.

собеседника, возможность ее интерпретировать — важные показатели языкового и литературного развития читателя-школьника» [Дунев, Ядровская 2023: 118]. Цитата обладает осязаемым воспитательным потенциалом для разностороннего развития личности, поскольку наиболее известные тексты становятся частью социально-культурного опыта, фоновых знаний носителя языка и его интертекстуального тезауруса, связанного со знанием других текстов⁷. Владение достаточным объемом культурологических знаний, которые включают в том числе цитаты из художественных произведений, является одним из условий готовности к общению⁸.

Актуальной задачей современной методики становится создание системы работы с цитатой в процессе школьного гуманитарного образования. Разработку такой методики целесообразно начать с изучения того, как представлена цитата и как рассматривается феномен цитирования в современных учебниках и учебно-методических комплексах по русскому языку.

В научно-методической литературе, посвященной анализу учебников русского языка, исследуются различные аспекты феномена учебной книги: представление отдельных лексических и грамматических тем⁹, потенциал школьных учебников для развития ИКТ-компетенции¹⁰, проблема восприятия

и понимания учебного текста по русскому языку¹¹. Большое внимание уделяется роли материалов учебника русского языка в формировании культурологической компетенции. Так, например, в работе И. А. Павлиновой на материале советских и российских учебников рассмотрены аксиологический, культурологический и коммуникативный подходы к изучению русского языка в начальной школе [Павлинова 2019]. Н. В. Попова определила, что в учебнике русского языка Р. Н. Бунеева и Е. В. Бунеевой широко представлена информация, способствующая созданию «культурологического фона» урока, к которой относятся выдержки из текстов известных писателей, ученых, художников [Попова 2014]. По мнению А. Д. Дейкиной, определившей ценностные смыслы современного учебника русского языка, осознание языка как высшей надындивидуальной ценности является доминантой воспитания и образования, которая «придает смысл постоянному совершенствованию в родном языке, развитию и воспитанию в себе языковой личности...» [Дейкина 2018: 8]. Решению этих задач способствует системная работа с цитатой, однако изучение функций цитат в учебниках русского языка находится на периферии области научного поиска.

Целью статьи является анализ современных учебников по русскому языку для основной школы с точки зрения используемых в них определений цитаты, ее функций и источников. Исследование этих аспектов позволит определить возможные принципы организации системной работы с цитатой на уроках русского языка в школе. Цитата в данном случае рассматривается не как лингвистический феномен, а как дидактическая единица.

В узком смысле цитата — это «дословное и взятое в кавычки воспроизведение элемента чужого текста с указанием источника» [Саблина 2009: 50]. Е. Н. Золотухина отмечает, что цитатой принято считать: «1) воспроизведение двух или более компонентов текста-донора с собственной

⁷ См., например: Бакина А. Д. Цитата как факт соотношения языка и культуры // Вопросы филологических наук. 2007. № 2. С. 37–39.

⁸ См., например: Яско А. В., Ефимова Т. А. Прецедентные тексты на уроках русского языка // Наука и образование: проблемы и перспективы — 2018: сб. материалов региональной научно-практической конференции. СПб.: Амфора, 2018. С. 299–302.

⁹ См., например: Букаренко С. Г. Раздел «Лексика» в школьных учебниках: поиски путей его совершенствования // Вестник педагогических наук. 2021. № 4. С. 82–86; Сулейманова С. Р. Односоставные конструкции в структуре сложных предложений // Новые горизонты русистики. 2020. № 10. С. 29–33.

¹⁰ См., например: Хаирова И. В. Потенциал учебников русского языка в формировании ИКТ-компетентности обучающихся // Современный учебник русского языка для средней школы: теория и практика: сб. междунар. науч.-практической конф. М., 2021. С. 315–320.

¹¹ Коновалова Н. И. Современный учебный текст по русскому языку: механизмы восприятия и принципы конструирования // Филологический класс. Т. 25. 2020, № 1. С. 164–172. <https://doi.org/10.26170/FK20-01-16>.

предикацией; 2) введение интертекстемы во вторичный текст в исходном, неизменном виде; 3) дословную выдержку из какого-либо текста» [Золотухина 2008: 46]. Маркерами цитаты как интертекста служат кавычки или выделение с помощью другого шрифта. В данной статье цитата рассматривается как дословная выдержка из какого-либо текста с обязательным указанием автора первоисточника.

Материалы и методы

Материалами анализа послужили два учебника и один учебно-методический комплекс по русскому языку для основной школы:

1) линейка учебников «Русский язык. 5–7 класс» Т. А. Ладыженской, М. Т. Баранова, Л. А. Тростенцовой и др. и «Русский язык. 8–9 класс» С. Г. Бархударова и др. (далее обозначается как учебник-1)¹²;

2) линейка учебников «Русский язык. 5–9 класс» М. М. Разумовской, С. И. Львовой, В. И. Капинос и др. (далее обозначается как учебник-2)¹³;

¹² Русский язык. 5 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 1 / М. Т. Баранов и др. 5-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2023. 240 с.; Русский язык. 5 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 2 / М. Т. Баранов и др. 5-е изд., перераб. М.: Просвещение, 2023. 271 с.; Русский язык. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 1 / М. Т. Баранов и др. 10-е изд. М.: Просвещение, 2019. 191 с.; Русский язык. 6 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 2 / М. Т. Баранов и др. 10-е изд. М.: Просвещение, 2019. 175 с.; Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 1 / М. Т. Баранов и др. 3-е изд. М.: Просвещение, 2021. 175 с.; Русский язык. 7 класс: учеб. для общеобразоват. организаций: в 2 ч. Ч. 2 / М. Т. Баранов и др. 3-е изд. М.: Просвещение, 2021. 143 с.; Русский язык. 8 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / С. Г. Бархударов и др. 2-е изд. М.: Просвещение, 2020. 271 с.; Русский язык. 9 класс: учеб. для общеобразоват. организаций / С. Г. Бархударов и др. М.: Просвещение, 2019. 255 с.

¹³ Русский язык. 5 класс: учебник: в 2 ч. Ч. 1 / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос и др. 9-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2020. 140 с.; Русский язык. 5 класс: учебник: в 2 ч. Ч. 2 / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос и др. 9-е изд., стереотип. М.: Дрофа, 2020. 174 с.; Русский язык. 6 класс: учебник: в 2 ч. Ч. 1 / М. М. Разумовская, С. И. Львова,

3) учебно-методический комплекс, включающий учебник «Русский язык. Теория. 5–9 класс» В. В. Бабайцевой и Л. Д. Чесноковой¹⁴, сборник «Русский язык. Практика»¹⁵ и пособие «Русский язык. Русская речь» Е. И. Никитиной для 5–9 классов¹⁶ (далее учебно-методический комплекс обозначается как УМК).

Отбор учебников обусловлен их активным использованием в практике преподавания русского языка в современной школе, а также различием в принципах изложения материала: в учебнике-1 и УМК

В. И. Капинос и др. 10-е изд., пересмотр. М.: Дрофа, 2020. 175 с.; Русский язык. 6 класс: учебник: в 2 ч. Ч. 2 / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос и др. 10-е изд., пересмотр. М.: Дрофа, 2020. 140 с.; Русский язык. 7 класс: учебник / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос и др. 7-е изд., перераб. М.: Дрофа, 2019. 284 с.; Русский язык. 8 класс: учебник / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос и др. 7-е изд., перераб. М.: Дрофа, 2019. 286 с.; Русский язык. 9 класс: учебник / М. М. Разумовская, С. И. Львова, В. И. Капинос и др. 7-е изд., перераб. М.: Дрофа, 2019. 236 с.

¹⁴ Бабайцева В. В., Чеснокова Л. Д. Русский язык. Теория. 5–9 кл.: учеб. для общеобразоват. учреждений. М.: Дрофа, 2021. 320 с.

¹⁵ Русский язык. 5 класс. Практика: учебник / А. Ю. Купалова, А. П. Еремеева, Г. К. Лидман-Орлова и др.; под ред. А. Ю. Купаловой. М.: Просвещение, 2022. 304 с.; Русский язык. 6 класс. Практика: учебник / Г. К. Лидман-Орлова, С. Н. Пименова, А. П. Еремеева и др.; под ред. Г. К. Лидман-Орловой. М.: Просвещение, 2021. 336 с.; Русский язык. 7 класс. Практика: учебник / С. Н. Пименова, А. П. Еремеева, А. Ю. Купалова и др.; под ред. С. Н. Пименовой. М.: Просвещение, 2021. 256 с.; Русский язык. 8 класс. Практика: учебник / Ю. С. Пичугов, А. П. Еремеева, А. Ю. Купалова и др.; под ред. Ю. С. Пичугова. М.: Просвещение, 2021. 304 с.; Русский язык. 9 класс. Практика: учебник / Ю. С. Пичугов, А. П. Еремеева, А. Ю. Купалова и др.; под ред. Ю. С. Пичугова. М.: Просвещение, 2021. 352 с.

¹⁶ Никитина Е. И. Русский язык. Русская речь. 5 класс. М.: Просвещение, 2022. 224 с.; Никитина Е. И. Русский язык. Русская речь. 6 класс. М.: Просвещение, 2022. 208 с.; Никитина Е. И. Русский язык. Русская речь. 7 класс. М.: Просвещение, 2022. 176 с.; Никитина Е. И. Русский язык. Русская речь. 8 класс. М.: Просвещение, 2022. 304 с.; Никитина Е. И. Русский язык. Русская речь. 9 класс. М.: Просвещение, 2022. 336 с.

в основу положен структурно-семантический принцип, в учебнике-2 – функционально-семантический¹⁷. УМК состоит из учебника, в котором изложена теория, сборника упражнений и пособия по развитию речи, в то время как учебник-1 и учебник-2 содержат и теоретический материал, и практические упражнения для закрепления тем.

Анализ учебников с точки зрения возможностей для работы с цитатами заключается в рассмотрении следующих аспектов: 1) определение цитаты, представленное в учебнике или УМК; 2) функции цитат; 3) типы упражнений, предполагающих работу с цитатой; 4) источники цитат. Таким образом, материалами анализа послужили вопросы, задания и упражнения, определения цитаты, приведенные в учебниках и УМК, тексты параграфов, в которых излагается теоретическая информация, эпиграфы, а также цитаты, используемые в оформлении учебника.

Результаты и обсуждение. Согласно требованиям федеральной рабочей программы по учебному предмету «Русский язык», умение цитировать и применять разные способы включения цитат в высказывание формируется в IX классе¹⁸. Однако знакомство учащихся с правилами введения чужой речи в текст начинается раньше. Так, например, в учебнике-1 обучение правилам оформления прямой речи происходит в V классе (тема «Прямая речь», I часть). На этом этапе обучения русскому языку понятие цитаты отдельно не вводится, упражнения ограничиваются отработкой разных способов ввода прямой речи в текст и подбором своих предложений с прямой речью.

Высказывания писателей, поэтов, цитаты из научно-популярных и публицистических текстов часто используются в упражнениях

¹⁷ См., например: Хованская Е. А. Содержательные возможности учебников русского языка для развития речевой способности учащихся (на материале имени прилагательного) // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 3–2 (37). С. 164–168.

¹⁸ Федеральная рабочая программа основного общего образования. Русский язык (для 5–9 классов образовательных организаций) / ФБГНУ «Институт стратегии развития образования РАО». М.: 2022. С. 128–129.

по развитию речи. Рассмотрим наиболее распространенные формулировки заданий, предполагающих работу с цитатами в учебнике-1.

Цитату предлагается использовать в качестве тезиса для письменного рассуждения, которое требуется подтвердить своими примерами или примерами из художественной литературы. Распространенной формой работы с цитатой являются задания, в которых необходимо продолжить высказывание (V класс, I часть, упр. 113, с. 59) или выразить свое мнение по поводу определенного вопроса (например, отношение человека к природе, ценность книги и чтения, красота внешняя и красота души, роль дружбы в жизни человека, важность изучения родного языка).

В одном из упражнений учебника-1 для VIII класса авторы предлагают познакомиться сразу с несколькими высказываниями, определить, какой общей мыслью они объединены, обменяться мнениями с одноклассниками, а затем сформулировать в одном предложении основную мысль всех высказываний (упр. 4, с. 7–8). Кроме того, цитаты часто используются как основа для устного выступления, сочинения на определенную тему (IX класс, упр. 206, с. 101).

Упражнения, в основе которых лежит работа с цитатой, должны решать более широкие задачи, чем формирование коммуникативной компетенции, и способствовать обогащению культурного фона учащихся, развитию их внутреннего мира, однако отдельные задания в учебнике-1, на наш взгляд, несколько формальны и носят репродуктивный характер. Приведем примеры формулировок, используемых в подобных заданиях: *Спишите понравившийся вам текст* (VIII класс, упр. 4, с. 8); *Выучите наизусть весь текст [цитату] или одно-два предложения* (V класс, I часть, упр. 83, с. 39); *Прочитайте высказывания о русском языке. Подготовьтесь написать их под диктовку* (VI класс, I часть, упр. 2, с. 4).

В учебнике-1 цитирование практически не используется в изложении теоретического материала как обращение к авторитетному источнику. Однако, например, в учебнике для VI класса в упр. 1 (с. 4) представлен лингвистический текст, в который включена цитата Н. В. Гоголя,

подкрепляющая тезис о богатстве и разнообразии русского языка.

Одним из способов репрезентации цитаты является эпиграф. В эпиграфах, обладающих ценностно-смысловым значением и выполняющих воспитывающую функцию, часто отражается мысль о связи языка, культуры и истории народа, говорится о важности изучения богатства родного языка. Однако, на наш взгляд, в учебнике-1 эпиграфы используются непоследовательно. В учебнике для V класса эпиграфы располагаются только в первом параграфе; в учебнике для VI класса – перед параграфами с общелингвистическими темами (например, «Русский язык – один из развитых языков мира») и на страницах некоторых разделов (например, «Лексикология и фразеология. Культура речи»). В учебниках для VII–IX классов эпиграфы отсутствуют, как и упражнения, которые бы мотивировали учащихся на глубокие размышления о смысле высказываний.

Источниками цитат служат высказывания М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, Ф. И. Тютчева, И. А. Гончарова, Н. М. Карамзина, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, М. Горького, К. Г. Паустовского и др. – писателей и поэтов, произведения которых включены в школьную программу. Реже используются высказывания известных ученых и педагогов: Л. В. Щербы, М. Кронгауза, В. А. Сухомлинского и др.

Более последовательная работа с цитатами, на наш взгляд, проводится в учебнике-2. Это проявляется, во-первых, в том, что практически каждый раздел учебника содержит эпиграф и соответствующее ему задание. Например, в разделе «О языке и речи» (V класс, с. 3) приведена цитата Г. Р. Державина, дано задание к ней, а также вводится определение термина *эпиграф*. В качестве эпиграфов авторы учебника используют высказывания известных писателей и поэтов, философов, лингвистов, педагогов и литературных критиков. Например, в разделе «Служебные части речи» (VII класс) представлена цитата И. Г. Милославского, в разделе «О языке» (IX класс) – К. Д. Ушинского, в разделе «Речь. Язык. Правописание. Культура речи» (VI класс) – Сократа.

Во-вторых, сравнение изданий учебника-2011–2013 гг. и 2019–2020 гг. показывает, что в новых, существенно переработанных учебниках все эпиграфы сопровождаются портретами авторов высказываний, что способствует более прочному запечатлению и цитаты, и ее автора в памяти учащихся. Предлагаемые к эпиграфу задания могут иметь разную формулировку, однако в основном учащимся нужно объяснить смысл прочитанного: *Как вы понимаете высказывание Самуила Яковлевича Маршака (1887–1964)? Какое отношение имеют эти слова к изучению раздела «Морфология»? Сделайте выводы* (VII класс, упр. 188, с. 68).

Как и в учебнике-1, в учебнике-2 цитаты используются в различных упражнениях. Рассмотрим наиболее распространенные формулировки заданий.

Учащимся предлагается создать собственный письменный текст или выступление на основе цитаты. Так, например, в следующем упражнении реализуется одна из форм публичного выступления – убеждающая речь по афоризму: *Выберите одно из высказываний, а затем подготовьте небольшое выступление, подтверждая или опровергая мысль, которая выражена в этом высказывании* (IX класс, упр. 145, с. 87).

В некоторых упражнениях требуется вспомнить автора и название произведения. Для этого используются тексты, хорошо известные учащимся из школьной программы. Например, в учебнике для VII класса приведены фрагменты стихотворения «Бородино» (упр. 509, с. 193).

Как и в учебнике-1, в учебнике-2 содержатся упражнения репродуктивного характера, в которых предложенные цитаты следует списать, подготовить к выразительному чтению или выучить наизусть, однако затем, как правило, учащимся необходимо устно или письменно объяснить смысл высказывания.

В учебнике-2 функции цитат реализуются шире, чем в учебнике-1. Цитаты используются для того, чтобы выразить авторитетное мнение, показать значимость того или иного языкового феномена. Например, высказывания отечественных писателей включены в учебный текст, посвященный глаголу:

На удивительную силу русского глагола обращали внимание многие писатели. А. Н. Толстой, например, говорил: «Движение и его выражение — глагол — являются основой языка. Найти верный глагол — это значит дать движение фразе».

«Глагол — самая огнепышущая, самая живая часть речи. В глаголе струится самая алая, самая свежая, артериальная кровь языка. Да ведь и назначение глагола — выражать само действие!» — это слова русского писателя А. Югова (VI класс, II часть, упр. 563, с. 76).

В упражнениях большое место занимают цитаты отечественных писателей и поэтов: И. А. Гончарова, Л. Н. Толстого, М. Горького, А. И. Куприна, К. Г. Паустовского, М. Е. Салтыкова-Щедрина и др. Однако нельзя не отметить, что в учебнике-2 часто приводятся цитаты из трудов известных лингвистов (Т. Г. Винокур, Е. А. Земской, А. А. Потегби и др.).

Из рассматриваемых учебников только в теоретической части УМК вводится понятие цитаты: «**Цитата** — это дословная выдержка из какого-либо текста или в точности приводимые чьи-либо слова» (параграф «Цитаты и способы цитирования», IX класс, с. 280). В параграфе выделяются следующие функции цитат: подкрепление или пояснение излагаемой мысли авторитетным высказыванием, более яркое выражение мысли. Большое внимание авторы уделяют именно способам оформления цитаты.

Особенность УМК также состоит в том, что на обложке учебника, каждого пособия и сборника упражнений помещена цитата отечественного писателя или поэта.

Обратимся к теоретической части УМК и рассмотрим, какие функции в ней выполняют цитаты. Сравнение изданий 2012 г. и 2021 г. показывает, что содержание учебника в аспекте использования цитат существенно не изменилось. Цитирование используется в теоретических параграфах, посвященных общелингвистическим темам, чтобы выразить авторитетное мнение. Приведем несколько примеров:

1) параграф «Роль языка в жизни общества»: *«Не всегда легко выразить свою мысль ясно, точно и образно. Тому нужно учиться — учиться упорно и терпеливо. Писатель А. Н. Толстой говорил: «Обращаться с языком кое-как — значит и мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно»;*

2) в параграф «Русский язык — один из богатейших языков мира» включены цитаты не только отечественных (Л. А. Кассиля, Н. В. Гоголя, К. Г. Паустовского), но и зарубежных писателей (П. Мериме), приведены цитаты художника Н. К. Рериха, критика В. Г. Белинского;

3) в параграфе «Язык как развивающееся явление» собрана целая россыпь цитат К. Д. Ушинского, А. С. Пушкина, С. Я. Маршака, С. А. Поделкова, К. Г. Паустовского, например: *«Как видим, в слове «как в линзе, — мир настоящего, мир будущего, мир отошедшего...» (С. Поделков).*

Таким образом, в теоретической части УМК цитаты органично вплетаются в лингвистический текст, выражают авторитетное мнение и подтверждают выдвинутый тезис. Многие параграфы включают высказывания ученых-лингвистов. Например, в параграфе «Прямое и переносное значение слова» представлена цитата Л. А. Введенской. В то же время в качестве эпиграфов цитаты не используются.

Перейдем к анализу сборника упражнений «Русский язык. Практика», входящего в состав УМК. Задания по цитате в сборнике чрезвычайно разнообразны, приведем примеры наиболее распространенных формулировок:

1) подготовка к выразительному чтению, запись в тетрадь, заучивание: *«Прочитайте высказывание И. С. Тургенева, вычитайте его наизусть и запишите его по памяти (VII класс, упр. 132, с. 54);*

2) объяснение смысла цитаты, поиск связи с другими высказываниями: *«Прочитайте эпиграф на с. 6. Как слова П. А. Вяземского связаны с высказыванием Л. В. Щербина и стихами В. Я. Брюсова? (VIII класс, упр. 3, с. 7);*

3) поиск связи эпиграфа, высказывания, афоризма с теоретическим материалом, подтверждение собственными примерами: *«Выразительно прочитайте еще один афоризм о языке, а затем перечитайте высказывание М. Горького. Как оба высказывания связаны с темой урока? Используйте предыдущие упражнения и материал «Теории» (с. 9–10), расскажите, что вы узнали о богатстве русского языка (VI класс, упр. 8, с. 9);*

4) выражение собственного мнения, «диалог с текстом», письменный или устный ответ на поставленные вопросы:

Знакомы ли вам те чувства, о которых пишет автор? Что вы можете сказать о человеке, который делает такие признания? Подготовьтесь написать об этом (VIII класс, упр. 258, с. 117);

5) создание собственного текста с привлечением цитаты: *Напишите небольшой текст и вставьте в него слова Л. Толстого, используя один из способов цитирования (IX класс, упр. 3, с. 8).*

В сборнике упражнений «Русский язык. Практика» авторы вводят особую форму работы, которая предполагает использование приема медленного чтения, — «диалог с текстом».

В сборнике, изданном в 2021 г., была существенно переработана тема «Цитаты и цитирование». Новые задания ориентированы не только на отработку различных способов введения цитаты в текст, но и на развитие умений создавать собственное речевое произведение с использованием цитат. Учащимся предлагается прокомментировать высказывание (IX класс, упр. 311, с. 202), написать сочинение, используя в качестве зачина одну из приведенных цитат (упр. 319, с. 209–210). В новое издание включены цитаты из произведений поэтов, писателей, публицистов и из работ лингвистов, графически оформленные внизу некоторых страниц, однако отдельных заданий, которые бы требовали обращения учащихся к этим цитатам, нет.

В состав УМК входит пособие «Русский язык. Русская речь», задача которого — помочь учащимся овладеть устной и письменной речью. Эпиграфы (цитаты В. С. Шейфера, С. А. Есенина, И. А. Бунина и др.), используемые в пособии, описывают богатство, красоту и поэтичность русского языка.

Пособие для VI класса содержит отдельную тему «Что такое эпиграф?». Задания направлены на развитие умения учащихся выбирать эпиграф к своему тексту с учетом темы, типа речи и основной мысли будущего речевого произведения.

Наряду с упражнениями репродуктивного характера (*Подготовьтесь к выразительному чтению и письму по памяти; Выучите наизусть слова автора*) в пособии «Русский язык. Русская речь» представлены задания, в которых работа с цитатой предполагает осмысление высказывания

и актуализацию личного опыта учащихся: описание ситуации, подходящей к цитате, выбор темы сочинения в соответствии с эпиграфом, сравнение точек зрения разных авторов, выражение своего мнения.

В пособии редко используется такой тип заданий, в которых школьникам по фрагментам цитаты нужно определить произведение и его автора. Приведем пример одного из таких упражнений: *Прочитайте фразу [цитата из повести А. Грина «Алые паруса»] и вспомните, из какой она книги; о ком; как связано это предложение с предыдущим содержанием произведения. Напишите об этом (IX класс, упр. 196, с. 206).*

Отдельно следует сказать об использовании цитаты как темы исследовательского проекта. Такой тип заданий реализуется в пособии для VIII класса: *Выберите тему для исследовательского проекта. Подготовьтесь выступить с докладом (сообщением) на конференции, на Празднике русского языка, на конкурсах* (упр. 44, с. 56–57). В качестве тем для выступления предлагаются в том числе цитаты А. С. Пушкина и М. Горького.

Источники цитат разнообразны: это высказывания писателей, поэтов (И. С. Тургенев, К. Д. Бальмонт, И. С. Соколов-Микитов, А. Н. Толстой, А. П. Гайдар), известных лингвистов (В. В. Колесов, Л. В. Щерба), мыслителей, деятелей культуры, науки и искусства (Н. Г. Чернышевский, Д. С. Лихачев, М. М. Бахтин, А. Н. Бенуа, Р. И. Аванесов).

Подводя итог, отметим, что создателями учебников и УМК по русскому языку, безусловно, осознается потенциал работы с цитатами. Об этом свидетельствует то, что высказывания писателей, поэтов, публицистов, литературоведов, ученых используются в качестве эпиграфов и в различных заданиях, способствующих формированию культурологической компетенции и воспитанию осознанного отношения к изучению русского языка. Однако работа с цитатами в рамках каждого учебника и УМК не всегда последовательна и требует некоторой систематизации.

Выводы. Таким образом, современные учебники русского языка решают важные задачи, связанные как с социально-коммуникативной подготовкой учащихся, так и с обогащением их культурного фона, развитием интеллектуальных и творческих

способностей. Решению этих задач способствует работа с цитатой, которая аккумулирует в себе ключевые смыслы текста и мотивирует личностное развитие школьников. Цитата является инструментом воспитания бережного отношения к языку, позволяет сформировать представление учащихся о его социокультурной ценности, активизирует процесс поиска смыслов и побуждает открыто выражать свои мысли и чувства.

Анализ современных учебников и УМК в аспекте работы с цитатами показал, что авторы учебников редко употребляют термин *цитата* и вместо этого используют термины *высказывание*, *фраза*, *афоризм*, *выдержка*. Понятие цитаты и функции цитат в тексте раскрываются только в УМК.

Наименее системно работа с цитатой, на наш взгляд, проводится в учебнике Т. А. Ладыженской, М. Т. Баранова, Л. А. Тростенцовой и др.

Несомненное достоинство новых изданий учебника М. М. Разумовской, С. И. Львовой, В. И. Капинос и др. – наличие большого количества эпиграфов, которые сопровождаются портретами авторов высказываний. В учебнике широко используются задания, направленные на установление связей между эпиграфом и темой, которая закреплена в параграфе.

Особенностью сборника «Русский язык. Практика», входящего в УМК, является введение приема «диалог с текстом». Несмотря на большое количество упражнений репродуктивного характера, некоторые задания в УМК отличаются, на наш взгляд, оригинальностью и требуют от учащихся творческого осмысления (например, использование цитаты как темы проекта).

Проведенный анализ выявил, что в современных учебниках и УМК цитата выполняет разнообразные функции, а именно:

- 1) включается в теоретический текст как аргумент и ссылка на авторитетное мнение;
- 2) используется в качестве эпиграфа к учебнику, разделу учебника, параграфу;
- 3) используется в упражнениях:
 - репродуктивного характера (выразительное чтение, запись цитаты, запоминание, письмо по памяти);
 - интерпретационного и продуктивного характера (объяснение высказывания,

определение основной мысли, сравнение нескольких цитат, создание своего текста на основе цитаты, подбор эпиграфа и др.).

Источники цитат чрезвычайно разнообразны: это публицистика, научно-популярная литература, высказывания ученых, философов и деятелей искусства. Однако большое место среди высказываний занимают цитаты писателей и поэтов о ценности языка и культуры, важности их изучения. Писатели и поэты, творчески осмысляя действительность, выступают для учащихся проводниками в мир слова и языка, а литературная цитата мотивирует школьников-читателей обратиться или возвращаться к исходным текстам.

В учебниках и УМК работа с цитатой не всегда проводится последовательно, многие задания однотипны и не раскрывают ценностный потенциал цитаты в полной мере.

Системная работа с цитатой, на наш взгляд, должна базироваться на следующих принципах: 1) принцип учета формальной (анализ языковых средств) и содержательной стороны высказывания (определение основной мысли); 2) принцип установления связи с исходным текстом и социокультурным контекстом высказывания; 3) принцип диалогичности (задания должны развивать умение задавать вопросы и вступать в условную дискуссию с автором цитаты, мотивировать на создание речевого произведения); 4) принцип ориентации на личный опыт и интересы учащихся (задания должны способствовать активизации рефлексии и формировать ценностное отношение к явлениям и событиям); 5) принцип осознанного запоминания (необходимо создать такие задания, которые будут направлены не на механическое заучивание цитат, а на их органичное и прочное включение в интертекстуальный тезаурус школьника).

Предметом дальнейшей методической работы нам видится создание системы упражнений, которые учитывают перечисленные принципы и способствуют реализации ценностного потенциала цитаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дейкина А. Д. Ценностные смыслы современного учебника русского языка // Русский язык в школе. Т. 79. 2018, № 8. С. 7–10. <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-8-7-10>.

2. Дунев А. И., Ядровская Е. Р. Прецедентные феномены, цитаты и интерпретационная деятельность школьника // Прецедентика в тезаурусе языковой личности: монография / под ред. В. А. Ефремова. СПб.: ООО «Виктория плюс», 2023. С. 111–122.

3. Золотухина Е. Н. Интертекстуальность в современном русском языке // Русский язык в школе. 2008. № 5. С. 44–48.

4. Павлинова И. А. О формировании ценностного отношения к изучению русского языка в школе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. Т. 24, № 183. С. 156–164. DOI 10.20310/1810-0201-2019-24-183-156-164.

5. Попова Н. В. Роль школьного учебника в формировании культуроведческой компетенции // Русский язык в школе. 2014. № 3. С. 29–32.

6. Саблина М. В. Цитата и ее типовые разновидности // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 3 (15). С. 49–51.

7. Шеляпина И. И. Текст-импульс в современной текстоориентированной образовательной парадигме // Наука и Школа. 2020. № 3. С. 148–155. <http://doi.org/10.31862/1819-463X-2020-3-148-155>.

REFERENCES

1. Deikina A. D. Value meanings of the modern textbook of the Russian language. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*.

2018;79(8):7–10. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-8-7-10>.

2. Dunev A. I., Yadrovskaya E. R. Precedent phenomena, quotations and interpretive activities of schoolchildren. *Pretsedentika v tezauruse yazykovoy lichnosti. Pod red. V. A. Efremova = Precedent in the thesaurus of linguistic personality*. Ed. by V. A. Efremov. Saint Petersburg: Viktoriya plus, 2023. P. 111–122. (In Russ.)

3. Zolotukhina E. N. Intertextuality in the modern Russian language. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2008;(5):44–48. (In Russ.)

4. Pavlinova I. A. On the formation of value attitude to the Russian language study at school. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*. 2019;24(183):156–164. (In Russ.). <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2019-24-183-156-164>.

5. Popova N. V. The role of the school textbook in the formation of cultural competence. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2014;(3):29–32. (In Russ.)

6. Sablina M. V. A quote and its typical varieties. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya = The world of science, culture and education*. 2009;(3):49–51. (In Russ.)

7. Shelyapina I. I. Text-impulse in the modern text-oriented educational paradigm. *Nauka i shkola = Science and School*. 2020;(3):148155. (In Russ.). <https://doi.org/10.31862/1819-463X-2020-3-148-155>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Екатерина Викторовна Парышева, ассистент кафедры русского языка

Ekaterina V. Parysheva, Assistant of the Russian Language Department

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 01.11.2023; принята к публикации 03.12.2023.

The article was submitted 25.09.2023; approved after reviewing 01.11.2023; accepted for publication 03.12.2023.

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ CHILDREN'S SPEECH

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'232.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-28-39>

Создание искусственного языка как инструмент оценки метаязыковых способностей детей

Александра Андреевна Брыкова

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия,
kakoslik88@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9753-9525>

Аннотация. Цель автора – представить анализ двух проектов искусственного языка Uniling, созданного учащимися V–IX классов в рамках лингвистического профиля учебного лагеря Formula de Integreso в июне 2017 г. и январе 2018 г. *Методы исследования:* структурный анализ искусственного языка, а также процесса его создания в сопоставлении с русским языком – родным для всех участников эксперимента. *Результаты исследования:* особые условия разработки искусственного языка позволяют проследить этапы его ускоренной «эволюции», наращивание сложности на всех его уровнях, которое становится возможным за счет отказа от первоначальной установки на соблюдение закона экономии и повышения случайно возникающих исключений до статуса правила, экстраполируемого на другие единицы искусственного языка того же порядка, что свидетельствует о важности для детей понятия нормы и о возможности четкой грамматической дифференциации при вторичности грамматического значения относительно лексико-понятийного. Не меньшую значимость дети придают и внутренней форме слов, что делает возможным создание лексем средствами самого искусственного языка без опоры на материал естественных языков-субстратов, а также намечает системные связи в рамках тематических групп при очевидной слабости гиперо-гипонимических связей – отсутствию в лексиконе Uniling родовых понятий. При этом на первый план нередко выходят представления об эстетике и благозвучности, что отражается на плане выражения лексем искусственного языка, а также на представлении о его прагматическом потенциале, что особенно хорошо видно на уровне синтаксиса благодаря введению маркеров отдельных семантических ролей, не характерных для русского языка (бенефактива и малефактива). *Выводы:* анализ искусственного языка позволяет выявить слабые и сильные стороны метаязыковых представлений детей, что может быть учтено в процессе преподавания русского языка в школе.

Ключевые слова: искусственный язык, список Сводеша, метаязыковые способности, лингвокреативность, языковая сложность, системность языка, грамматические категории

Для цитирования: Брыкова А. А. Создание искусственного языка как инструмент оценки метаязыковых способностей детей // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 28–39. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-28-39>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Artificial language creation as a tool for assessing children's metalinguistic abilities

Alexandra A. Brykova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, kakoslik88@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9753-9525>

Abstract. The author *aims* to analyse two projects of the artificial language Uniling. They were created by students of years 5 to 11 within the linguistic framework of the "Formula de Integreco" training camp in June 2017 and January 2018. The *research methods* included structural analysis of the artificial language, as well as its creation process in comparison with Russian, i. e. the native language for all participants in the experiment. *Research results:* the specific conditions for artificial language development enable us to trace the stages of its accelerated "evolution" and complexity buildup at all levels. The latter becomes possible by shifting the initial focus away from observing the economy principle in language and raising randomly occurring exceptions to the status of a rule. Such rules are further extrapolated to other same-level units of the artificial language. This indicates that children attach importance to the concept of linguistic norm, as well as the possibility of clear grammatical differentiation when the grammatical meaning is secondary relative to the lexical-conceptual one. Children give no less significance to the inner form of words, which makes it possible to create lexemes employing the means of the artificial language itself without relying on the material of natural substrate languages. Moreover, the inner form helps to outline the systemic connections within the thematic groups. However, the hypernym/hyponym relations are obviously weak as generic concepts are not found in the Uniling lexis. At the same time, the aesthetics and euphony notions often come to the fore, which is reflected in the expression plane of artificial language lexemes and in the idea of the pragmatic potential of the language. This is most clearly seen at the syntax level due to the introduction of particular semantic role markers not typical of the Russian language (benefactives and malefactives). *Conclusions:* artificial language analysis enables us to identify the strengths and weaknesses of children's metalinguistic representations, which can be considered in the process of teaching Russian at school.

Keywords: artificial language, Swadesh list, metalinguistic abilities, linguistic creativity, linguistic complexity, language systematicity, grammatical categories

For citation: Brykova A. A. Artificial language creation as a tool for assessing children's metalinguistic abilities. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2024;85(2):28–39. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-28-39>.

Введение. В профессиональном лингвистическом сообществе дискуссии относительно искусственного языка идут уже достаточно давно, о чем свидетельствуют работы И. А. Бодуэна де Куртенэ, Отто Есперсена, К. Бругмана и А. Лескина и пр. [Brugmann, Leskinen 1907; Jespersen 2006; Бодуэн де Куртенэ 1963; Кузнецов 2015]. Однако если в прошлом веке конланги рассматривались в первую очередь в контексте интерлингвистики, т. е. в качестве вспомогательного средства межъязыкового общения, то в последнее время интерес ученых сместился в несколько иную плоскость. О конлангах стали говорить и как о способе изучения естественных языков [Марьин 2007], и как о средстве обеспечения базовой коммуникации с людьми с тяжелыми языковыми нарушениями [Течнер 2014], и как об особом типе речемышления, апеллируя в первую очередь к языкам альтернативной знаковой природы, например к языку сольресоль [Novikov 2022].

Привлекают внимание и работы сопоставительно-описательного характера, включающие в себя различные классификации искусственных языков [Костюхин 2023], и научно-популярные обзоры отдельных из них [Пиперски 2017]. Говорят об искусственных языках и в контексте искусства, обсуждая принципы создания коммерчески

успешных артлангов (дотракийского или эльфийского, например) [Peterson 2015].

Не останавливаясь более подобно на вопросе оправданности исследования искусственных языков как самоценных лингвистических объектов, необходимо отметить методическую значимость изучения процесса создания искусственных языков, особенно языков, созданных детьми разного школьного возраста.

Вполне очевидно, что изучение языка в школе (как родного, так и отчасти иностранного) довольно часто сводится к освоению большого списка правил, т. е. к наращиванию базы во многом декларативных, но не операционных знаний, в силу чего функциональная грамотность школьников – способность выбора и оценки языкового инструментария применительно к конкретным коммуникативным условиям – остается неполностью сформированной. Во многом это возникает из-за отсутствия системного, иерархического взгляда на язык и его прагматические функции, а также из-за сниженной лингвокреативности.

При этом именно лингвокреативность, понимаемая как «созидание нового речевого продукта на базе уже имеющегося у говорящего опыта» [Гридина 2013: 8], во многом обеспечивает детям возможность освоения языка на ранних этапах их жизни: именно

благодаря анализу языкового окружения, активному применению самостоятельно сформулированных правил, формированию набора грамматических категорий и инвентаря их формальных показателей ребенок выстраивает для себя первичную системную модель родного языка, которую со временем уточняет. В период языкового взрыва значимой становится и метаязыковая рефлексия этимологического и словообразовательного характера, позволяющая развить представления о внутренней форме слова, этимологии и, как следствие, системности лексики [Цейтлин 2000: 164–198]. Однако со временем во многом за счет стремления к овладению декларативными знаниями (списком правил) способность к системному анализу языка у детей снижается, что может стать причиной больших сложностей при повторении или усвоении орфографических, пунктуационных и иных языковых правил и норм. Отсутствие стремления к проявлению лингвокреативности, по-видимому, объясняется и страхом оценки речевых новшеств ребенка со стороны его речевого окружения.

При этом создание искусственного языка отчасти снимает этот барьер и позволяет детям активировать лингвокреативные и аналитические навыки, посмотреть на язык не только с позиции правила, но и с позиции системы и дискурса, т. е. речи как действия. Изучение процесса создания детского конлага, в свою очередь, дает возможность понять, на каких логических основаниях строится детское представление о системности и функциональном потенциале языка, какие единицы и категории языковой системы для детей важнее других. Описание и анализ указанных особенностей в процессе создания искусственного языка и стали целью данной статьи.

Методы и материал. Материалом исследования послужили два проекта искусственного языка Uniling – базовый и расширенный, – разработанные детьми V–IX классов в рамках лингвистического профиля учебного лагеря Formula de Integresco («Формула Единства»), а также те метаязыковые высказывания, которыми дети мотивировали свои лингвистические решения.

Создание языка растянулось на две смены: в июне 2017 г. (10 человек) и в январе 2018 г. (10 человек). Первая смена длилась 14 дней, что позволило заложить основы

языка, сформулировать базовые правила, так или иначе затронувшие все языковые уровни – фонетико-графический, лексический и грамматический. Вторая, зимняя, смена длилась 5 дней, за которые лексический и частеречный состав языка был расширен, отдельные правила уточнены или отменены.

Состав участников обеих смен совпадал частично, дети были носителями русского языка, специальных лингвистических знаний не имели (ранее лингвистические кружки не посещали), в той или иной мере владели английским языком. Одна девочка проявляла интерес к классическим языкам, латыни и древнегреческому, но не владела ими. Еще одна девочка старшего возраста, присоединившаяся к разработке языка на втором этапе, владела итальянским языком, знание которого использовала при создании отдельных лексем Uniling.

Отдельно следует отметить, что изначально создание искусственного языка рассматривалось автором исключительно как методический инструмент закрепления теоретических лингвистических знаний, полученных детьми на лекционной части курса, развития критического мышления и креативности. Так, теоретический блок курса был построен по уровневому принципу: в начале каждого занятия предполагалось обсуждение того или иного уровня языка, начиная от простейшего, фонетического, и заканчивая синтаксическим – в конце курса. Упор делался на обсуждении сходств (языковых универсалий) и различий в организации уровней разных языков, в том числе языков не индоевропейской семьи (отсутствие фонемы <l> в японском языке, сложность освоения фонемы <y>, закон открытого слога). При обсуждении лексики отдельное внимание уделялось понятию внутренней формы слова и процессу освоения заимствований, при обсуждении грамматики – соотношению формального и семантического компонентов в разных грамматических категориях (категории числа, рода, падежа, времени). Небольшой синтаксический блок был посвящен в первую очередь рассказу о существовании языков разных синтаксических типов, S-V-O и S-O-V, более или менее синтаксически свободных.

Вторая часть каждого занятия предполагала обсуждение создаваемого искусственного языка, которое давало возможность

закрепить в памяти детей те или иные лингвистические понятия, применить теоретические знания «на практике»¹.

Именно поэтому как сам искусственный язык, так и процесс его создания нельзя считать чистым лингвистическим экспериментом, в том числе и потому, что отдельные решения детей так или иначе были продиктованы теми теоретическими знаниями, которые они получили при обсуждении разных уровней языка. Одновременно с этим вмешательство автора в процесс создания языка было минимальным и сводилось к инициации коллективных обсуждений уместности и необходимости введения в язык новых правил и слов, к актуализации ранее созданных правил и ограничений. В связи с этим можно говорить о довольно высоком уровне детской самостоятельности в процессе создания языка, что делает возможным использование его в качестве инструмента оценки детских метаязыковых способностей, что может быть полезно в процессе преподавания русского языка в школе как в теоретической, так и в практической плоскости.

Результаты и обсуждение. Анализ двух проектов искусственного языка, а также процесса его разработки показывает, что, как и в случае многих других искусственных языков, на первом этапе его создания основными организующими принципами становятся принцип упрощения и евроцентризм, а точнее — англоцентризм, т. е. ориентация на английский язык, в первую очередь на графическом (за основу был взят английский алфавит) и лексическом уровнях. Апостериорность искусственного языка во многом ожидаема и осознается детьми как его преимущество, так как теоретически она должна упрощать процесс его освоения.

Графика и орфография

Стремление к упрощению объясняет и сокращение количества фонем и графем.

¹ Теоретическая часть занятий профиля во вторую, зимнюю, смену строилась с опорой на книгу А. Пиперски «Конструирование языков: От эсперанто до дотракийского» [Пиперски 2017]. Помимо *Uniling*, на занятиях обсуждались другие искусственные языки разного типа (токипона, блиссимволика, эсперанто), решались лингвистические задачи, представленные в книге.

Так, на уровне графики дети избавляются от диграфов и неспецифических графем, способных обозначать один и тот же звук — *x*, *w*, *y*. Одновременно с этим было предложено заменить латинскую букву *b* кириллической буквой *в*, чтобы избежать путаницы *b* и *d* при чтении и на письме.

Фонемный состав искусственного языка, в свою очередь, предполагал отказ от фонемы <л>, которая заменяется на фонему <г>, отказ от фонемы <ы>, шипящих фонем. Принцип упрощения, которым руководствуются дети, объясняет и введение жестких правил орфоэпии — запрет на редукцию безударных гласных, оглушение конечных согласных, неподвижное ударение на первом слоге. Все установленные ограничения имеют целью упростить процесс освоения фонетики искусственного языка, так как устная форма бытования этого языка была определена детьми как основная. Так, постановка ударения на первом слоге слова мотивируется тем, что это избавляет потенциального пользователя языка от дополнительного фонетического анализа слова.

Однако как только набор искусственно разработанных правил начинает применяться к единицам более высокого уровня — в первую очередь к уровню лексики (еще до этапа разработки грамматики), т. е. проверяться на жизнеспособность и оправданность, обнаруживается систематическое нарушение установленных правил как на уровне сегментных, так и на уровне супraseгментных единиц. Это хорошо видно уже из названия универсального языка *Uniling*, где сохраняется запрещенная ранее фонема <л>, причем возможная замена ее на фонему <г> в соответствии с правилом отвергается создателями языка, так как подобная замена приводит к затемнению внутренней формы слова, что свидетельствует о большей важности для детей плана содержания, чем плана выражения: *Uniling* — ‘универсальный язык’.

В свою очередь, систематическое появление запрещенной фонемы <л> в процессе разработки лексикона приводит к необходимости пересмотреть правило и ввести в фонетическую систему новую фонему — велярную <г>.

Это решение интересно с двух точек зрения: с одной стороны, оно представляет

собой своего рода фонетический закон, так как велярная <ɣ> появляется только на месте первоначального [l], и, несмотря на то что, в отличие от реального фонетического закона, у подобной замены нет очевидных фонетических оснований, используется она последовательно. С другой стороны, введение подобной фонемы формирует привативную оппозицию: <ɣ> дрожащая – <ɣ> велярная, которая ведет к усложнению графической системы – необходимости вводить диакритические знаки, запрет на которые был сформулирован на первом этапе создания языка. Велярная <ɣ> обозначается как *ř*. Вопреки тому, что вводимые изменения приводят к усложнению системы, создатели-дети принимают их, но при этом отказываются снять запрет на фонему <l>, как бы ища баланс между первоначальными правилами и изменившимися условиями их функционирования.

Изменяется со временем и подход к длине слов универсального языка, а с ним и подход к акцентологии. Уже на этапе заполнения первых тематических групп существительных становится понятно, что закон экономии, вынуждающий усекавать слова и упрощать сочетания согласных, имеет свои пределы и не только ограничивает смысловозначительную способность слова, но и не соответствует эстетической функции языка. Интересно отметить, что возможность усложнения фонетического облика слова в большинстве случаев мотивируется именно благозвучием.

Увеличение длины слова объясняется и усложняющейся грамматикой: появлением новых частей речи, установлением частеречных связей и разработкой частеречных показателей, присоединяющихся к корню. Удлинение слов, в свою очередь, ведет к естественному смещению ударения ближе к центру, а значит, к нарушению закона первого ударного слога, который довольно легко соблюдать в словах с одним-двумя слогами и значительно сложнее в словах с большим количеством слогов. Смещение ударения возникает в первую очередь в словах с тем или иным частеречным показателем (по факту прибавление показателя к корню становится причиной этого смещения), поэтому оно очень быстро грамматикализуется

и начинает уже в виде правила применяться ко всем словам с этим показателем (словам одной части речи). Так, в глаголах и наречиях ударение падает на второй слог с конца, а во всех остальных частях речи – на первый слог с начала слова, что позволяет юным лингвистам частично сохранить требование фиксированного ударения, но адаптировать его под усложнившуюся морфологию языка.

Таким образом, уже на этапе разработки фонетико-графического уровня искусственного языка учащиеся довольно быстро демонстрируют отказ от первоначально постулируемого редуционизма, понимая его смысловозначительную и эстетическую нежизнеспособность. Одновременно с этим нарушаются и другие теоретически сформулированные, но не поддерживаемые системой родного языка правила, такие как правило неподвижного ударения. При этом исключения из правил, появление которых принято относить создателями конлангов к недостаткам естественных языков, принимаются детьми только в случае их этимологической оправданности. Остальные же исключения встраиваются в усложняющуюся грамматическую систему на позиции нового правила, тем самым наглядно реализуется принцип грамматической сложности.

Лексика

Что касается словаря и грамматики обсуждаемого искусственного языка, то на первом этапе его создания они оказываются взаимозависимы и не отделимы друг от друга, так как части речи как абстрактные грамматические классы слов не осмысливаются. Первичным является понятие, а не его грамматическое оформление, и именно потребность в тех или иных понятиях (словах разных тематических групп) делает необходимым осмысление их частеречной принадлежности.

Предметность, а вместе с ней и коммуникативная ориентированность обнаруживается и на уровне лексикона. Так, одними из первых создаются этикетно-диалогические междометия типа *Save!* ‘здравствуйте’, *Ba!* ‘до свидания’, *Da* ‘да’, *No* ‘нет’. Интересно, что *спасибо/пожалуйста* обозначается в искусственном языке одним словом *dank*, так как омонимия, по представлению

детей, легко снимается контекстом, хотя для русского языка, носителем которого они являются, омонимия подобного рода не характерна.

Лексикон искусственного языка, значительно расширенный на втором этапе его разработки, составляет 196 слов и, помимо существительных, прилагательных, наречий и глаголов, включает в себя этикетные междометия (7 ед.), личные местоимения (7 ед.), количественные числительные (12 ед.) и служебные слова (14 ед.).

Сопоставление списка слов описываемого искусственного языка со стословным списком Сводеша [Саенко 2013] показывает 32 % совпадения, а анализ тематических групп знаменательных частей речи подтверждает предметность лексикона Uniling и его ориентированность не только на интересы детей, но и на первоначальную цель его создания – быть языком-посредником в многоязыковом и многонациональном пространстве.

Так, на уровне знаменательных слов предметность языка проявляется в преобладании конкретных существительных и над существительными других лексико-грамматических групп, и над другими номинативными частями речи и на первом, и на втором этапе создания языка (48/17 и 64/46 – существительные/глаголы). Одними из первых существительными заполняются тематические группы «Семья», «Еда», «Одежда», «Здания и места общего пользования», а также тематические группы «Человек» и «Части тела» (была значительно пополнена на втором этапе разработки языка). При этом и в группе «Еда», и в группе «Одежда» обнаруживаются весьма специфические семантически «узкие» слова, как, например, *pitsa* 'пицца', *paste* 'паста', *dena* 'джинсы', *trane* 'кроссовка' и пр. Полностью отсутствуют слова тематической группы «Животные», «Природа», как конкретные, так и вещественные, обнаруживаемые в списке Сводеша, однако присутствует лексема *kafe*, обозначающее и магазин, и ресторан, и столовую.

К словам менее конкретной семантики можно отнести только ограниченное количество слов с семей времени, обозначающих время как таковое, – *ted*, а также разные его отрезки: *esta* 'вчера', *toda* 'сегодня', *doma* 'завтра'. В остальных перечисленных

тематических группах слова-гиперонимы либо не появляются вовсе, либо появляются на втором этапе разработки языка, когда в группе есть достаточное количество более конкретных слов. Так, слово *oto* 'человек' появляется только на втором этапе создания языка, а слова, обозначающие женщину, мужчину, мальчика, девочку, не появляются вовсе, при наличии слов *mama* 'мама', *dada* 'папа', *sen* 'сын', *dote* 'дочь' и пр.

Среди прилагательных (всего 17 единиц) разработанными оказываются только базовые параметрические и оценочные лексемы – *kuna* 'хороший', *batena* 'плохой', *tena* 'низкий', *setna* 'высокий', *bena* 'красивый' – и лексемы, описывающие цвета, в том числе неосновные цвета спектра (*pupuna* 'фиолетовый'), и слова, чье цветовое значение в русском и других языках является производным (*godna* 'золотой').

Среди глаголов больше всего внимания привлекают модальные глаголы, отсутствующие в списке Сводеша, но появляющиеся на втором этапе разработки языка: *nidare* 'нуждаться, нужно', *midare* 'мочь, можно', *kufare* 'следовать' в безл. употр., *vuolare* 'хотеть'. Довольно разнообразны глаголы, описывающие чувства и отношения, также отсутствующие в списке Сводеша, причем преобладают среди этих глаголов глаголы с положительной коннотацией: *armesare* 'любить', *mesare* 'нравиться', *amirare* 'обожать', *rimare* 'смеяться' и др. Слова с негативной коннотацией единичны (*destare/destorare* 'ненавидеть', *izabirare* 'злиться'), слова со значениями 'умирать' или 'убивать', по объективным причинам обнаруживаемые в списке Сводеша, в искусственном языке отсутствуют.

Показательно, что для понятия *любить* в Uniling предложено два слова, уже упомянутое *armesare* 'любить' и лексема *ofenosare* в значении 'полюбить', т. е. маркирование разных состояний (локализованных и нелокализованных во времени) представляется детям важным, однако из-за отсутствия четкого представления о словообразовательных связях, которые при ограниченности лексикона формируются с трудом, они решают эту задачу лексическими, а не словообразовательными средствами, как это свойственно русскому языку. Примечательно также, что слова с положительной окраской ассоциируются

у детей с благозвучием, которому при разработке указанных глаголов уделяется большое внимание.

Что касается этимологии и внутренней формы лексем искусственного языка, то на первом этапе создания языка за основу брались корни других языков в их графическом виде, потому что так к ним было проще применять законы упрощения, принятые ранее. Речь в первую очередь идет о корнях английского языка как общепринятого языка международного общения, что, по представлению учащихся, должно было облегчить процесс освоения языка искусственного. Помимо английского языка, в основу лексикона Uniling были положены итальянские корни (в основном при разработке глаголов), отдельные славянские корни (при разработке тематической группы «Семья») и единичные греческие и латинские корни, например в слове *septem* 'неделя'.

Однако впоследствии увеличение количества лексических единиц сделало возможным установление семантических связей между ними, выделение общих сем и, как следствие, создание новых слов на базе морфем искусственного языка при очевидной внутренней форме этих слов (как в случае слов *foredkare* 'бровь', *okukare* 'ресницы', *sek-kare* 'борода', представляющих собой сочетание слов/корней *kare* 'волосы', *fored* 'лоб', *oku* 'глаз' и *sek* 'щека'). На первом этапе разработки языка самостоятельно (с частичной опорой на морфемы разных естественных языков) были созданы только слова *pramata* 'бабушка' и *pradada* 'дедушка'.

Отказ от использования в качестве основы слов естественного языка в некоторых случаях мотивировался культурно-этически. Так, обсуждая возможный фонетический облик слова со значением 'церковь', дети отказались использовать английские слова *church* или *cathedral*, мотивируя это тем, что указанные слова описывают христианские религиозные сооружения, что может оскорбить представителей других религий, которые также будут использоваться универсальным языком. Именно поэтому было предложено для обозначения церкви использовать нейтральный описательный оборот *дом Бога*. Это показывает, что даже на раннем этапе разработки языка

для детей становится важна не только внутренняя форма слова, но и его культурные коннотации, а значит, коммуникативный потенциал.

Таким образом, анализ лексики искусственного языка показывает, что семантика на первых этапах разработки языка первична по отношению к грамматике — формальным частеречным признакам. При этом системность лексики, выстраивание гиперо-гипонимических отношений производится «задним числом», т. е. от частного к общему, а не наоборот. Малое количество лексики, в свою очередь, не дает возможности установить парадигматические связи — омонимические, антонимические — и маркировать их, как это свойственно многим искусственным языкам, на уровне плана выражения. При этом синонимические связи начинают разрабатываться одними из первых, и если для предметной лексики учащиеся допускают возможность семантической генерализации (как в случае со словом *kafe*), то семантическое поле чувств и отношений, напротив, подвергается довольно детальной разработке, как и поле модальности.

Не меньшую значимость для детей имеют и семантические связи внутри тематических групп, что свидетельствует о важности внутренней формы слова, делающей возможным реконструкцию его лексического значения, причем выбор того или иного плана выражения может быть подчинен и внеязыковым культурно-этическим факторам.

Грамматика

Грамматика искусственного языка, как уже говорилось выше, находится в прямой зависимости от его лексического наполнения, однако необходимость грамматических показателей осознается и довольно быстро реализуется на практике.

Так, на первом этапе создания языка частеречная система включала в себя существительные, глаголы, малое количество прилагательных, личные местоимения, количественные числительные от 0 до 10 и некоторые служебные слова, список которых был расширен позже. Было создано также несколько базовых пространственно-временных наречий ('вчера', 'сегодня', 'завтра', 'вправо', 'влево'), которые, однако, на первом этапе разработки

языка как самостоятельная часть речи не осознавались, не маркировались и были помещены в тематические группы «Время» и «Пространство» соответственно.

Как самостоятельная часть речи, наречия появились только на втором этапе создания языка (20 единиц). Речь идет об адъективных наречиях, образованных от прилагательных, частеречная связь между которыми была подчеркнута на уровне формальных показателей: замены аффикса прилагательного *-na* на аффикс наречия *-ini* (с опорой на итальянский, который знала одна из участниц смены).

При этом показательно, что корневой состав наречий и корневой состав прилагательных, созданных на первом этапе разработки языка, не совпадают даже в случае слов с общей основнойемой: ср. *tena* 'высокий', но *altini* 'высоко'. Значит, несмотря на осознание наличия словообразовательной связи между качественными наречиями и качественными прилагательными, наречия создаются самостоятельно, практически без опоры на корневой состав прилагательных. При этом допускается возможность своего рода «обратной морфологии», когда наличие наречия делает возможным создание прилагательного с таким же корнем, а аффикс *-ini*, используемый для маркирования наречий с корнями прилагательных, быстро начинает осмысляться как основной частеречный показатель и употребляться в наречиях, не связанных с прилагательными, например в наречии *(ma)gini* 'еще'.

Помимо прилагательных и наречий, особыми частеречными показателями обладали и глаголы. Речь в первую очередь идет об аффиксе *-are*, придуманном на первом этапе разработки языка и активно используемом на втором. Именно группа глаголов на втором этапе создания языка пополнялась активнее всего (существительные: 48/64 vs глаголы: 7/46).

Примечательно, что формальными показателями снабжались не только прилагательные, наречия и глаголы, но и числительные (аффикс *-ona*) и служебные части речи — предлоги (аффикс *-er*) и союзы (аффикс *-ve*), которые появились одними из последних на втором этапе разработки языка.

Сверхформализация отдельных частей речи, которым бóльшая формализованность

не свойственна, может быть объяснена не только искусственностью языка, но и тем, что числительные от 0 до 10, например, были придуманы одним человеком, однако формальный принцип не вызвал вопросов со стороны других участников. При этом и в случае числительных, и в случае служебных частей речи формальные показатели применяются менее последовательно. Так, среди числительных есть числительное *vento* 'сто' а среди союзов — союз *iv* 'и'. Более того, наличие формального показателя у числительных сильно усложняет возможность комбинации корней, необходимую для выражения чисел больше 10 и 100, что вынуждает детей разрабатывать специфические словообразовательные правила, отличные от правил русского языка. Так, числительные от 20 до 90 и от 200 до 900 образуются приставочным способом — прибавлением приставки *te-* (от *teona* 'десять') для десятков и приставки *ve-* (от *vento* 'сто') для сотен. Интересен как сам прием усечения, свидетельствующий о стремлении к экономии при сохранении внутренней формы, так и морфемный статус показателей: возможность использовать те же показатели в качестве суффиксов (суффиксоидов) по аналогии с русским языком обсуждалась, но была отвергнута по причине неблагозвучия.

Из грамматических категорий были разработаны семантические отражательные категории (по классификации А. В. Бондарко [Бондарко 2005: 48–51]) — категория числа и категория времени как наиболее необходимые для точной передачи информации участнику коммуникации. Категорией числа, ожидаемо, обладают только существительные, так как именно в формах числа существительного (большая часть из которых в искусственном языке были конкретными) видна отражательная сущность категории. В качестве показателя числа использовался аффикс *-ta* — функционально модифицированный определенный артикль женского рода болгарского языка *-ta*. Выбор показателя во многом был мотивирован теми знаниями о признаках грамматических категорий, которые дети почерпнули на занятиях по лингвистике (болгарские определенные артикли в теоретической части курса упоминались). Характерно переосмысление грамматического значения показателя с учетом

потребностей потенциальных пользователей языка и с учетом стремления к грамматической экономии.

Категория времени глагола, в свою очередь, была трехчленна и включала в себя формы настоящего времени (начальную форму с аффиксом *-are*), форму прошедшего времени с аффиксом *-ate* и форму будущего времени с аффиксом *-ave*, так как согласные имеют большую смысловозначительную силу, чем гласные, на что указывали юные лингвисты, сопоставляя разработанные ими показатели с грамматическими показателями исперанто. Несмотря на то что формальные орфоэпические правила, принятые в самом начале создания языка, не предполагали редукции гласных, учащиеся – носители русского языка – понимали и особо подчеркивали, что смешение гласных в потоке речи более вероятно. Более того, для повышения смысловозначительной силы показателей времени были выбраны согласные разного места образования.

Отдельного замечания требуют также личные местоимения, а именно две формы – *sia* ‘они’ и *Di* – вежливое ‘Вы’. Форма *sia* представляет собой соединение двух местоимений (*si* ‘он’ и *sa* ‘она’) и является результатом осмысления немаркированности мужского рода, которая ведет к тому, что при указании на гендерно смешанную группу в естественных языках применяется мужской вариант местоимения (испанское *ellos*, например). Используя гласные обоих местоимений в форме *sia* ‘они’, дети стремятся разрешить возможный конфликт между грамматикой и семантикой – той реальной действительностью, которую эта грамматика отражает, т. е. снова обращают внимание на отражательный, а не на формальный потенциал той или иной грамматической категории.

Что касается формы *Di*, то она интересна как маркер прагматичности языка, маркер осознания детьми того, что язык функционирует в культурной, социальной и этикетной реальности. Выбор согласной, в свою очередь, был призван подчеркнуть связь форм 2-го лица ед. и мн. ч. *ti* и *di* (‘ты’ и ‘вы’).

Прагматичность языка хорошо видна и на уровне синтаксиса, хотя разработан он, по понятным причинам, был хуже

всего. При этом все с той же целью упрощения процесса освоения и использования языка было решено сделать синтаксис жестким, положив в его основу структуру S-V-O, характерную для русского языка. Позиции остальных членов предложения также были жестко закреплены таким образом, что полная схема предложения имела следующий вид: «обстоятельство времени – подлежащее – сказуемое – прямое дополнение – косвенное дополнение – обстоятельство места» (определение в препозиции к существительному). Такая схема в целом повторяет прямой порядок слов русского предложения, с одной лишь оговоркой: в русском синтаксисе позиция обстоятельства, темпорального или локативного, зависит от того, является или не является оно детерминантом (начальная и неначальная соответственно), в то время как в синтаксисе искусственного языка эти позиции не только жестко закреплены, но и разведены в абсолютное начало и абсолютный конец предложения, чтобы избежать необходимости выбора позиционной последовательности в тех случаях, когда в предложении одновременно есть и указание на место, и указание на время.

Привлекает внимание также тот факт, что даже в условиях крайне ограниченного времени и невозможности проверить разработанные правила в ситуации реальной коммуникации дети задумываются о тех отношениях (семантических ролях), которые возникают между участниками этой ситуации и которые, при отсутствии категории формально выраженного падежа, требуют разработки дополнительных показателей, а именно специальных предлогов – *aparter*, если действие совершается в пользу участника, выраженного дополнением (бенефактива), и *fronter*, если действие совершается ему во вред (малефактив, по терминологии В. А. Плунгяна).

Таким образом, анализ грамматики искусственного языка и самого процесса ее создания показывает, что понятийное значение слова для детей важнее его грамматического значения, в силу меньшей его абстрактности, а необходимость частеречных и категориальных показателей довольно хорошо осознается учащимися, особенно если речь идет об отражательных категориях с очевидной семантической доминантой

(времени и числе). Одновременно с этим последовательно осмысляется и важность семантических ролей, т. е. пропозиционная основа высказывания, делающая возможным и оправданным в глазах юных лингвистов усложнение синтаксической структуры предложения за счет введения аналитических маркеров семантических ролей, несмотря на изначальную установку на относительно простую и негибкую синтаксическую организацию предложения.

Выводы. Таким образом, анализ искусственного языка и процесса его создания показывает, что дети разного возраста демонстрируют довольно высокий уровень сформированности метаязыковых навыков, так или иначе осознавая не только системность и уровневость языка, но и феномен языковой сложности как необходимое условие его функционирования. Это приводит к тому, что изначальная установка на соблюдение закона экономии за счет введения жестких фонетико-графических правил быстро обнаруживает свою недееспособность при довольно последовательном соблюдении закона аналогии.

Наращивание лексикона и априорность многих принятых фонетических и акцентологических правил, не поддерживаемых ни еще не сформированной системой искусственного языка, ни системой русского языка, приводят к возникновению исключений, которые довольно быстро становятся новыми правилами, что обеспечивает искусственному языку определенный уровень стабильности. Важно подчеркнуть, что норма/правило мыслится детьми именно как инструмент обеспечения стабильности системы и, как следствие, как инструмент упрощения процесса его освоения, но не как маркер речевой культуры. При этом важность эстетической функции, нередко входящей в конфликт с законом экономии, отстаивается учащимися довольно последовательно уже на первых этапах создания языка, что выражается в поиске благозвучных сочетаний и в удлинении фонетико-графических оболочек слов.

На лексическом уровне системность языка осознается детьми чуть хуже, что связано с ограниченностью лексикона, препятствующей формированию парадигматических связей. При этом семантические связи (на уровне общих сем и корней)

осмысляются учащимися довольно хорошо, что выражается в стремлении к обеспечению прозрачной внутренней формы слов, в интересе к этимологии при создании новых лексем, что может быть использовано, например, при освоении орфографически сложных слов, в том числе исключений, если речь идет о преподавании русского языка. Одновременно с этим лексикон Uniling демонстрирует установку на предметность (исчисляемые существительные кратно превосходят существительные абстрактные и вещественные), а также недостаточную сформированность гиперо-гипонимических отношений, так как родовые понятия появляются в разных тематических группах слов позже видовых либо не появляются вовсе.

Показательна и тесная связь лексического и грамматического уровней искусственного языка, где лексический (понятийный) уровень первичен по отношению к более абстрактному грамматическому уровню, что отчасти объясняет сложности, которые нередко испытывают учащиеся даже в старших классах при определении частеречной принадлежности однокоренных слов разных грамматических классов: наречия и прилагательного, спрягаемых и неспрягаемых форм глагола, в особо сложных случаях — глагола и отглагольного существительного.

Стремление сделать грамматическую систему более прозрачной, по-видимому, объясняет жесткое маркирование разных частей речи, в том числе служебных, не только за счет аффиксов, но и за счет акцентологических правил. При этом набор грамматических категорий минимален и ограничивается только семантическими отражательными категориями числа, времени и категорией рода, рудиментарно представленной в одной форме местоимения, однако показательной, так как эта форма демонстрирует чуткость детей к тем социально-культурным условиям, в которых функционирует и которые так или иначе отражает любой язык.

Установка на прагматику обнаруживается и на синтаксическом уровне, который, несмотря на жесткость синтаксических структур, демонстрирует представление учащихся о семантических ролях, что может быть использовано при работе с синтаксическими параллельными конструкциями,

владение которыми необходимо для успешного текстопорождения — написания сочинений или эссе.

Таким образом, анализ созданного детьми искусственного языка позволяет вскрыть особенности их метаязыкового мышления, которые могут быть учтены и использованы при преподавании русского языка как в процессе формирования декларативной базы знаний, так и в процессе формирования дискурсивных навыков разной степени коммуникативной сложности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодуэн де Куртенэ И. А. Вспомогательный международный язык // *Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные работы по общему языкознанию*: в 2 т. Т. II. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963. С. 144–160.
2. Бондарко А. В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005. 620 с.
3. Гридина Т. А. К истокам вербальной креативности: творческие эвристики детской речи // *Лингвистика креатива — 1: монография* / под общ. ред. проф. Т. А. Гридиной. Екатеринбург: ФГБОУ «Урал. гос. пед. ун-т», 2013. С. 5–58.
4. Костюхин А. А. Классификации конлангов в современной интерлингвистике // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2023. Вып. 2 (870). С. 28–34. http://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_2_870_28.
5. Кузнецов С. Н. И. А. Бодуэн де Куртенэ об искусственном языке (1905) // *Современная наука*. 2015. № 4. С. 92–95.
6. Мар'ин Д. В. Искусственные языки как модель в процессе лингвистического исследования // *Сибирский филологический журнал*. 2007. № 4. С. 149–152.
7. Пиперски А. Конструирование языков: От эсперанто до дотракийского. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 224 с.
8. Саенко М. Н. Реконструкция праславянского списка Сводеша // *Вестник РГГУ. Серия: Филологические науки. Языкознание*. 2013. № 10. С. 139–148.
9. Течнер С. Введение в альтернативную и дополнительную коммуникацию: жесты и графические символы для людей с двигательными и интеллектуальными нарушениями, а также с расстройствами аутистического спектра / Стивен фон Течнер, Харальд Мартинсен; пер. с англ. И. А. Чистович. М.: Теревинф, 2014. 428 с.

10. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи: учеб. пособие. для студ. высш. учеб. заведений. М: Гуманит. изд. центр «ВЛАДОС», 2000. 240 с.

11. Brugmann K., Leskien A. Zur Kritik der künstlichen Weltssprachen. Strassburg: K. J. Trübner, 1907. 48 s.

12. Jespersen O. An international language. London: Routledge. 2006. 416 p.

13. Novikov F. N. Constructed languages as semantic and semiotic systems // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2022. Vol. 13, No. 3. P. 455–467. <http://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-455-467>.

14. Peterson D. The art of language invention: from Horse-Lords to Dark Elves, the words behind world-building. New York: Penguin Books, 2015. 292 p.

REFERENCES

1. Baudouin de Courtenay I. A. Auxiliary international language. I. A. Baudouin de Courtenay. *Izbrannye raboty po obshchemu yazykoznaniiyu: v 2 t. = Selected works on general linguistics: in 2 vol.* Vol. 2. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1963. P. 144–160. (In Russ.)
2. Bondarko A. V. Theory of morphological categories and aspectological studies. Moscow: Languages of Slavic culture, 2005. 620 p. (In Russ.)
3. Gridina T. A. Toward the origins of verbal creativity: Creative heuristics of children's speech. *Lingvistika kreativa-1. Pod obshch. red. prof. T. A. Gridinoi = Linguistics of creativity-1. Ed. by T. A. Gridina*. Ekaterinburg: USPU Press, 2013. P. 5–58. (In Russ.)
4. Kostyukhin A. A. Classifications of conlangs in modern interlinguistics. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki = Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2023;(2):28–34. (In Russ.). https://doi.org/10.52070/2542-2197_2023_2_870_28.
5. Kuznetsov S. N. Baudouin de Courtenay on artificial language (1905). *Sovremennaya nauka = Modern science*. 2015;(4):92–95. (In Russ.)
6. Mar'in D. V. Artificial languages as a model in the process of linguistic research. *Sibirskii filologicheskii zhurnal = Siberian Journal of Philology*. 2007;(4):149–152. (In Russ.)
7. Piperski A. Constructing languages: From esperanto to dothraki. Moscow: Alpina Non-Fiction, 2017. 224 p. (In Russ.)
8. Saenko M. N. Reconstruction of the Proto-Slavic list of Swadesh. *Voprosy yazykovogo rodstva (Vestnik RGGU) = Journal of Language Relationship (RSUH Bulletin)*. 2013;(10):139–148. (In Russ.)

9. *Techner S. von, Martinsen H.* Introduction to alternative and augmentative communication: Gestures and graphic symbols for people with motor and intellectual disabilities and autism spectrum disorders. Trans. by I. A. Chistovich. Moscow: Terevinf, 2014. 428 p. (In Russ.)

10. *Tseytlin S. N.* Language and the child: The linguistics of children's speech. Moscow: VLADOS, 2000. 240 p. (In Russ.)

11. *Brugmann K., Leskien A.* A critique of artificial world languages. Strasbourg: K. J. Trübner, 1907. 48 p. (In Germ.)

12. *Jespersen O.* An international language. London: Routledge. 2006. 416 p. (In Engl.)

13. *Novikov F. N.* Constructed languages as semantic and semiotic systems. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics.* 2022;13(3):455–467. (In Engl.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-2-455-467>.

14. *Peterson D.* The art of language invention: From Horse-Lords to Dark Elves, the words behind world-building. New York: Penguin Books, 2015. 292 p. (In Engl.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Александра Андреевна Брыкова, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка

Alexandra A. Brykova, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer of the Russian Language Department

Статья поступила в редакцию 15.08.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 03.11.2023.

The article was submitted 21.09.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 03.11.2023.

Уважаемые авторы и читатели журнала «Русский язык в школе»!

Напоминаем, что продолжается подписка на I полугодие 2024 г. Мы верим, что нас с вами объединяют не только интерес и любовь к русскому языку, но и общая цель – сохранение научно-методического журнала как феномена, присущего исключительно российской действительности. Пережив экономические кризисы, в очень непростых условиях наш журнал остается единственным пространством, объединяющим учителей, методистов и лингвистов. В сохранении этого уникального единства важно усилие каждого из вас.

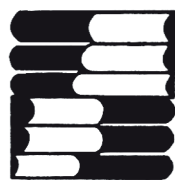
Журнал «Русский язык в школе» рекомендован для комплектования библиотек Постановлением Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации от 25 февраля 2015 г. №51-СФ.

Вы можете оформить подписку:

1) через наших партнеров – подписные агентства: «Почта России» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – ПЗ896), «Урал-Пресс» (индекс для индивидуальных подписчиков и организаций – 73334), «ПРЕССИНФОРМ», НПО «ИНФОРМ-СИСТЕМА», ООО «ИВИС»;

2) через интернет-сайт: <https://www.pochta.ru/> (выбрать раздел «Другие сервисы», далее – «Подписка онлайн»).

МЕТОДИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

METHODOLOGICAL HERITAGE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 372.881.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-40-49>

Методическое наследие профессора М. Т. Баранова (к 100-летию со дня рождения)

Алевтина Дмитриевна Дейкина¹, Владислав Дмитриевич Янченко²

^{1,2} *Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия*

¹ *adeykina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3691-4675>*

² *vd.yanchenko@mpgu.su, <https://orcid.org/0000-0003-4626-5488>*

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме – анализу научно-педагогической деятельности выдающегося отечественного ученого, педагога, методиста-русиста, популяризатора науки о языке, создателя методической научной школы «Формирование лингвистического мировоззрения» М. Т. Баранова (1924–1999). С современной лингводидактической позиции представлен анализ его научного наследия, рассмотрены наиболее значимые труды о преподавании русского языка, изложены основные методические идеи М. Т. Баранова, освещено содержание некоторых значимых трудов ученого, в том числе пособия «Методика лексики и фразеологии на уроках русского языка», обладающего большим научно-методическим потенциалом. Вклад профессора М. Т. Баранова в развитие методической науки высоко оценен его последователями, учеными-единомышленниками, современниками. Методические труды М. Т. Баранова позволяют продолжать в современных условиях поиск творческих решений в области преподавания русского языка в школе и вузе. Методы исследования: анализ, синтез, научное обобщение. В результате проделанного исследования выполнен анализ научного наследия ученого, дана объективная высокая оценка его трудов с современной позиции. Ценный опыт М. Т. Баранова следует учитывать в процессе подготовки учителей-словесников в современной России.

Ключевые слова: Михаил Трофимович Баранов, научная биография, история методики преподавания русского языка, научно-методическое наследие и его потенциал, научный вклад, научная школа «Формирование лингвистического мировоззрения», методика лексики и фразеологии

Для цитирования: Дейкина А. Д., Янченко В. Д. Методическое наследие профессора М. Т. Баранова (к 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 40–49. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-40-49>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Methodological legacy of Professor M. T. Baranov (to the 100th anniversary of the birth)

Alevtina D. Deikina¹, Vladislav D. Yanchenko²

^{1,2} *Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia*

¹ *adeykina@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3691-4675>*

² *v.d.yanchenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4626-5488>*

Abstract. The article focuses on a crucial issue, namely it aims to analyse the scientific and pedagogical activity of M. T. Baranov (1924–1999), an outstanding Russian scientist, teacher, methodologist-Russianist, who popularised the science of language and created the methodological school of thought "Linguistic worldview formation". From a modern linguodidactic perspective, the study presents his scientific heritage analysis and considers the most significant works on

Russian language teaching. Moreover, the paper outlines the main methodological ideas of M. T. Baranov and highlights the content of some of the scientist's significant writings, including the study guide "A Methodology of Vocabulary and Phraseology in Russian Language Lessons", which has great scientific methodological potential. Professor M. T. Baranov's contribution to the methodological science development was deeply appreciated by his followers, like-minded scientists, and contemporaries. In modern conditions, methodological writings by M. T. Baranov enable us to continue the search for creative solutions in the field of Russian language teaching as well as other issues of school and university pedagogical education. Research methods included analysis, synthesis, scientific generalisation. As a result, the paper has analysed the scientific legacy of the scholar and objectively evaluated his works from a modern standpoint. The valuable experience of M. T. Baranov should be considered in the process of training language and literature teachers in modern Russia.

Keywords: Mikhail Trofimovich Baranov, scientific biography, the history of Russian language teaching methodology, scientific methodological legacy and its potential, scientific contribution, school of thought *Linguistic worldview formation*, methodology of vocabulary and phraseology

For citation: Deikina A. D., Yanchenko V. D. Methodological legacy of Professor M. T. Baranov (to the 100th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(2):40–49. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-40-49>.

Введение. Михаил Трофимович Баранов (20.04.1924 – 09.07.1999) – основатель Московской методической школы «Формирование лингвистического мировоззрения», крупнейший педагог и методист-русист последней трети XX в., доктор педагогических наук, профессор, участник Великой Отечественной войны. В течение десяти лет он заведовал кафедрой методики преподавания русского языка ведущего педагогического вуза нашей страны – Московского педагогического государственного университета. Его методические труды во многом определили развитие отечественной методики преподавания русского языка в последней трети XX столетия и в начале XXI в.

Методы исследования: анализ, синтез, научное обобщение.

Анализ. Михаил Трофимович Баранов родился 20 апреля 1924 года в деревне Второе Меркулово Мценского района Орловской области в крестьянской семье. Краткие биографические сведения о нем представлены в современном «Лингводидактическом биографическом словаре»¹ и в других достоверных источниках².

¹ Лингводидактический биографический словарь: около 500 научных биографий специалистов в области изучения и преподавания языков и смежных дисциплин / научный консультант В. Г. Костомаров; науч. ред. А. Н. Шукин; авт.-сост. А. Н. Шукин, Л. В. Московкин, В. Д. Янченко. М.: Русский язык. Курсы, 2022. С. 46–47.

² См., например: Дейкина А. Д., Янченко В. Д. Научная школа М. Т. Баранова: формирование лингвистического мировоззрения учащихся //

М. Т. Баранову пришлось пережить немало тяжелых испытаний. Михаил Трофимович рано остался сиротой: в 1934 г. его родители умерли от голода, а он был отправлен на воспитание в детский дом г. Мценска.

В июне 1941 г. М. Т. Баранов окончил среднюю школу № 1 г. Мценска и с первых дней войны ушел добровольцем в Красную армию, участвовал в боях на Воронежском и Сталинградском фронтах, был связистом в составе инженерно-минной бригады (1942–1943), после тяжелой контузии 11 месяцев провел в госпитале. Михаил Трофимович никогда не любил вспоминать о войне, не выставлял себя напоказ, не ждал почестей, не требовал к себе особого внимания.

После окончания войны и демобилизации М. Т. Баранов, имея законченное среднее образование, стал работать учителем начальных классов в московской школе № 431. Одновременно с работой в 1947–1952 гг. он учился на вечернем отделении факультета русского языка и литературы

Научные школы Московского педагогического государственного университета. Выпуск 1. М.: Прометей, МПГУ, 2008. С. 166–182; История методики преподавания русского языка в биографических очерках: учебное пособие / А. Д. Дейкина, В. Д. Янченко. М.: МПГУ, 2017. С. 308–333; Методика обучения русскому языку и русистика в очерках об ученых Российской Федерации и зарубежья: библиографический справочник / Т. А. Острикова, А. Д. Дейкина, И. А. Сотова и др.; сост. и ред. Т. А. Острикова. Абакан, 2014. С. 16–21.

Московского городского педагогического института им. В. П. Потемкина. После окончания вуза М. Т. Баранов в том же году стал аспирантом кафедры русского языка этого института, который позже в 1960 г. был присоединен к МГПИ им. В. И. Ленина. Долгие годы с МГПИ (МПГУ) будет связана линия профессиональной жизни ученого.

Высшее образование позволило М. Т. Баранову продолжить работу с тем классным коллективом, который он стал обучать в начальной школе, учил в старших классах и выпустил в 1956 г. В его записной книжке всегда были телефоны тех давних выпускников с подписью «Мой ученик». В последующие годы (1956–1964) М. Т. Баранов работал в школе № 723, давал открытые уроки в школе № 444, а затем в 1993–1997 гг., будучи известным ученым, профессором, заведующим кафедрой ведущего педагогического вуза страны, по совместительству преподавал риторику в школе № 60 г. Москвы³. М. Т. Баранов прошел путь от учителя начальных классов до крупнейшего ученого-методиста, превосходно знал школу, никогда не отрывался от нее, целеустремленно служил делу образования.

В 1956 г. М. Т. Баранов защитил диссертацию на тему «О переходе Е в О в предупредительном слого северно-русского наречия» и получил ученую степень кандидата филологических наук. Уже в следующем 1957 г. молодой ученый поступил по конкурсу в НИИ методов обучения АПН РСФСР, где трудился до 1981 г. сначала младшим, затем старшим научным сотрудником. Здесь развивалась его многосторонняя научно-педагогическая деятельность, определились новые подходы по важнейшим проблемам содержания и методов обучения русскому языку. Тематика исследований М. Т. Баранова в это время оказалась чрезвычайно широкой: проблемы методики преподавания лексики, орфографии и пунктуации, обогащения словарного запаса и развития связной речи учащихся, углубленное изучение русского языка и другие вопросы.

³ Методика обучения русскому языку и русистика в очерках об ученых Российской Федерации и зарубежья: библиографический справочник / Т. А. Острикова, А. Д. Дейкина, И. А. Сотова и др.; сост. и ред. Т. А. Острикова. Абакан, 2014. С. 16.

Первые научные и учебно-методические публикации М. Т. Баранова увидели свет в 1960-е гг. (в кратком библиографическом словаре методистов русского языка, составленном М. Т. Барановым, им указана публикация 1962 г. «Работа над орфографическими ошибками в V–VIII классах»⁴, последней стала программная статья «От риторики к развитию речи в школах России»⁵). Своей работы за письменным столом ученый не оставлял до последнего часа: остались недописанными страницы истории методики преподавания русского языка.

Одно из важнейших направлений в многогранной научной деятельности М. Т. Баранова — анализ научного опыта предшественников. В журнале «Русский язык в школе» им был опубликован ряд образцовых персонафицированных и обзорных статей по истории методики обучения русскому языку⁶.

Ученый участвовал в разработке и создании федеральных программ и учебников по русскому языку. Коллектив авторов, среди которых был и М. Т. Баранов, в 1970 г. получил премию им. К. Д. Ушинского за учебник по русскому языку для IV класса и в 1984 г. Государственную премию СССР за учебники для IV, V, VI классов. Вокруг этих учебников сложился целый методический комплекс: рекомендации для учителя, сборники дидактических материалов, звуковые и печатные средства обучения, рабочие тетради, раздаточный материал. Автором многих идей,

⁴ Баранов М. Т. Работа над орфографическими ошибками в V–VIII классах / под ред. Г. П. Фирсова. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1962. 48 с.

⁵ Баранов М. Т. От риторики к развитию речи в школах России // Русский язык в школе. 1998. № 4. С. 50–57.

⁶ Более подробно см.: Михаил Трофимович Баранов: ученый и человек / сост. А. Д. Дейкина и др. М.: Прометей, 2005. 156 с.; Научно-методическое наследие М. Т. Баранова: идеи и воплощение (К 90-летию со дня рождения ученого): монография / под науч. ред. А. Д. Дейкиной, Е. В. Бунеевой, Л. Ю. Комиссаровой; сост. Л. Ю. Комиссарова, А. Ю. Гавриленко. М.: Баласс, 2014. 176 с.; Научные основы методики преподавания русского языка: учеб. пособие / А. Д. Дейкина, В. Д. Янченко. М.: МПГУ, 2019. 234 с.

воплотившихся в этом учебном комплексе, который получил заслуженное признание, был М. Т. Баранов.

Много сил ученый отдавал подготовке учителей. С 1981 г. по 1999 г. М. Т. Баранов работал в МГПИ им. В. И. Ленина (МПГУ) на кафедре методики преподавания русского языка сначала в должности доцента, затем профессора, а с 1988 г. заведовал этой кафедрой в течение десяти лет. Здесь в 1985 г. он защитил докторскую диссертацию «Научно-методические основы обогащения словарного запаса школьников в процессе изучения русского языка в IV–VIII классах».

Возглавляя кафедру методики преподавания русского языка, М. Т. Баранов сделал ее центром подготовки педагогических кадров. Он стремился к интегрированию усилий многих специалистов, поддерживая широкие научные связи. Ежегодно весной, обычно в начале апреля, по инициативе ученого на кафедре проходили научно-практические конференции по актуальным проблемам школьной и вузовской методики преподавания русского языка. В этот период Михаил Трофимович разработал ряд программ вузовских курсов, в частности «Практикум по школьному курсу русского языка». Он стал основным автором и редактором учебника для студентов «Методика преподавания русского языка»⁷, характеризующего завершение очень важного этапа развития методики и одновременно намечающего перспективы изысканий во всех главных направлениях этой науки.

Стремление ученого объективно определить предназначение изучаемого знания и приобретаемого умения в области словообразования, орфографии и лексики дало импульс к составлению М. Т. Барановым школьных словарей нового типа. М. Т. Баранов вписал свое имя в отечественную лексикографию, создав «Школьный орфографический словарь русского

языка»⁸ и «Школьный словарь образования слов русского языка»⁹. В них словарная статья отражает взаимообусловленность, неслучайность языковых явлений и фактов.

М. Т. Баранов высоко оценивал труды методистов XIX–XX вв., сам досконально изучал и открывал для своих учеников творческое наследие основателей методики. Так, им были проанализированы учебники по русскому языку для народных училищ XIX в., глубоко исследованы материалы Первого съезда преподавателей русского языка военно-учебных заведений России (1903), к 90-летию которого в декабре 1993 г. в МПГУ по инициативе М. Т. Баранова прошла Всероссийская научно-практическая конференция. По ее итогам был издан сборник докладов, определивших роль и место съезда в прогрессивном развитии методической науки.

Ученый исследовал такие важные теоретические проблемы современной методики, как теория школьного учебника, типы учебного материала и методы обучения русскому языку, система навыков и умений учащихся по русскому языку, межпредметные связи. Учителя русского языка и сегодня пользуются трудами М. Т. Баранова по методике орфографии, в которую он внес значительный вклад: дал методическое определение орфограммы, ввел понятия «тип и вид орфограммы», «условия выбора орфограммы».

С именем М. Т. Баранова связан длительный период активного развития методики преподавания русского языка как науки последней трети XX столетия. Обширный список трудов ученого в основном включает работы в области обучения русскому языку в V–IX классах средней школы и профессиональной подготовки студентов к преподавательской деятельности. В исследовании профессором Барановым проблем методики преподавания русского языка в V–IX классах можно выделить ряд направлений:

⁷ Методика преподавания русского языка в школе: учебник для студентов вузов, обучающихся по педагогическим специальностям / М. Т. Баранов, Н. А. Ипполитова, Т. А. Ладыженская и др.; под ред. М. Т. Баранова. М.: Academia, 2000. 361 с.

⁸ Баранов М. Т. Школьный орфографический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1995. 240 с.

⁹ Баранов М. Т. Школьный словарь образования слов русского языка. М.: Просвещение, 1997. 347 с.

- методика обогащения словарного запаса учащихся;
- методика орфографии и пунктуации, методы обучения русскому языку;
- история методики преподавания русского языка.

Особую последовательность М. Т. Баранов проявил в создании методики изучения лексикологии в школе. Благодаря ученому отдельный раздел «Лексика и фразеология» был включен в школьную программу по русскому языку.

В докторском диссертационном исследовании, учебном пособии для учителей «Методика лексики и фразеологии на уроках русского языка» (М., 1988) и серии научных и учебно-методических статей¹⁰ ученый предлагал решение вопросов методики изучения лексики и фразеологии в средней школе.

Остановимся более подробно на новаторском для своего времени пособии для учителей «Методика лексики и фразеологии на уроках русского языка». Во введении М. Т. Баранов пишет: «В предлагаемой учителям русского языка книге освещаются общие вопросы методики лексики и фразеологии; вопросы лексикологических и фразеологических понятий и формирования учебно-языковых лексикологических и фразеологических умений; вопросы закрепления знаний по лексике и фразеологии и учебно-языковых лексикологических и фразеологических умений при изучении нелексического материала; работы по орфографии и пунктуации при изучении лексикологических и фразеологических понятий» [Баранов 1988: 6].

Книга имеет четкую композицию, она состоит из пяти глав (частей). В первой главе «Общие вопросы методики лексики и фразеологии в школе» автором освещаются задачи и роль изучения лексики и фразеологии в школе, лингвистические основы школьного курса лексики и фразеологии, содержание и этапы работы по лексике и фразеологии в средней школе, принципы и методы изучения лексики и фразеологии. М. Т. Баранов по-новому определяет

познавательные и практические цели работы по лексике и фразеологии в средней школе: «Познавательные цели работы по лексике и фразеологии предполагают формирование у школьников научного мировоззрения, вооружение их основами знаний о лексике и фразеологии русского языка, развитие у детей языкового эстетического идеала» [Там же: 8], утверждает, что «практические цели изучения лексики и фразеологии – формирование учебно-языковых лексикологических и фразеологических умений – способствуют созданию предпосылок для работы по русскому языку в различных направлениях: по орфографии и грамматике, по обогащению словарного запаса учащихся» [Там же: 10]. В результате М. Т. Баранов приводит читателей книги к выводу о том, что изучение лексики создает базу для работы по развитию речи. Он определяет слово как центральную единицу языка, смысловое (семантическое) единство всех словоформ, единство лексического и грамматического значений, «пучок» различных лексических значений, элемент лексической системы. В то же время М. Т. Баранов убедительно объясняет причину большой социальной значимости и ведущей роли лексики в школьном курсе русского языка: «В лексике наиболее наглядно проявляется связь с жизнью общества: появление нового требует слова для его обозначения, уход из употребления какого-либо предмета, явления влечет за собой постепенное забывание слова, служившего его названием» [Там же: 9].

В пособии М. Т. Баранов рассмотрел содержание и этапы работы по лексике и фразеологии в средней школе и определил в школьном курсе русского языка три группы лексических понятий:

- 1) понятия, отражающие смысловые связи слов;
- 2) понятия, связанные с употреблением слова в разных сферах применения языка;
- 3) понятия, которые связаны с развитием словарного состава русского языка.

Далее автор выделил три этапа изучения лексики в школе: начальный, специальный, аспектный (повторительный) – и дал убедительный комментарий к каждому этапу: «На начальном этапе происходит практическое знакомство со словом, которое противопоставляется реалии; со словами, близкими и противоположными по смыслу <...>.

¹⁰ Сборник статей Михаила Трофимовича Баранова, опубликованных в журнале «Русский язык в школе» в 1960–1998 годах / сост. Т. А. Острикова. Абакан: Издательство ХГУ, 2001.

На специальном этапе изучаются лексические понятия, характеризующие слово со стороны значения, употребления и происхождения, и формируются учебно-языковые лексикологические и фразеологические умения находить изучаемые явления, употреблять их в собственной речи, пользоваться словарями» [Там же: 18–19]. Далее рассмотрен третий – аспектный (повторительный) – этап изучения лексики в школе: «На аспектном (повторительном) этапе, во-первых, рассматриваются лексические явления, изученные на специальном этапе, в сопоставлении с грамматическими явлениями; во-вторых, повторяются знания, полученные по лексике и фразеологии, и закрепляются лексические и фразеологические умения» [Там же: 20]. Автором точно определено место раздела «Лексика и фразеология» в школьном курсе русского языка: «... до грамматики (т. е. словообразования, морфологии, синтаксиса), так как все разделы грамматики оперируют словом, следовательно, ученики должны быть знакомы со словарным составом языка» [Там же: 19].

Представляют ценность для современной школы общедидактические принципы изучения лексики и фразеологии, сформулированные М. Т. Барановым и отраженные в анализируемом пособии: наглядность, сознательность, активность, доступность, посильность, систематичность, последовательность, прочность, связь теории и практики, научность, а также специальные принципы, которые вытекают из особенностей изучаемых лексических и фразеологических явлений: экстралингвистический (сопоставление слова и реалии), лексико-грамматический (сопоставление лексического и грамматического значений слова), системный (сопоставление слов, фразеологизмов со сферами их употребления), функциональный, исторический или диахронический (сопоставление истории слова и истории реалии).

Познавательные методы изучения лексикологических понятий, по мнению М. Т. Баранова, универсальны: «Слово учителя, самостоятельный анализ учащимися теоретического материала, беседа, самостоятельный анализ материала для наблюдения» [Там же: 22].

Для формирования лексикологических и фразеологических умений у школьников

М. Т. Баранов предложил использовать следующие упражнения: нахождение изучаемого лексического явления среди слов в словосочетании, предложении или связанном тексте; подбор примеров, иллюстрирующих изучаемое лексическое явление в тексте; группировка изучаемых лексических явлений; нахождение и исправление лексических ошибок; составление таблиц лексических значений; лексический разбор. Для формирования умения пользоваться толковым словарем М. Т. Баранов рекомендовал педагогам-словесникам применять такие виды упражнений, как нахождение в словарной статье ее структурных элементов; нахождение слов по тем или иным пометам; самостоятельное составление словарной статьи знакомого слова; кроссворд.

Затем в данном пособии более подробно рассмотрены понятийно-терминологические, коммуникативно-речевые, учебно-дидактические аспекты, межпредметные связи русского языка и возможности их использования при изучении лексики и фразеологии в школе. Ученый предложил сопровождать усвоение лексики попутным повторением и закреплением ранее пройденного материала по фонетике, грамматике, орфографии, развитию речи учащихся. Для решения задач, которые поставлены в связи с изучением в школе лексики и фразеологии, автор рекомендует в совокупности применять следующие средства обучения: «Учебник; таблицы и раздаточный материал; карточки <...> толковые словари разных типов» [Там же: 33].

Во второй главе пособия «Методика изучения лексики и фразеологии русского языка на специальных уроках в IV–V классах» изложено тематическое планирование работы по лексике и фразеологии, представлены интересные и содержательные разработки серии уроков, не утратившие своего значения для школьной практики.

Третья глава пособия «Повторение пройденного по лексике и фразеологии» отражает необходимый этап в усвоении и упрочении полученных знаний. В этой главе пособия М. Т. Баранов предложил два эффективных пути повторения лексического материала: «1) в виде специальных уроков повторения лексики и 2) в виде попутной работы по лексике при изучении

нелексического материала (фонетики, синтаксиса, стилистики, орфографии и пунктуации), а также в связи с работой по развитию связной речи учащихся» [Там же: 114]. Путь соизучения лексики и фразеологии и других разделов школьного курса русского языка, учитывающий внутрипредметные связи, обладает значительным дидактическим потенциалом.

В третьей главе представлены конспекты специальных уроков повторения. Автором сформулирована цель таких уроков: «Они проводятся, во-первых, для охвата учащихся всего материала по лексике, с которым дети познакомились; во-вторых, для закрепления знаний по лексике и учебно-языковых лексикологических умений; в-третьих, для упрочения системного представления о лексике. На повторительных уроках закрепляется умение пользоваться толковым словарем, находить в нем изученные лексические явления» [Там же: 115].

Четвертая глава «Работа по лексике и фразеологии при изучении грамматики, орфографии и пунктуации» посвящена попутному повторению лексического и фразеологического учебного материала. В этой главе представлен ряд полезных упражнений, которые обогащали содержание школьных учебников по русскому языку. Например, дополнены упражнениями такие параграфы школьного учебника, как «Однокоренные слова и формы одного и того же слова», «Окончание и основа слова», «Корень слова», «Суффикс», «Приставка», предложен дидактический материал и по другим темам.

Последняя глава (пятая) — «Углубленное изучение лексики и фразеологии в школе». В ней освещается процесс изучения русского языка в школе на углубленном уровне: во внеклассной работе и на факультативах. Сегодня эти рекомендации могут быть учтены педагогами-словесниками, работающими на предпрофильном уровне, в классах «Лингвистической вертикали». Автор рекомендует учителям рассматривать во внеклассной работе интересующие школьников темы, например: «Новые лексические значения у слов», «Пути появления новых слов», «Возникновение фразеологизмов в языке», «История слов», «Собственные имена и названия жителей», «Название местности (гидронимы,

топонимы)», «Варианты слов», «Близкие по значению слова», «Употребление слов и фразеологизмов в разных частях речи», «Словари русского языка». Рассматриваются также различные формы внеклассной работы, среди них — кружок «Любители русского слова», факультатив по лексике и фразеологии. В современной школе возрастает роль внеурочной работы, и учителям-словесникам будет полезно прислушаться к рекомендациям М. Т. Баранова.

Подводя итоги, М. Т. Баранов показал перспективность исследования методики лексики и фразеологии, наметил стратегию изучения этого важного научного раздела: «В будущем следует ожидать усиления внимания к этому разделу как к базе всей работы по культуре речи учащихся на уроках русского языка и по всем остальным школьным дисциплинам. <...> Необходимо изучить, как и при каких связях усваивается системный характер лексики, ее взаимосвязи с грамматикой, как влияет на речь учащихся ознакомление с лексическими и фразеологическими понятиями. Эти и другие проблемы — ступенька к совершенствованию практики преподавания лексики и фразеологии, а через них — преподавания русского языка в целом» [Там же: 187]. Для нашего времени также исключительно важна мысль М. Т. Баранова об особой роли лексики и фразеологии в школьном курсе русского языка: «Учащиеся переносят интерес, проявленный к лексике и фразеологии, на все остальные разделы русского языка» [Там же].

Глубокий исследователь и блестящий методист-практик, М. Т. Баранов способствовал окончательному оформлению методики как науки, он внес весомый вклад в исследование важнейших теоретических проблем современной методики, сформулировал основные направления в развитии методики преподавания русского языка.

Яркое методическое дарование ученого проявилось в умении видеть перспективу в развитии методической науки. Его научное предвидение связано с новыми общественными потребностями в образовании и культуре последней трети XX в. и опирается на закономерности, открываемые в лингвистике, педагогике, психологии и других смежных с методикой науках. Глубокое знание истории языка,

истории лингвистической и методической наук, тщательное изучение научных воззрений предшественников, принципиальная оценка значимости отдельных трудов и концептуальных идей методистов прошлых веков – все это сделало возможным определение и описание на основе научного знания процесса изучения тех вопросов, которые до М. Т. Баранова не были или не могли быть включены в область методики преподавания русского языка.

Теоретически разработанные ученым проблемы методов обучения русскому языку, школьного учебника и учебных пособий по русскому языку, методики лексики, орфографии, пунктуации, словарной работы, углубленного изучения русского языка в школе и многие другие стали базой для дальнейшего развития науки и совершенствования школьного учебного процесса по русскому языку. Заметим, что многоаспектность исследований, проведенных М. Т. Барановым, говорит не о разбросанности интересов, а о его стремлении к цельности методической теории. Это в большей степени удалось ученому.

Широта интересов, энциклопедичность знаний, научная глубина, удивительная прозорливость и тонкая методическая интуиция М. Т. Баранова обусловили состоятельность научных трудов его последователей. Научная школа М. Т. Баранова «Формирование лингвистического мировоззрения» объединяет более 55 кандидатов и докторов педагогических наук по научной специальности «Теория и методика обучения и воспитания (русский язык)». С 1964 по 1999 гг. под его научным руководством защитились «К. С. Вискович (1967), О. П. Мистратова (1971), О. А. Михина, А. И. Кондрашенкова (1972), Ю. П. Плотникова, В. Н. Яковлева (1973), Д. Д. Проценко, Л. М. Бесолов (1974), К. А. Сидоренко, Г. И. Сенин-Волжский (1975), Д. И. Маринова, О. Г. Дзюбенко (1976), Л. Г. Каткова (1978), А. Д. Дейкина (1979), Л. Л. Маркова, Л. В. Дорогань (1980), Л. Я. Китаева (1981), И. С. Чудинова (1982), В. А. Павлов, Д. А. Акпаралиев, Г. М. Иваницкая (1983), Т. М. Фалина, Е. В. Бунеева, Н. И. Фирсова, Т. Г. Иргашева (1985), Т. А. Острикова (1986), В. В. Гадалова (1987), Т. Ф. Долбеева, В. А. Лебедев (1988), С. П. Лизакова, Л. М. Манаква, Г. А. Яковлева, Н. А. Потелло, В. Н. Ведерникова

(1989), Т. В. Присяжный, К. К. Токтонашева (1990), М. Б. Гульчин, С. А. Асатурова, Н. И. Пацейко (Гетьманенко), В. И. Стативка (1991), С. В. Алешенко, И. М. Иванова, С. М. Ляпидевский, С. Е. Ноздрякова, Е. Н. Соколов (1992), А. Д. Дейкина, О. В. Алексеева, А. Н. Алешенко, Г. Токмырзаев, Е. П. Фетисова (1994), Л. Ю. Комиссарова (1995), С. А. Арефьева, Л. А. Поникарова (1999), Р. Хайчук (1995) и др.»¹¹.

Идея формирования лингвистического мировоззрения учащихся стала приоритетной в научной школе М. Т. Баранова и получила продолжение в трудах его последователей. Эта идея, актуальная для современной методической науки, основана на принципах связи языка и логики, родного языка и чувства национального самосознания. Именно такое понимание принципов впоследствии нашло свое отражение в нормативных документах, в целях преподавания учебного предмета «Русский язык», в частности в определении компетенции как владения языком, ее видов (лингвистическая, языковая, коммуникативная, культуроведческая) и объема.

Научная школа М. Т. Баранова связана не с одним, а с несколькими направлениями, для которых характерны единство основных взглядов, общность идей и преемственность принципов и методов. Последователей методической школы М. Т. Баранова, с гордостью относящих себя к ней, можно встретить везде: и в России, и в ближнем и дальнем зарубежье – ее география обширна. Благотворное влияние научно-педагогической деятельности М. Т. Баранова проявилось в плодотворном сотрудничестве с ведущими методистами России, Украины, Узбекистана, Киргизии, Казахстана, Польши и т. д. Как ученого М. Т. Баранова отличали заинтересованное внимание к опыту передовых школ и учителей, способность воспринимать новые и учитывать уже имеющиеся в науке и практике идеи.

Последователи Михаила Трофимовича Баранова убедились в таком замечательном

¹¹ Методика обучения русскому языку и русистика в очерках об ученых Российской Федерации и зарубежья: библиографический справочник / Т. А. Острикова, А. Д. Дейкина, И. А. Сотова и др.; сост. и ред. Т. А. Острикова. Абакан, 2014. С. 16–17.

качестве ученого, как исключительная щедрость на идеи, которыми он охотно делился, не навязывая при этом свою точку зрения, не подавляя авторитетом.

Учебники М. Т. Баранова сопровождают учеников в основной школе, студентов — в педвузе. Несколько поколений студентов-филологов МГПИ (МПГУ) слушали его лекции. Им на всю жизнь запомнился яркий, неповторимый образ профессора, после встречи с которым даже у нерадивых студентов отношение к методическим дисциплинам полностью менялось. Каждая его лекция оставляла незабываемый след, расширяла кругозор. Михаил Трофимович передавал аудитории свою увлеченность наукой. Встречи с М. Т. Барановым у некоторых студентов впервые пробудили интерес к преподавательской работе. Он был творческим человеком, интересным собеседником, считался с мнением других. Восприимчивый к новому, внимательный, чуткий, наделенный от природы феноменальной памятью, Михаил Трофимович ценил остроумное слово.

М. Т. Баранов не только замечательно знал учебный предмет, который он преподавал; ученый был также глубоко осведомлен во всех областях наук, смежных с методикой преподавания русского языка. Он поддерживал инновационные методики, если они не были, как часто говорил Михаил Трофимович, «флюсом» в общем контексте образования. Приобретенный им в неустанной работе по самообразованию широкий лингвистический кругозор стал базой для его научных достижений в области методической науки. Этот ценный опыт следует учитывать в процессе подготовки учителей в современной России.

Научные идеи М. Т. Баранова проходили апробацию на ежегодных всероссийских научно-практических конференциях МГПИ (МПГУ) по актуальным проблемам содержания и методов обучения школьников русскому языку в средней школе, внедрялись опытным путем и в системе повышения квалификации учителей. Большую роль в признании и развитии прогрессивных методических положений, концептуально значимых для научной школы М. Т. Баранова, сыграла подготовка им педагогических кадров высшей

квалификации, особенно в период десятилетнего заведования кафедрой методики преподавания русского языка (1988—1998)¹². Под редакцией М. Т. Баранова на основе материалов конференций изданы научные сборники¹³. Эта важная для развития науки традиция представления актуальной проблемы и путей ее решения успешно продолжается кафедрой методики преподавания русского языка МПГУ в наши дни.

По целому ряду научных направлений М. Т. Баранов систематизировал теорию методики преподавания русского языка. Он активно выступал за эксперимент в школе, за высокий уровень языковой и методической подготовки учителя, за научность преподавания русского языка.

Огромна заслуга М. Т. Баранова в обеспечении вузовской методики преподавания русского языка в средней школе и профессионально-методической подготовке студентов в педагогическом вузе: вузовский учебник под редакцией М. Т. Баранова получил заслуженное признание (1-е изд. — 1990 г.,

¹² Роль научной школы в методической подготовке учителя-словесника: к 80-летию со дня рождения М. Т. Баранова: сб. ст. по материалам Всерос. науч.-практ. конф., 27–28 мая 2004 г. / редкол.: И. Ю. Добродеева и др. Шуя: Весть, 2004. 169 с.

¹³ Детская речь: пути ее развития и формы обучения студентов работе по развитию речи в школе: тезисы докладов, прочитанных на научно-практической конференции 7–9 апреля 1993 года. М.: МПГУ, 1993. 57 с.; Истоки методики русского языка и литературы в XX веке: к 90-летию Первого съезда преподавателей русского языка военно-учебных заведений России (1903–1993): тезисы докладов участников научно-практической конференции / сост. М. Т. Баранов. М.: МПГУ, 1993. 74 с.; Текст на уроках русского языка: тезисы докладов и выступлений участников научно-практической конференции (7 и 8 апреля 1994 г.) / сост. М. Т. Баранов. М.: МПГУ, 1994. 74 с.; Мария Александровна Рыбникова: к 110-летию со дня рождения: тезисы докладов, прочитанных на научной конференции 10 ноября 1995 года / сост. М. Т. Баранов. М.: МПГУ, 1996. 39 с.; Русский язык в школе: к 210-летию в учебных планах России: тезисы докладов участников научно-практической конференции (октябрь 1996 г.) / сост. М. Т. Баранов. М.: МПГУ, 1996. 57 с.

2-е изд. – 2000 г.)¹⁴, более четверти века по нему обучаются студенты-филологи, будущие учителя-словесники.

Методический талант М. Т. Баранова состоял и в том, что он оперативно отзывался на инновации, но при этом добросовестно, скрупулезно исследовал новое, учил отличать новое от псевдонавого.

М. Т. Баранов был чрезвычайно принципиален в обосновании связи языка и речи, в отношении к риторике конца XX в. Он убедительно доказал, что риторика конца XX в. – это не новое научное направление, а маленький кирпичик в большом здании, один аспект в методике развития связной речи. Одна из его интереснейших обзорных статей – «От риторики к развитию речи в школах России»¹⁵. Основные положения статьи подтверждены его личным опытом преподавания риторики в школе.

Методические и гуманистические идеи и традиции М. Т. Баранова бережно сохраняют и продолжают развивать в своей научно-педагогической деятельности его ученики и представители научной школы «Аксиологическая лингвометодика: мировоззренческие и ценностные аспекты в школьном и вузовском

преподавании русского языка» (лидер школы – ученица М. Т. Баранова, Почетный профессор МПГУ доктор педагогических наук А. Д. Дейкина).

Выводы. Вся научная биография профессора М. Т. Баранова может служить примером самоотдачи и служения любимому делу Просвещения. Михаил Трофимович прожил яркую профессиональную жизнь, оставаясь неустанным тружеником.

Прогнозы развития методической науки, определенные в научной школе М. Т. Баранова на основе объективного анализа достижений предшественников и современников ученого, оказались перспективными, и они требуют пристального изучения. Вклад профессора М. Т. Баранова в развитие методической науки высоко оценен его последователями, учеными-единомышленниками, современниками. Исторический оптимизм ученого, исследователя, педагога, методические труды М. Т. Баранова позволяют продолжать поиск творческих решений проблем преподавания русского языка и других проблем школьного и педагогического образования, которые ставят жизнь и время.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов М. Т. Методика лексики и фразеологии на уроках русского языка: пособие для учителя. М.: Просвещение, 1988. 190 с.

REFERENCES

Baranov M. T. Methodology of vocabulary and phraseology in Russian language lessons: teacher's guide. Moscow: Education, 1988. 190 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Алевтина Дмитриевна Дейкина, доктор педагогических наук, профессор

Alevtina D. Deikina, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor

Владислав Дмитриевич Янченко, доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания русского языка

Vladislav D. Yanchenko, Doctor of Sciences (Pedagogy), Associate Professor, Head of the Department of Methods of Teaching the Russian Language

Статья поступила в редакцию 27.10.2023; одобрена после рецензирования 06.12.2023; принята к публикации 20.12.2023.

The article was submitted 27.10.2023; approved after reviewing 06.12.2023; accepted for publication 20.12.2023.

АНАЛИЗ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

LITERARY TEXT ANALYSIS

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-50-59>

Структурно-семантические доминанты поэтики произведений Ю. В. Бондарева о Великой Отечественной войне (к 100-летию со дня рождения)

Татьяна Борисовна Васильева-Шальнева

Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия, t.b.vs@list.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-9920-8260>

Аннотация. Цель статьи – показать эволюцию знаковых структурно-семантических доминант поэтики произведений Ю. В. Бондарева о Великой Отечественной войне. Ведущие методы исследования – структурно-семантический и сравнительно-сопоставительный. Для достижения цели последовательно раскрывается специфика поэтики ранних повестей писателя («Батальоны просят огня» и «Последние залпы») и романа «Горячий снег». На основании сравнения полученных результатов делается вывод об эволюции поэтики произведений писателя о Великой Отечественной войне и указываются конкретные формы изменений. Доминирующими чертами поэтики писателя являются особый исповедальный дискурс главного героя, локальность хронотопа, лейтмотивная оппозиция образов лирического и трагического планов, экспрессивность разнохарактерной детали, кинематографичность, лингвосенсорика, семантическая значимость финалов. Эти особенности проявляются и в ранних произведениях писателя о Великой Отечественной войне, и в его романе «Горячий снег». Повести «Батальоны просят огня» и «Последние залпы» рассматриваются в русле ведущей жанровой модели «лейтенантской прозы» – жанре фронтовой лирической повести. «Горячий снег» исследуется как лиро-эпический роман о Великой Отечественной войне. В нем некоторые черты фронтовой лирической повести сохраняются, другие же переходят на новый уровень. В романе «Горячий снег» исповедальный дискурс обогащается рационально-аналитическим компонентом; хронотоп произведения, сохраняя локальность, обретает специфику документального; детали (предметные, портретные, пейзажные, интерьерные, психологические) активно используются, но при этом обобщаются до символического уровня; кинематографическое видение писателя обогащается новыми формами и приемами; система лингвосенсорики становится разветвленной и включает ранее не используемые писателем компоненты; финал произведения не абстрактен, а концептуален. Эти структурно-семантические доминанты поэтики произведений Ю. В. Бондарева позволяют сделать вывод об эволюции художественного мышления писателя, определить генезис его романного творчества.

Ключевые слова: Ю. В. Бондарев, окопная правда, хронотоп, жанровая модель, лингвосенсорика, кинематографичность, дигитальный, ольфакторный компоненты

Для цитирования: Васильева-Шальнева Т. Б. Структурно-семантические доминанты поэтики произведений Ю. В. Бондарева о Великой Отечественной войне (к 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 50–59. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-50-59>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Structural semantic features dominant in the poetics of Yu. V. Bondarev's works about the Great Patriotic War (to the 100th anniversary of the birth)

Tatyana B. Vasilieva-Shalнева

Kazan (Privolzhskiy) Federal University, Kazan, Russia, t.b.vs@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9920-8260>

Abstract. The article aims to show the evolution of the significant structural semantic features dominant in the poetics of Yu. V. Bondarev's works about the Great Patriotic War. The principal research methods are structural semantic and comparative-contrastive analysis. To achieve the goal, the study consistently reveals the specific features of the poetics of the writer's early novellas "The Battalions Request Fire" and "The Last Shot", as well as the novel "The Hot Snow". Based on the comparison of the obtained results, the paper concludes that the poetics of the writer's works about the Great Patriotic War evolved in the course of time. Moreover, specific forms of such changes are indicated. The dominant features of Yu. V. Bondarev's poetics are the protagonist's specific confessional discourse, the chronotope locality, the leitmotif opposition between the images of lyrical and tragic planes, the expressiveness of the eclectic detail, cinematographicity, sensory language, the semantic significance of the finales. These features are manifested in the writer's early works about the Great Patriotic War, as well as in his novel "The Hot Snow". The novellas "The Battalions Request Fire" and "The Last Shots" are considered within the framework of the leading genre model of "lieutenant prose", i. e. the genre of the frontline lyric novella. "The Hot Snow" is studied as a lyric-epic novel about the Great Patriotic War. The novel retains some features of the frontline lyrical novella, while others are taken to a new level. In "The Hot Snow" novel, the confessional discourse is enhanced with a rational-analytical component; the chronotope of the work, while retaining its locality, acquires the specificity of a documentary one. Details (object, portrait, landscape, interior, psychological) are actively used, but at the same time they are generalised to a symbolic level. Yu. V. Bondarev's cinematographic vision is enriched with new forms and techniques; the linguo-sensory system becomes intricate and includes components previously not used by the writer. The novel finale is not abstract, but conceptual. These dominant structural semantic features of the poetics of Yu. V. Bondarev's works make it possible to determine the genesis of his novelistic creativity and conclude that the writer's artistic thinking evolved.

Keywords: Yu. V. Bondarev, trench truth, chronotope, genre model, sensory language, cinematographicity, digital component, olfactory component

For citation: *Vasilieva-Shalнева Т. Б. Structural semantic features dominant in the poetics of Yu. V. Bondarev's works about the Great Patriotic War (to the 100th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2024;85(2):50–59. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-50-59>.*

Введение. Творчество русского писателя второй половины XX в. Ю. В. Бондарева многоаспектно в проблемно-тематическом и разнообразно в жанрово-стилистическом планах. Но лейтмотивом всего творчества писателя является тема Великой Отечественной войны. Даже в произведениях о мирном времени (в романах «Берег», «Выбор» и др.) есть реминисценции, связанные с военным прошлым героев; в философском цикле миниатюр «Мгновения» несколько рассказов также раскрывают военную тему.

Творчеству Ю. В. Бондарева посвящено большое количество исследований. В работе Ю. А. Есауленко «Творчество Ю. В. Бондарева в русской литературной критике» отмечается, что произведения писателя основательно проанализированы в «тематическом (А. Эльяшевич, И. Богатко, А. Борщаговский), проблемно-идеологическом (Г. Бровман, А. Караганов), жанрово-стилевым (Г. Муриков, В. Романенко, А. Силаев), лингвистическом (М. Улановский), философском (В. Агеносов) планах. Уделялось внимание роли литературной традиции в произведениях Ю. В. Бондарева

(В. Прежевозинский, А. Герасименко). Вышли в свет монографии, в которых содержалась общая характеристика творчества писателя (Ю. Идашкин, В. Коробов, О. Михайлов)¹. В литературной критике, посвященной творчеству Ю. В. Бондарева, выделяют три периода: 1953-й – середина 1960-х гг., середина 1960-х – 1980-е гг., 1990-е гг. – начало XXI в. Критериями данной периодизации является не столько специфика произведений писателя того или иного этапа, сколько обусловленные временем тенденции в осмыслении творчества писателя.

В последние годы исследования о военной прозе Ю. В. Бондарева включают его произведения в проблемно-тематический блок русской военной прозы XIX–XXI вв., при этом подчеркивается, что авторы

¹ См.: *Есауленко Ю. А. Творчество Ю. В. Бондарева в русской литературной критике: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2008. С. 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dissercat.com/content/tvorchestvo-yuv-bondareva-v-russkoi-literaturnoi-kritike/read> (дата обращения: 01.09.2023).*

текстов о современных войнах (афганской, чеченской) явно противопоставляют их описание изображению Великой Отечественной войны в прозе 60–80-х гг. XX в.²

В исследовательской литературе о русской военной прозе второй половины XX в. большое внимание уделялось характеристике такого явления, как «лейтенантская проза». Ранние произведения Ю. В. Бондарева — знаковые в процессе формирования данного явления. Писатель был одним из создателей «лейтенантской прозы» (наряду с такими авторами, как В. Некрасов, Г. Бакланов, В. Быков, К. Воробьев, В. Богомолов и др.). Многие лингвопоэтические особенности раннего творчества Ю. В. Бондарева стали атрибутивными характеристиками именно «лейтенантской прозы», которая возникла и как реакция на идеологическо-агитационные, лишенные личностного «начала достоверности» произведения М. Бубеннова, С. Бабаевского и т. п., и как ответ на «псевдоромантическое» (Н. Л. Лейдерман) изображение Великой Отечественной войны в русской литературе послевоенного периода. В русле «лейтенантской прозы» сформировалась особая жанровая модель — фронтовая лирическая повесть. Ранние произведения Ю. В. Бондарева — «Батальоны просят огня» (1957) и «Последние залпы» (1959) — относятся именно к этой жанровой модели. Рассмотрим их более подробно, выделив в данных произведениях черты фронтовой лирической повести, ее структурно-семантические доминанты.

Анализ. Обращает на себя внимание особый тип исповедальности, связанный со спецификой образа главного героя (главных героев), наделяемого(-ых) автором собственным жизненным (фронтовым) опытом. Главный герой является

носителем авторского «я»; наблюдается своеобразное автобиографическое миромоделирование, выраженное в судьбах одного или нескольких образов-персонажей. Специфику изображения войны определяет именно дискурс главного героя, так как писатель воссоздает психологическое состояние молодого человека, испытывающего потрясение от происходящих событий, участником которых он является. При этом повествование ведется не от первого, а от третьего лица (часто используется несобственно-прямая речь). Таковы образы капитана Ермакова, старшего лейтенанта Кондратьева (повесть «Батальоны просят огня»), образы лейтенантов Новикова, Овчинникова, Алешина («Последние залпы»). Ракурс происходящего дан через эмоционально открытого молодого героя, не притерпевшегося к военным будням (страданиям, смертям), детерминирует обращение писателя к такой структурно-семантической модели, как оппозиционные ряды образов лирического и драматического (или трагического) характера. Например, в повести «Батальоны просят огня» представлен фрагмент с молниеносным переходом от лирической пейзажной зарисовки Днепра к описанию бомбового удара немецких самолетов. Цветовая насыщенность текста сменяется бесцветностью, печальная тишина — пронизывающим свистом и тяжелыми, несущими смерть всему живому ударами:

Вся печальная и тихая на закате водяная даль Днепра отсвечивала *темно-розовым* в увеличенном приближении бинокля: вот она, в пяти шагах, эта вода. И тоскою, странной, глухой, повеяло от лесов, потемневших на том берегу перед вечером. Был высок тот берег Днепра, а в межлесье прорезала *полосу зари* огромная высота, *чистая*, без кустов и деревьев...³

На смену пейзажной зарисовке неожиданно быстро приходит описание бомбежки:

³ Здесь и далее тексты произведений цит. по: *Бондарев Ю. В.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Художественная литература, 1984–1986 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.literu.ru/bondarev-yu/yuriy-bondarev/> (дата обращения: 15.09.2023); *Бондарев Ю. В.* Горячий снег. Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1972. 368 с.

² См.: *Шкурят Л. С.* Роман Ю. В. Бондарева «Берег» в контексте «военной» прозы писателя: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Липецк, 2006. 170 с.; *Выговская Н. С.* Молодая военная проза второй половины 1990 — начала 2000-х годов: имена и тенденции: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2009. 26 с.; *Окунькова Е. А.* Стиль современной русской прозы о войне: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2010. 195 с.; *Волкова В. Б.* Концептосфера современной военной прозы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.01. Екатеринбург, 2014. 43 с. и др.

Гул невидимых самолетов *накаленно дрожал* над головами, и *бледно в померкшем небе* распустились, разбрызгивая свет, и поплыли над лесами первые «фонари»... И тотчас из звездных высот неосвященного неба понесся к земле *остро пронизывающий звук. Бомбы ударились* в землю, толкнули ее, песчаный *окопчик*, осыпаясь, дернулся, *затрясся* под ногами, *как живое тело*...

Структурно-семантической особенностью фронтовой лирической повести становится и специфика хромотопической организации. Художественное пространство и художественное время, в которых реализуется сюжетно-событийный ряд, отличаются локальностью. В повести «Батальоны просят огня» действие связано с эпизодом освобождения Киева. Стратегическая задача двух батальонов заключалась в функции форпоста при предполагаемом наступлении на данном направлении. Но в результате изменения плана операции батальоны были оставлены без огневой поддержки, обречены на гибель. Шестнадцать часов они удерживали наступающие немецкие танки; выжить удалось единицам. В повести «Последние залпы» внимание писателя сосредоточено на одном бое артиллерийской батареи капитана Новикова, перед которой была поставлена задача преградить движение многочисленной группировке немцев, прорывающейся в Чехословакию. Принимая на себя страшный удар, практически все герои повести погибают.

В обеих повестях Ю. В. Бондарева центральное место занимает единый тип хромотопа — локальный хромотоп боя, который структурирует произведения, концентрирует их сюжетные линии, позволяет разнопланово представить характеры героев. Так, обращают на себя внимание фрагменты, в которых персонажи изображаются практически на одном и том же месте с разницей в несколько часов — сначала живыми, затем — погибшими:

«*Братья Березкины*, — тихо сказал Жорка. — Эх, черт! Смотрите... *Оба...*» Так до последнего момента Ермаков и не научился различать *двух этих мальчишек-близнецов, стройных, ладных*, никогда не разлучавшихся *ясноглазых москвичей*, он не знал даже, кого из них — Николая или Андрея — ранило в плечо утром. Теперь они, *преданно прижавшись щеками к земле*, лежали на бруствере среди стреляных гильз перед

противотанковым ружьем, лежали, будто спали, *крепко и навсегда обнявшись*. И один — кто из них это был, Николай или Андрей? — плечом загораживал другого, а из-под обнявшей навечно руки белел бинт и смятый сержантский погон на разорванной гимнастерке. А в пяти шагах от братьев отпечатались четкие вмятины гусениц поперек траншеи. («Батальоны просят огня»).

В данном эпизоде писатель крупным планом рисует мертвое, «застывшее» после окончания вражеского наступления поле боя. Фрагмент, который не был описан Ю. В. Бондаревым, зримо предстает перед читателем из внешней атрибутики осматриваемого бойцами плацдарма. Читателю несложно вообразить и героические усилия солдат, направленные на выполнение поставленной задачи, и трагедию частных судеб бойцов, когда один из братьев погибает, оказывая помощь другому. Смерть братьев Березкиных так и остается в сознании читателя болевой точкой, недосказанность лишь добавляет эпизоду трагизма.

В изображении батальных сцен Ю. В. Бондарев часто использует общий план. Кинематографическая оптика позволяет писателю показать мозаичную картину происходящего. Совмещая различные ракурсы видения, автор соединяет разрозненные сюжетные компоненты в единое целое. М. Мансурова отмечает, что «зримые синтетические бондаревские картины несут в себе “мысль чувствующую”, вызывают “почти физическое” ощущение описываемой объективной реальности, и это говорит о его (писателя. — Т. В.-Ш.) “кинематографическом видении мира”»⁴.

Рвущий воздух треск распорол и точно оттолкнул к небу тишину, слепящая быстрота огня колючей болью ударила по глазам Ремешкова; и, зажмурясь, затем разомкнув веки, *увидел он, как сквозь синее стекло, впереди себя Новикова. Стреляя из автомата, разбрызгивая пучки очереди, он скачками бежал в котловину*, что-то кричал не оглядываясь... *Тотчас мимо него наискось промчался снап пулеметных трасс*, другой, длинный, прерывистый, вихрь сверкнул мимо плеч Новикова — и все впереди, справа и слева залокотало, сдвинулось, забило, крутясь и качаясь в раскаленной карусели... («Последние залпы»);

⁴ Мансурова А. М. Проза Ю. Бондарева: творческая эволюция писателя: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02. М., 1979. С. 159.

И то, что он увидел в этот момент, объяснило ему неотвратно случившееся. Танки *ползли* справа и слева, обтекая высоту... А овсяное поле, дальняя опушка леса, окраины деревни — *все гремело, вздымаясь разрывами*, и небо дрожало от грубых басовитых струн. И воздух везде шуршал и колыхался, *лопаясь громом*, и капал *мелкий, как пыль*, дождь. И был, оказывается, закат за высотой, *багрово-кровавая щель светилась, сплюснутая тучами снизу и сверху...* («Батальоны просят огня»).

Ю. В. Бондарев использует в описании боя разнообразные средства художественной выразительности. Это способствует передаче динамики происходящего, полноте внешнего, изобразительного и внутреннего, эмоционального воссоздания картины боя.

Важной особенностью ранних повестей Ю. В. Бондарева является художественная деталь, которая играет существенную роль при создании портретных характеристик бойцов и при описании их психологических состояний. Деталь значима также при изображении пейзажа, батальных сцен, бытовых эпизодов. Благодаря точной выразительной детали возникает эффект достоверности изображаемых событий, ощущение включенности читателя и даже его вовлеченности в происходящее. Приведем примеры:

Дежурный телефонист Гусев, *молодой, круглоголовый, прислонясь затылком к стене*, спал — устало подергивались брови, потухшая сигарка прилипла к *оттопыренной губе*, другая — свернутая — заложена за ухо. Перед ним на снаряжном ящике котелок: из *недоеденной пшеничной каши торчала деревянная ложка*. Возле котелка *огрызок обмусоленного чернильного карандаша, измятый листок, вырванный из тетради, ровные, аккуратные строчки были усыпаны хлебными крошками*. («Последние залпы»);

Два тонких, как металлические муравьи, истребителя шли на большой высоте... Гулко ударили зенитки у переправы, *малиновые звездочки разрывов засверкали в лиловой высоте*. («Батальоны просят огня»).

Особенностью поэтики ранних повестей Ю. В. Бондарева является и лингвосенсорика. Можно говорить о преобладании в них цветовых и световых характеристик изображаемых предметов и объектов. Использование яркой красочной палитры свойственно как собственно военным

эпизодам, так и фрагментам, не связанным с непосредственным описанием военных действий. Приведем примеры:

Они ощутили неистовый, раскаленный ветер. Он, как в воронке, крутил по всей окраине огромные *метели огня, искр, тепла*. Впереди жарко горели дачные коттеджи на берегу длинного озера. *Красный отблеск воды висел в воздухе*. Над озером, в дыму, сталкиваясь, перекрещиваясь, мелькали *огненные нити пулеметных очередей*; и частые вспышки орудийных зарниц в горах, мерцающие сполохи танковых выстрелов, *малиново-круглые разрывы мин* на берегу. («Последние залпы»);

Елютин поднял голову. На берегу, среди *синего* неба, стояли, *светясь* каждым листом, *рыжие* осины, и оттуда, *посверкивая* тончайшими нитями, тянулась в чистом воздухе паутина. («Батальоны просят огня»).

Активно использует Ю. В. Бондарев и аудиальный компонент. Доминирующей моделью звуковой картины повестей «Батальоны просят огня» и «Последние залпы» выступает оппозиция *тишина—бой* (выше мы уже отметили контраст эпизодов лирического и трагического характера как одну из лингвопоэтических особенностей жанра фронтальной лирической повести). Концепт «Тишина» содержит семы 'отдых', 'воспоминания', 'состояние влюбленности', 'женская красота', 'одухотворенность природы'. Концепт «Бой» нивелирует их; аудиальная характеристика связана со звуками пронзительными, резкими, грубыми, оглушительными.

Значительно реже Ю. В. Бондарев использует обонятельные, ольфакторные характеристики. Это связано с обилием тяжелых, мучительных с физиологической точки зрения запахов войны. Ольфакторный компонент реализуется либо через нейтральные запахи, либо через запахи неприятные, грубые, представленные и в пейзажных, и в бытовых зарисовках (*накуранный блиндаж; запах крепкого пота, горький запах дыма, гнилой* запах болот являются ключевыми в ранних повестях Ю. В. Бондарева). Приятные для обоняния или нежные запахи практически отсутствуют, хотя имеется предметно-объектная детерминанта их появления (в «Последних залпах» Алешин передает для медсестры Лены шоколад, но есть только указание на этот факт; сержант Сапрыкин режет свежую буханку черного

хлеба, но ее аппетитный запах не фиксируется словесно, а только предполагается).

В качестве структурно-семантической доминанты поэтики ранней прозы Ю. В. Бондарева можно выделить и семантическую насыщенность финальных эпизодов обеих повестей. Концовки произведений «Батальоны просят огня» и «Последние залпы» носят частный характер: на первый план в них выходят личные судьбы персонажей. В повести «Батальоны просят огня» финал амбивалентен, но в целом позитивен: Борис и Шура уходят из мира войны в мир природы, их следы на песке днепровского пляжа становятся символом начала новой жизни. В повести «Последние залпы» финал трагичен: санинструктор Лена Колоскова становится свидетельницей мгновенной, нелепой гибели капитана Новикова, в любви к которому заключался смысл жизни героини.

Обратимся к анализу произведения Ю. В. Бондарева иного концептуального уровня и жанровой специфики – роману «Горячий снег» (1970). В конце 60-х гг. XX в. Ю. В. Бондарев активно включился в дискуссию о формах отражения событий Великой Отечественной войны в русской литературе. Он считал, что только прошедший войну человек, познавший ее «из окопа» (так возник сам термин *окопная правда*), может правдиво рассказать о ней. Однако данная концепция была подвергнута критике, поскольку произведения о Великой Отечественной войне, написанные с позиции *окопной правды*, сужали ракурс видения столь значимого события до личностной оценки отдельного бойца. При всей важности подобного отражения войны событие такого масштаба не могло быть объективно охарактеризовано и художественно показано только через восприятие лейтенанта или солдата. Стала заметна тенденция к дегероизации Великой Отечественной войны, поскольку получившая распространение натуралистичность изображения приводила к избыточной субъективности.

Обладая военным опытом, глубиной мышления и профессиональным чутьем, Ю. В. Бондарев понимал необходимость изменения уже ставшей трафаретной для военной прозы этого времени жанровой структуры фронтовой лирической повести. Этим обусловлено создание писателем

произведения принципиально иной жанровой модели – романа «Горячий снег». На наш взгляд, одним из основных моделирующих принципов концепции произведения стал принцип наложения двух «правд»: «окопной» и «штабной». Возникает объективно-субъективный ракурс изображения событий Великой Отечественной войны, в котором объединилось умение писателя донести до читателя точность и правдивость деталей как военного быта, так и батальных эпизодов, но не ограничиться этим ракурсом, а подняться до уровня обобщения, концептуализации войны. Многие черты фронтовой лирической повести полностью сохраняются в романе, некоторые обретают иное наполнение, переходят на новый уровень.

Анализируя ранние произведения писателя, мы обращали внимание на наличие противопоставленных эпизодов лирического и драматического (трагического) характера. В романе «Горячий снег» принцип контраста становится главным структурно-семантическим принципом организации художественного мира произведения в целом. Можно выстроить определенную модель оппозиций, характерных для романа.

Так, на концептуальном уровне противопоставлены две точки зрения на военные события: точка зрения лейтенантов (главного героя произведения Кузнецова и др.) и точка зрения генералов (командарма генерала Бессонова, комиссара Веснина и др. В этом ряду и образ Сталина, точка зрения которого – при всей ее оппозиционности по отношению к мнению Бессонова относительно трагедии первых дней войны – скорее дополняет и расширяет ракурс видения командарма, чем привносит в него что-то принципиально новое).

Оппозиция двух точек зрения отражает именно концептуальные, а не идеологические разногласия (и лейтенанты, и генералы объединены общей целью – защитить Родину, победить в страшной, жестокой войне). Но лейтенант Кузнецов видит войну «изнутри», рядом с ним страдают и гибнут солдаты и офицеры, и Кузнецов переживает за них, ставших за время сражения «фронтовыми братьями», а генерал Бессонов поднимается над состраданием, так как обязан видеть не отдельного бойца

с его частной жизнью, а целостный план развития военных событий. Оба героя могут быть названы «исповедальными», но в первом случае эта исповедальность присутствует в традиционном для ранних произведениях писателя виде, во втором же она обогащается рациональным, аналитическим подходом к осмыслению событий Великой Отечественной войны, ее «штабным» видением.

В романе «Горячий снег» используется и оппозиция эпизодов лирического и драматического (трагического) характера, причем переход от одних к другим динамичен. Так, описание безмятежного утра после остановки поезда с эпизодами зарядки атлета Дроздовского, по-домашнему размеренного завтрака бойцов с шутками-прибаутками и попытками некоторых из них заинтересовать пришедшую в «гости» к первой батарее санинструктора Зою Елагину резко сменяется описанием воздушной атаки немецких самолетов:

— Что там, Евстигнеев? — окликнул Кузнецов. — Команда? И, повернувшись, увидел его задранную большую голову, в тревоге рыскающие по небу глаза, но не услышал ответа. С двух концов эшелона *забили зенитки*.

— Кажись, братцы, дождались! — крикнул кто-то, прыгая с нар. — Прилетели! — Вот тебе и паровоз! С бомбами...

В *лихорадочный лай зениток* сейчас же *врезался* приближающийся тонкий *звон*, затем спаренный *бой пулеметов* пропорол воздух над эшелонном — и в вагон из степи ворвался *крик предупреждающих голосов*: «Воздух! “Мессера”!»

В романе «Горячий снег» оппозиция лирических и трагических эпизодов носит более обобщенный, символический характер как реализация ценностной оппозиции «мир—война». В концепции изображения войны в романе «Горячий снег» воплощается характерная для русской классической литературы традиция: война показана и как трагедия, и как постоянное, даже привычное уже проявление героизма, и как тяжелый изнурительный труд.

Все вышеназванные смысловые компоненты концепта «Война» противопоставлены семантическим векторам концепта «Мир». Этот концепт включает в свой состав прежде всего воспоминания героев о прошлом (Кузнецов вспоминает о матери,

комиссар Веснин — о дочери, генерал Бессонов — о жене и — практически постоянно — о сыне). В повестях «Батальоны просят огня» и «Последние залпы» герои также вспоминали свое прошлое, но эти эпизоды носили частный характер, привносили в произведение элемент красочности, даже развлекательности. В романе «Горячий снег» воспоминания героев и обогащают характер образа-персонажа, и расширяют смысловое наполнение содержания произведения. Важной частью концепта «Мир» являются образ женщины и мотив любовного переживания. Исследователи отмечают значимость женских образов и темы любви для всего творчества писателя в целом, акцентируя наличие эволюции женских персонажей в произведениях писателя о войне. Вектор развития женских образов определяется как движение от физической чувственности к духовности: «...в художественном мире писателя любовь как физическое влечение уступает место традиционной для русской литературы любви-жалости и состраданию... Любовь на войне — протест против ненависти, разрушения, животного страха смерти, это сила добра, соединяющая людей вопреки злу войны» [Шкурят 2015: 28]. Большое место в реализации концепта «Мир» занимают и природные образы (пейзажные зарисовки, непосредственно или опосредованно включенные в текст романа (слова Зои, обращенные к Кузнецову: *А ты разве не любишь кузнециков? Когда я их слышу, становится очень легко. Представляю почему-то теплую ночь, сено в поле и такую красную луну над озером. И кузнички везде...*); в памяти читателя остается образ солдата Сергуненкова, любящего лошадей (вспомним припрятанную им для любимицы горсточку овса, слезы Сергуненкова, когда сломавшую передние ноги лошадь вынуждены пристрелить).

Для романа «Горячий снег» характерна и оппозиция образов-персонажей одного уровня (Кузнецов—Дроздовский). Оба лейтенанта обладают необходимыми знаниями, но при этом ни Кузнецов, ни Дроздовский не имеют боевого опыта. Контраст этих образов-персонажей проявляется как на внешнем, так и на внутреннем, психологическом уровнях. Для Дроздовского приоритетна формальная атрибутика образа идеального офицера (безукоризненность

обмундирования, командный голос, безупречность выполнения уставных норм, умение держать дистанцию с подчиненными). Но Дроздовский не обладает ни добротой, ни порядочностью Кузнецова, ни его способностью к самопожертвованию во имя ближнего (хотя Дроздовский, как и Кузнецов, готов умереть за Родину). Одним из самых жестоких поступков Дроздовского является его безжалостный приказ бойцу Сергуненкову уничтожить гранатой самоходку. Этот приказ обрекает солдата на верную гибель (до самоходки необходимо ползти под шквальным прицельным огнем противника). Кузнецов, уступая Дроздовскому с точки зрения внешнего, показного героизма, оказывается подлинным героем (выполняет приказы, защищает женщину, преодолевает страх, остается человеком и утверждает человечность как исключительную, но реальную силу на войне).

Для романа «Горячий снег», как и для жанра фронтовой лирической повести, характерен локальный хронотоп (доминирующая ситуация боя, небольшой временной отрезок и т. д.). Однако особенностью хронотопа романа Ю. В. Бондарева является документальность. Сюжет произведения связан с реальными историческими событиями, происходившими в ноябре 1942 г. под Сталинградом. Советская Армия смогла противостоять немецкой группе армий «Дон» под руководством генерала Манштейна, целью которой являлась помощь попавшей в окружение шестой армии под командованием генерала Паулюса (в исторических исследованиях указываются села Васильевка и Капкинка. В этих местах сражались бойцы третьей гвардейской стрелковой дивизии полковника К. А. Цаликова, а именно – 13-й гвардейский полк под командованием полковника В. Ф. Маргелова, который сдержал прорыв немцев у левого притока Дона – реки Мышкова. Подробно и обстоятельно этот эпизод описывается в книге А. М. Самсонова «Сталинградская битва», в гл. 8 «Провал наступления Манштейна» [Самсонов, Электронный ресурс]). Специфика «документального» хронотопа романа «Горячий снег» определяет и идеологическую, и этическую концепцию произведения, вносит в текст эффект зеркальности (документальное начало в описании времени и пространства позволяет читателю

воспринимать описываемые события и образы-персонажи как достоверные, а не художественно обобщенные. Это способствует остроте эмоционального переживания, силе впечатления, которое производит произведение на читателя).

Выше мы уже обращали внимание на то, что одной из характерных особенностей жанра фронтовой лирической повести являлась деталь: портретная, психологическая, пейзажная, интерьерная. В романе «Горячий снег» эта особенность сохраняется, однако специфика функционирования деталей заключается в их смысловом обобщении (символическая функция). Такая деталь, как белый цвет одежды санинструктора Зои Елагиной (*Вблизи вагона среди улыбающихся солдат стояла санинструктор батареи Зоя Елагина в котликовом белом полушубке, в аккуратных белых валенках, в белых вышитых рукавичках, не военная, вся, мнилось, празднично чистая, зимняя, пришедшая из другого, спокойного, далекого мира...*), становится символом нравственной чистоты героини. Запоминаются *плоские уши, внимательные и чуткие*, полковника Осина. Эта портретная деталь вводит в повествование мотивы подслушивания и доносительства. Осин действительно приезжает с конкретной целью морально уничтожить генерала Бессонова, сообщив ему сведения о плененном сыне, якобы перешедшем на сторону немцев (в произведении «власовская» линия очерчена пунктирно в силу невозможности поднять эту тему в военной прозе 70-х гг. XX в.). Эпизод с высыпавшимися из карманов сына Бессонова патронами также становится символическим (мальчикам-лейтенантам с их «мотыльковыми» судьбами, оказавшимся на Волховском фронте, практически не пришлось стрелять: они либо быстро погибли, либо попали в плен). Символические детали придают тексту произведения особую глубину, создают суггестивность повествования.

В романе «Горячий снег», как и в ранних произведениях писателя, используется такая особенность изображения военных событий, как кинематографичность. Однако в романе наблюдается расширение приемов реализации кинематографического принципа, который функционирует прежде всего благодаря динамике сюжета, выстраиваемого

по законам киноискусства (быстрая смена картин, монтажная композиция эпизодов, пространственные и временные смещения, ретроспективность, визуальные стратегии). Созданию кинематографического эффекта способствует и конкретность, предметность лексики в описательных конструкциях; повышенное внимание уделяется предикатам зрительного восприятия, жестам, мимике и т. д. Происходит укрупнение планов, их чередование с общим планом, дальним, средним, адресным. Все это способствует экспрессивности повествования, его сенсорности, глубине воздействия на читателя. Чередование изобразительных планов можно выделить в следующем фрагменте:

Некоторое время они стояли молча, у разных концов стола. Танковые разрывы долбили высоту, казалось, сдвигали куда-то в сторону блиндаж; ручейки земли бежали из-под накатов по стенам, шуршали на нарах, от качки под потолком «летучей мыши» потемнело, закоптилось стекло. И, уже готовый выйти из блиндажа в траншею, где были люди, раздавались команды, живые голоса, на морозный воздух после этого разговора, Веснин видел, как еле улыбались крупные губы Осина и совсем не улыбались его голубые глаза, и проговорил с отвращением к самому себе за свою резкость: — Бессонов не узнает об этом разговоре ни слова!

В романе «Горячий снег» большую роль играет и прием лингвосенсорики. Он, как и в ранних повестях, реализуется через множественность составляющих компонентов: визуальных (зрительных), аудиальных (слуховых), кинестетических (осязательных), густаторных (вкусовых), ольфакторных (обонятельных). В романе «Горячий снег» использование лингвосенсорики заметно усиливается и приобретает специфические черты. Так, уменьшается количество описываемых запахов; чаще используются слова категории состояния; цветовая палитра приглушена, нет живости, яркости красок (война перестает быть эстетическим объектом). В статье Н. С. Антоненко «Акустическая изобразительность в романе Ю. В. Бондарева “Горячий снег”» в данном аспекте рассматривается несколько фрагментов текста:

...испытывая *холодную легкость* в животе, выпрыгнул из вагона сам, в несколько прыжков достиг огромного, *отливающего синью* по

скату сугроба, с разбега упал с кем-то рядом, *затылком чувствуя пронзительно сверлящий воздух свист*.

В данном отрывке исследователь выделяет «интероцептивное чувство “холодной легкости”, состоящее из трансформированного ощущения холода. Видоизменяется в аналогичное ему экстрацептивное проявление работы слуховой сенсорной системы (свист не слышен, он чувствуется затылком)» [Антоненко 2020: 105].

В произведении широко используются комплексы визуально-аудиальных мотивов (характерные и для ранних повестей), но к ним добавляется, например, терморцепция. Так, появление лейтенанта Дроздовского, в отличие от других героев произведения, практически всегда сопровождается тишиной (аудиальная характеристика); визуально в его портрете постоянно акцентируется внимание на цвете глаз (синие, прозрачные), но уже во второй главе добавляется уточнение, деталь: **прозрачная синева глаз, в которой леденеют черные точки зрачков (леденеют — терморцепция. — Т. В.-Ш.)**. Восприятие главным героем лейтенанта Давлатяна объединяет акустический (...засмеялся **легким смехом, снова напомнившим Кузнецову нечто далекое, знакомое, солнечное, — весенний день в окнах школы, испещренную теплыми бликами листву лип**), густаторный (**Давлатян аппетитно грыз кусок снега, как кусок рафинада**) и ольфакторный (Он исчез в темноте, унося с собой этот **успокоительный, домашний запах хлеба**) аспекты. Кроме того, добавляется дигитальная составляющая (размышление-воспоминание).

Финал романа «Горячий снег», в отличие от ранних повестей писателя, носит обобщающий, концептуальный характер. Частные судьбы героев не игнорируются, не затушевываются на общем фоне одержанной победы, но и не маркируются как исключительные, а, напротив, детерминируются вовлеченностью в событие мирового по своей значимости и трагедийности масштаба, каковым является Великая Отечественная война.

Выводы. Подводя итоги, можно отметить, что ранние произведения писателя («Батальоны просят огня» и «Последние залпы») и роман «Горячий снег» имеют много общего с точки зрения лингвопоэтических

структурно-семантических особенностей. Доминирующими чертами являются особый тип дискурса героя (его исповедальный характер), локальность хронотопа, лейтмотивная оппозиция образов лирического и трагического планов, экспрессивность разнохарактерной детали, кинематографичность, лингвосенсорика, семантическая значимость финала. Ранние произведения Ю. В. Бондарева относятся к жанру фронтовой лирической повести и обладают всеми перечисленными выше особенностями. В романе «Горячий снег» эти особенности сохраняются, но видоизменяются, переходя на новый уровень обобщения: исповедальный дискурс обогащается рационально-аналитическим компонентом; хронотоп произведения, сохраняя локальность, обретает специфику документального; детали (предметные, портретные, пейзажные, интерьерные, психологические) активно используются, но при этом обобщаются до символического уровня; кинематографическое видение писателя обогащается новыми формами и приемами; система лингвосенсорики становится разветвленной и включает ранее не используемые писателем компоненты; финал произведения не абстрактен, а концептуален. Эта трансформация свидетельствует о новом этапе в творчестве Ю. В. Бондарева, характеризующемся особым концептуальным осмыслением и художественным изображением военных событий 1941–1945 гг., реализованных в жанре романа и отразивших динамику поэтических доминант в творчестве писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антоненко Н. С. Акустическая изобразительность в романе Ю. Бондарева «Горячий снег» // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург. 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Борисовна Васильева-Шальнева, кандидат филологических наук, доцент

№ 12(102). С. 104–107 [Электронный ресурс]. URL: https://research-journal.org/media/PDF/irj_issues/12-3-102.pdf#page=104 (дата обращения: 19.09.2023).

2. Идашкин Ю. В. Грани таланта: о творчестве Ю. Бондарева. М.: Художественная литература, 1983. 231 с.

3. Михайлов О. Н. Юрий Бондарев. М.: Советская Россия, 1976. 134 с.

4. Самсонов А. М. Сталинградская битва. М.: Наука, 1989. 627 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://militera.lib.ru/h/samsonov1/index.html> (дата обращения: 15.09.2023)

5. Шкурат Л. С. Художественная концепция любви в военной прозе Ю. В. Бондарева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 1, № 1. С. 23–28.

REFERENCES

1. Antonenko N. S. Acoustic imagery in Yury Bondarev's novel "The Hot Snow". *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal*. 2020;(12):104–107. (In Russ.) <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.102.12.091>.

2. Idashkin Yu. V. Talent facets: on the works of Yu. Bondarev. Moscow: Fiction, 1983. 231 p. (In Russ.)

3. Mikhailov O. N. Yury Bondarev. Moscow: Soviet Russia, 1976. 134 p. (In Russ.)

4. Samsonov A. M. Battle of Stalingrad. Moscow: Science, 1989. 627 p. [Electronic resource]. URL: <http://militera.lib.ru/h/samsonov1/index.html> (accessed: 15.09.2023). (In Russ.)

5. Shkurat L. S. The artistic concept of love in the military prose of Yu. V. Bondarev. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*. 2015;1(1):23–28. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 17.11.2023; одобрена после рецензирования 20.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 17. 11.2023; approved after reviewing 20.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-60-68>

«Я – русский солдат»: лингвостилистический анализ романа Б. Л. Васильева «В списках не значился» (к 100-летию со дня рождения)

Елена Александровна Фролова

ООО «Наш язык», г. Москва, Россия, frojlen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6326-5095>

Аннотация. В статье на основе лингвостилистического анализа рассмотрен путь становления русского солдата, защитника Родины в романе Б. Л. Васильева «В списках не значился». Актуальность выбранной темы обусловлена недостаточной изученностью лингвистических средств, их специфики в художественном творчестве писателя. Цель – выявить языковые средства разных уровней, с помощью которых автор изображает формирование личности бойца Красной армии, с первого дня войны оказавшегося на передовой. В статье используются контекстуальный и структурно-семантический анализ лексических единиц, на основе которых устанавливаются средства трансформации значений лексем, что оказывается важным для создания образа главного героя произведения. Система номинаций персонажа, их сопоставительный анализ и количественный подсчет позволяют сделать вывод о приемах, раскрывающих этапы формирования образа русского солдата. Автор статьи приходит к выводу, что следующие средства языковой выразительности помогают охарактеризовать процесс становления личности главного героя романа: повтор на разных уровнях языка (ситуативный, фразовый, лексический, морфемный); трансформация семантики лексических единиц под влиянием контекста; система номинаций главного героя произведения, частотность употребления наименований персонажа; детали, отражающие происходящие в сознании героя перемены; оппозиции, выполняющие структурно-характерологическую функцию в раскрытии образа Николая Плужникова.

Ключевые слова: Борис Львович Васильев, военная проза, «В списках не значился», Николай Плужников, равноуровневый повтор, семантическая трансформация, система номинаций, ключевая позиция, оппозиция, хронотоп, деталь

Для цитирования: Фролова Е. А. «Я – русский солдат»: лингвостилистический анализ романа Б. Л. Васильева «В списках не значился» (к 100-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 60–68. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-60-68>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

"I am a Russian soldier": linguistic and stylistic analysis of B. L. Vasilyev's novel "His Name Was Not Listed" (to the 100th anniversary of the birth)

Elena A. Frolova

Limited Liability Company "Our Language", Moscow, Russia, frojlen@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6326-5095>

Abstract. Based on linguo-stylistic analysis, the article examines the evolution of the Russian soldier and the defender of the Motherland in the novel by B. L. Vasilyev "His Name Was Not Listed". The chosen subject is relevant due to the insufficient study of linguistic means and their specific features in the writer's artistic work. The article aims to identify linguistic means of different levels with the help of which the author depicts the personality formation of a Red Army soldier who found himself on the front line from the first day of the war. The article uses contextual and structural semantic analysis of lexical units. On this basis, the means of transforming lexeme meanings are identified, which proves to be important for creating the protagonist's image in the work. The system of character names, their comparative analysis, and quantitative estimation make it possible to draw a conclusion about the devices that reveal the formation stages of the Russian soldier's image. The paper concludes that the following expressive linguistic means help to characterise the main character's personality formation process: repetition at different language levels (situational, phrasal, lexical, morphemic); contextual transformation of the semantics of lexical units; the system of names for the main character of the novel, the frequency of character names; details reflecting the changes occurring in the protagonist's mind; oppositions that perform a structural and characterological function in revealing the image of Nikolai Pluzhnikov.

Keywords: Boris Lvovich Vasilyev, military prose, "His Name Was Not Listed", Nikolai Pluzhnikov, multilevel repetition, semantic transformation, naming system, key position, opposition, chronotope, detail

For citation: Frolova E. A. "I am a Russian soldier": linguistic and stylistic analysis of B. L. Vasilyev's novel "His Name Was Not Listed" (to the 100th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(2):60–68. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-60-68>.

Введение. Литературе о Великой Отечественной войне посвящено немало научных исследований, связанных с особенностями раскрытия патриотической темы в художественных произведениях, с характеристиками образной системы, анализом нравственной проблематики. Ф. Ф. Кузнецов отмечает среди специфических черт прозы о войне многовариантность ситуаций, многопричинность конфликтов и многомерность в изображении людей и явлений [Кузнецов 1984]. Традиционно в литературе о войне выделяют четыре периода: произведения, созданные в годы Великой Отечественной (М. А. Шолохов, А. П. Платонов, К. М. Симонов, А. Т. Твардовский и др. – занимались литературным ремеслом в годы войны); «лейтенантскую прозу» (К. Воробьев, В. Курочкин, Г. Бакланов, Ю. Бондарев, В. Быков – начали писать о войне по ее окончании); литературу шестидесятников (В. Астафьев, Б. Васильев, В. Кондратьев, Е. Носов – писатели-фронтовики, поднимающие философские проблемы с позиции «маленького человека»); литературу «невоевавшего поколения» (В. Распутин, В. Ухов, Б. Екимов – писатели, родственники которых погибли на войне).

В данной статье мы остановимся на широко известном романе одного из представителей третьего периода военной прозы Бориса Львовича Васильева (1924–2013) «В списках не значился» (1974).

Военная проза Б. Л. Васильева изучена в основном с литературоведческих позиций (см. статьи и монографии А. Бочарова, Г. Бровмана, Л. Ивановой, Ф. Кузнецова, В. Карньюшина, В. Чалмаева, А. Дементьева, И. Л. Полотовской, В. Юдина и др.)¹, причем, как правило, в работах затрагиваются отдельные аспекты творчества писателя.

¹ См.: Бочаров А. Г. Литература и время: из творческого опыта прозы 60-х – 80-х гг. М.: Художественная литература, 1988. 383 с.; Бровман Г. Бой Николая Плужникова (О романе Бориса Васильева «В списках не значился...») // Литература великого подвига: Великая

Детально произведения о войне Б. Васильева (повести «А зори здесь тихие», «Встречный бой» и роман «В списках не значился») рассмотрены в диссертационном исследовании З. Е. Гуральник «Поэтика военной прозы Васильева в историко-литературном контексте 60–70-х гг.» (1990)². Автор пишет: «...специфика героики, подчеркнутая правдивость и четкость в изображении трудностей войны, экстремальность военной ситуации, сопоставление мира и войны, философия подвига... все это определяет своеобразие мира личности Васильева»³.

Цель данной статьи – на основе лингвостилистического анализа текста романа «В списках не значился» проследить путь становления главного героя произведения – Николая Плужникова, выявить языковые средства разных уровней, с помощью которых писатель изображает формирование личности бойца Красной армии, с первого дня войны оказавшегося на передовой.

В статье используются следующие **методы**: контекстуальный и структурно-семантический анализ лексических единиц, с помощью которых устанавливаются средства трансформации значений лексем, что оказывается важным для характеристики

Отечественная война в советской литературе: сб. статей. М.: Художественная литература, 1980. С. 303–308; Иванова Л. В. Современная советская проза о Великой Отечественной войне. М.: Наука, 1979. 200 с.; Дементьев А. Г. Военная проза Бориса Васильева // Статьи о советской литературе. М.: Художественная литература, 1983. С. 394–413; Полотовская И. Л. В списках значится: Васильев Б. Л. (Жизнеописание. Библиография. Сценография) // Библиография. 2005. № 2. С. 75–88; Юдин В. Если в разведку – то с ним!: о творческом пути писателя Бориса Васильева // Подъем. 1985. № 1. С. 122–125.

² Гуральник З. Е. Поэтика военной прозы Б. Васильева в историко-литературном контексте 60 – 70-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Л., 1990. 185 с.

³ Там же. С. 12.

главного героя произведения; система номинаций, их сопоставительный анализ и количественный подсчет, позволяющие сделать вывод о приемах, раскрывающих этапы формирование образа русского солдата.

Анализ. Военная проза Бориса Васильева – преемница лучших традиций «лейтенантской прозы», которая, по мнению В. А. Чалмаева, взорвала «все идиллии и миражи», – прозы «предельных ситуаций, испытывающих нравственные устои человека» [Чалмаев 1998: 39].

Как и у других писателей-фронтовиков, отличительными особенностями произведений Б. Васильева стало соединение/переплетение двух тем – темы войны и нравственных исканий человека. В борьбе за жизнь и душу героя важную роль играют *Долг, Совесть и Любовь*. Большинство «военных» произведений изображает суровые будни, в которых приходится выживать героям. Они оказываются в самых драматичных ситуациях, «когда от отчаяния спасала только вера в себя и свой народ, в страну, ее силу, которая пробуждается не вдруг и не по каждому поводу» [Ланшикин 1985: 68].

Б. Л. Васильев оказался на фронте в самом начале войны – 8 июля 1941 г. Он был свидетелем первых горьких разочарований, связанных с отступлениями и поражениями советских войск. Отсюда, как пишет В. А. Карнюшин, «и особые трагико-драматические нотки в его прозе. Война начала – время, когда романтический глянец выветривался в считанные дни. Однако Васильев не растерял его, и первые минуты горьких разочарований приобрели оттенок сентиментальности» [Карнюшин 2014: 32].

Роман «В списках не значился» впервые был опубликован в 1974 г. в журнале «Юность». Работая над текстом произведения, «автор, проверяя достоверность каждой описываемой им детали, специально ездил в Брест и собственноручно (здесь следовало бы сказать – собственноручно) замерял в крепости все расстояния, проверял, за сколько секунд-минут можно было добраться от одного пункта обороны к другому – бегом, шагом, ползком и т. д.» [Нуйкин, Электронный ресурс].

По мнению В. А. Карнюшина, одна из особенностей прозы Б. Васильева – лирический трагизм, связанный «с “мальчишеским началом” главных героев, которые

напоены героическим романтизмом поколения отцов. В них общее озорное, неумирающе-игровое начало, находящее выход в отторжении от себя царящей вокруг стихии смерти, нежелание осознавать ее власть над собой» [Карнюшин 2014: 31]. Не случайно Николай Плужников в первой части романа не может принять смерть как факт, как одну из форм человеческого бытия/небытия. Так, приехав домой и не встретив привычно (всегда!) сидевшую на солнечной стороне двора Матвеевну, недавний выпускник военного училища неприятно удивлен. Слова матери о ее смерти непонятны Коле Плужникову, потому что он *счастливый* и может *еще не думать об этом*⁴.

Мальчишеская наивность героя проявляется в первой части романа в разных деталях. Например, писатель обыгрывает семантику глагола *хрустеть* и его производных при описании нового обмундирования выпускников училища:

Почему-то именно в ночь после банкета лейтенант Плужников обнаружил, что он *хрустит*. *Хрустит* приятно, громко и мужественно. *Хрустит* свежей кожей португепи, необмятым обмундированием, сияющими сапогами. *Хрустит* весь, как новенький рубль, которого за эту особенность мальчишки тех лет запросто называли «хрустом» (здесь и далее в цитатах курсив наш. – Е. Ф.).

Пятикратный повтор однокоренных лексем в одном абзаце, включая анафорическое построение предложений, акцентирует внимание читателя на семантических трансформациях морфемы *-хруст-*. В «Толковом словаре русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова⁵ дано следующее толкование глагольной лексемы:

ХРУСТЕ'ТЬ, *у́*, *усты́шь*, *несов.* (к *прохрустеть*). Издавать хруст. *В конюшне переступали лошади, сочно хрустели травой.* Фадеев. *Снег хрустит под ногами. Печенье хрустит на зубах.*

⁴ Здесь и далее текст романа цит. по: *Васильев Б. В списках не значился: роман.* СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2022. 288 с.

⁵ Словари, энциклопедии: Толковый словарь русского языка в 4 т. [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/22/us4b9406.htm?cmd=0&istext=1> (дата обращения: 05.11.2023).

Прямое значение глагола первоначально расширяется за счет переноса на новый субъект/объект действия — рубль, а затем трансформируется из физической сферы в нравственную, выступая средством характеристики персонажа:

– Уж больно вы *хрустите*, товарищ лейтенант.

На училищном языке это означало, что лейтенант Плужников *задается*.

Далее омонимичные значения глагола синтезируются в самооценке персонажа:

– Я *хрушу*, – не без гордости сообщил он [Плужников] своему другу и соседу по койке.

Юношеский восторг от собственной значимости порой не позволяет герою реально оценить ситуацию и принять правильное решение. Наивная вера молодого лейтенанта Плужникова в невозможность близкой войны, нашедшая выражение в неоднократно повторяющейся в первой части романа фразе *у нас с Германией договор/пакт/мир о ненападении*, звучит как горькая ирония автора. Писатель постепенно вводит в текст произведения все новые и новые факты, свидетельствующие о неизбежном приближении войны, одновременно показывая изменения в реактивном поведении героя. Так, отвечая на вопросы Вали, Коля Плужников приводит множество доводов в защиту своей позиции, доказывая мысль о несокрушимости Красной армии. На вопрос пожилого капитана о поездках с хлебом, идущих в Германию, Николай не находит ответа (*Не знаю...*), герой *растерялся*. А при виде живого немца, развалившегося на стуле в ресторане, в сознании Коли Плужникова (возможно, впервые в жизни!) возникает вопрос: *почему на лице представителя угнетенного человечества не читается ничего, кроме тупого самодовольства?* Зерна сомнения в истинности идеологических установок посеяны. Однако на фоне безапелляционной веры героя в неопровержимость официальных заявлений естественное, казалось бы, непонимание Колей Плужниковым разговора евреев за соседним столиком на незнакомом языке становится еще одним звеном в характеристике его наивного восприятия сложившейся в стране ситуации.

«Одурманенный» верой в мощь и силу советских войск, герой не хочет замечать (*не видит!*) конкретных реалий настоящего: *летчикам отпуска отменили, каждую ночь за Бугом моторы ревеут...* Фраза *Что-то зреет* приобретает в контексте произведения переносный смысл, одновременно характеризуя надвигающуюся опасность и свидетельствуя о зарождении нового видения, понимания реальности молодым лейтенантом Николаем Плужниковым.

Однако неопределенное местоимение *что-то* приходит в противоречие со значением выражения, и вопрос, который задают герои романа, остается без ответа.

Только в ночном «опасном» разговоре-споре с Миррой Николай Плужников впервые получает аргументированный отпор своим убеждениям. Незаметная повариха-хромоножка не переводит, как Валя, разговор на другую тему и не соглашается, как пожилой капитан, со словами молодого лейтенанта. Явно иронизируя (каламбурная игра с глагольной формой *допущена*) над своим спутником (см. ответ Мирры на замечание Плужникова о том, что она допущена к секретной работе: – *Я к супам допущена*), героиня открывает ему глаза на реалии настоящего:

– ...Вам приятно считать других дураками? Ну, считайте себе. Но если вы хоть раз подумаете, что за кордоном не такие уж дураки, так лучше сразу бегите в лавочку и покупайте спички на всю зарплату.

Именно Мирра, привыкшая *чистить* овощи для супа (см. ниже значение 2 дефиниции глагола), становится, по воле писателя, тем человеком, который *чистит* от пыли не только одежду упавшего на ровном месте героя (значение 1), но и его сознание (значение 3) (ср. полушутливое замечание Мирры: – *Вас сначала почистить надо, выбить и выколотить*, – которое в контексте произведения приобретает двоякий смысл: необходимо освободить, *очистить* героя от наносной пыли/шелухи легковерия). Вновь происходит семантическое расширение глагола, совмещающего в своем значении внешний и внутренний параметры:

1. (св. вычистить). Удаляя грязь, пыль, ржавчину, окислы и т. п. с кого-, чего-л., делать чистым; очищать. Ч. зубы. Ч. ковер пылесосом.

Ч. щеткой платье. Ч. коня... (также: шутл.; приводить себя в порядок; прихорашиваться; о человеке).

2. (св. очистить). Приготовляя в пищу, освобождать от верхнего слоя, кожуры, чешуи и т. п. Ч. апельсины. Ч. ягоды и грибы. Ч. картошку в суп...

3. (св. очистить). Освобождать от чего-л. накопившегося, засоряющего, чуждого, вредного и т. п. Ч. квартиру... Ч. репертуар...⁶.

И не случайно именно Мирра спасает Николая Плужникова от самосуда-самоубийства, заставляя поверить в себя и в необходимость продолжать сопротивление и держать оборону крепости.

Однако в первые дни войны герой не способен взять на себя командование и самостоятельно нести ответственность за принятые решения. Он уверен, что дежурный по КПП должен объяснить ему, *куда теперь являться*; Плужников понимает, что *никакой он не командир, что все вопросы за него решает сержант либо этот смуглый пограничник...*; герой убежден, что *свои вот-вот придут, и все образуется само собой...*

Неоднократно повторяя в тексте однотипные ситуации, Б. Васильев акцентирует внимание на значимых и незначительных, на первый взгляд, бытовых мелочах, отношение персонажей к которым выполняет в тексте художественного произведения характерологическую функцию. Так, на протяжении романа постепенно меняется отношение главного героя к приказам. В первые дни войны для лейтенанта Николая Плужникова действует закон: приказы не обсуждают, приказы выполняют. Именно об этом его спор с Денищиком, который не хочет быть пешкой, но *понимать должен, для какой стратегии он тут по кирпичам ползает*. И фельдшера приказ уходить из крепости уже не касается, потому что он *сам себе пострашнее приказ отдал*. Для молодого же лейтенанта трусливое бегство *с позиции, которую было приказано держать во что бы то ни стало*, равносильно предательству. И только выполнение

приказа старшего лейтенанта – искупление вины – возвращает Николаю Плужникову право на командование:

– Проверь подвалы и поставь у выхода часового, – сказал Плужников и сам удивился, до чего просто прозвучала команда: вчера еще он не умел так разговаривать.

Отношение героя к воде также становится важным средством, с помощью которого Б. Васильев показывает перерождение неопытного Коли Плужникова в русского солдата. Если в первые дни войны, помня совет политрука беречь воду, он не смог *оторваться от фляжки и отдал ее, когда осталось на доньшке*, то, осознав ответственность за вверенных ему подопечных, Плужников сам себе отдает приказ: – *Не надо больше пить...* – и выполняет его. И позже, когда уже был потерян счет дням и ночам войны, он *мучительно хотел пить и мучительно сознавал, что на эту воду он не имеет права*, потому что она нужна раненым. Повтор наречия со значением негативно-оценочной характеристики подчеркивает тяжесть физических и нравственных страданий героя. Так детская инфантильность (*оторваться... не смог* – удовлетворение своих потребностей) сменяется умением подчиняться приказу и перерастает в способность быть в ответе за других (*не имеет права*).

Переоценка ценностей в сознании Николая Плужникова происходит постепенно. В первые часы и дни обороны Брестской крепости герой, несмотря на страх и боль, воспринимает военные действия несколько отстраненно и думает не о реалиях, а о том, как он в мирной жизни будет рассказывать о своих подвигах. Но после многочисленных боев, *постоянного голода, жажды, недосыпания и липкого трупного запаха* он привык думать *только о том, как отбить атаку, как достать воду, патроны, еду, и уже разучился вспоминать что-либо*.

Важную роль в выражении сущности и трансформации персонажа играет система номинаций. Полное имя героя – *Николай Петрович Плужников*. Личное имя *Николай* восходит к древнегреческому Νικόλαος (от νικάω – побеждать и λαός – народ) и переводится как «победитель

⁶ Толковый словарь Кузнецова [Электронный ресурс]. URL: <http://slovariki.org/tolkoviy-slovar-kuznecova/74004?ysclid=lovd553w9w196818998> (дата обращения: 05.11.2023).

народов»⁷. Отчество также имеет древнегреческое происхождение (др.-греч. Πέτρος – камень, скала) и подчеркивает твердость характера и крепость духа героя (именно таким должен быть русский солдат!). Фамилия *Плужников* этимологически связана со словами *плужник*, *плуг*, т. е. указывает на связь персонажа с землей, которую его предки возделывали, а герой Б. Васильева призван защищать.

Однако полное имя главного действующего лица романа в тексте встречается только один раз, в начале произведения, и включено в несобственно-прямую речь самого персонажа, т. е. выступает средством самолюбования героя, которого захлестнула волна приятных неожиданностей. Единичность употребления полного имени главного героя обусловлена тем, что автору важно не показать зрелого сознательного воина на передовой, а проследить путь становления русского солдата.

Значимый прием передачи взросления героя – система номинаций персонажа, претерпевающих количественные сдвиги по мере развития действия в произведении. Роман состоит из пяти частей, разбитых на главы, и эпилога. В процессе анализа романа нами были выделены следующие имена собственные: *Коля – Коля Плужников – Николай – Плужников* – и апеллятив *лейтенант*, наиболее ярко раскрывающие поведение и характер главного героя.

Частотность употребления той или иной номинации является, как правило, одним из главных показателей ее значимости в контексте произведения. Резкое количественное сокращение именованного *Коля* во второй и третьей частях романа (с 259 до 6 и 4 соответственно) и сведение его к нулю в дальнейшем – свидетельство кардинального перелома в судьбе героя. Если в начале текста перед читателем предстает «зеленый» лейтенант, мечтающий о службе на границе и плохо разбирающийся

в складывающейся в стране ситуации, то во второй части романа мы видим вдруг повзрослевшего солдата, пусть еще не командира, но человека, оказавшегося на войне, где рвутся снаряды, рушатся стены и погибает все живое. Именно поэтому на смену по-детски наивной номинации приходит фамильное именование *Плужников* (289 употреблений в ч. 2; 112 – в ч. 3; 97 – в ч. 4). Практически до конца романа фамильное имя главного персонажа остается наиболее частотным. Начиная с четвертой части, другие имена собственные исчезают из числа его номинаций, потому что происходит перерождение Николая Плужникова в русского солдата (в пятой части и эпилоге превалирует безликое и одновременно всеобъемлющее местоимение *он*) – одного из многих, известных и безымянных, павших в боях за Родину.

Своеобразной перифрастической номинацией Николая Плужникова можно считать словосочетание, вынесенное в заглавие произведения. Занимая ключевую позицию в тексте, именование-перифраза устанавливает пространственно-временную веху в жизни героя романа. Фраза «В списках не значился» неоднократно повторяется в тексте, отражая разное отношение персонажа к обозначенному в ней хронотопу. По дороге в Брестскую крепость в ночь перед войной герой *с удовольствием подумал, что и ему пока некуда спешить, потому что в списках он еще не значится*, – возникает чувство независимости, ощущение свободы. Неопределенность положения героя подчеркнута его ответом на вопрос Анны Петровны:

- Какого полка, товарищ лейтенант?
- Я в списках еще не значусь, – солидно сказал Коля. – Только что прибыл...

В заключительных строках первой части романа данное словосочетание-перифраза повторяется дважды, обозначая не только начало военных действий, но и поворот в сознании Николая Плужникова, который *в полк должен*.

Наименованием-символом главного героя выступает в тексте романа и устойчивое сочетание-номинация *Красная армия*. Два персонажа присваивают Николаю Плужникову это многозначное имя-характеристику – предатель Федорчук и Мирра.

⁷ Ср.: **Никола́й*** рус. [из греч. Nikolaos: níkaō побеждать + laos народ; лат. Nicolaus]... (Современный онлайн-словарь личных имен А. В. Суперанской [Электронный ресурс]. URL: <https://lexicography.online/onomastics/superanskaya/%D0%BD/%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B0%D0%B9?ysclid=loy0d6f2xf307998401>) (дата обращения: 05.11.2023).

В момент малодушия героя, когда тот считал долги погибшим за него, Федорчук убежден: *Кончился паренек*; и далее Мирре: *Вот она, твоя Красная армия: без памяти лежит. Все! Поражение ей!..* В данном устойчивом сочетании объединяются разные семы: во-первых, реализуется его основное значение – официальное название Вооруженных сил нашей страны в период с 1918 по 1946 г.; во-вторых, это номинация персонажа, который, как и советские войска в первые дни войны, сломлен в результате яростного натиска врага (лейтенант Плужников – один из ее бойцов). Но в устах любящей Мирры символическое имя приобретает положительную коннотацию, потому что верит девушка в силу героя и Красной армии и в их способность продолжать борьбу с врагом:

– Ты – Красная армия, – сказала она. – Ты – моя Красная армия...

...Оказывается, кто-то нуждался в нем, кому-то он был еще нужен. Нужен как защитник, как друг, как товарищ.

Повтор структурно разных лексических единиц, усиленный градационным рядом контекстуальных синонимов, содержащих семы 'связь с кем-, чем-либо', 'долг перед кем-, чем-либо', становятся средством, с помощью которого автор показывает возращение героя к жизни и борьбе.

Оппозиция *жизнь–смерть* неизбежно присутствует в любом романе о войне. У Б. Васильева она становится одним из средств создания образа русского солдата. Писатель неоднократно обращается к теме смерти на войне, утверждая, что жизнь у бойцов *единая*, а *смерть у каждого была своя*. Эта фраза заканчивает главу 1 и начинает главу 2 второй части произведения, что свидетельствует о ее особой значимости для автора (двойная ключевая позиция в тексте!). Предикаты вступают в отношения контекстуальной антонимии, стирая различия между бойцами, командирами и подчиненными, и одновременно подчеркивают значимость каждого солдата на войне. На протяжении романа Б. Васильев будет не раз показывать, как погибают его герои. Но каждый из них верил, что смерть обойдет его стороной (вспомним удивленно-восторженное восклицание Сальникова *Повезло!*). В лейтенанте Плужникове также живет *внутренняя*

убежденность, что его... невозможно, немисливо убить... он твердо верил в собственное бессмертие. Впервые столкнувшись с реально приближившейся смертельной опасностью, герой лишается сил и ощущает только *липкий, черный, лишающий рассудка страх*. Страх смерти оказывается сильнее чувства долга. Б. Васильев использует определения-эпитеты, чтобы охарактеризовать состояние героя: закрытый руками *беззащитный затылок* – свидетельство беспомощности персонажа перед врагом (на это указывает семантика эпитета и главное слово в словосочетании: герой убегает от немцев); выражение *яростно хотел жить* включает в свой состав наречие, содержащее сему 'чрезмерность в проявлении', что подчеркивает пограничное состояние персонажа. Отсюда и попытки понять причины трусости:

«Нет, я струсил не сейчас, – думал он. – Я струсил во вчерашней атаке. После нее я потерял себя, упустил из рук командование. Я думал о том, что буду рассказывать. Не о том, как буду воевать, а что буду рассказывать...»;

и странный страх перед словом *убьют*:

Он почему-то упорно избегал слова «убьют», а говорил – «умру». Словно надеялся погибнуть от простуды.

Глагольные лексемы, выражающие в языке причинно-следственные отношения (*убьют → умру*), вступают в контексте произведения в отношения антонимии, поскольку олицетворяют противостоящие сущности – войну и мир.

Однако отношение героя к смерти постепенно меняется, и «безотчетный страх» смерти покидает его, потому что, *вернувшись к себе*, Николай Плужников понимает, что защитники Брестской крепости мертвые бой ведут, *давно уж сто раз убитые немцев руками голыми* душат. К герою приходит осознание того, что «убить» и «победить» – не равнозначные понятия, *потому что человека нельзя победить, если он этого не хочет. Убить можно, а победить нельзя*. Сопоставительная синтаксическая конструкция, включающая модальные слова-антонимы, приобретает дополнительное значение противопоставления, которое распространяется на инфинитивы, преобразуя их из контекстуальных синонимов в контекстуальные антонимы.

Преодоление страха перед немцами рождает у Николая Плужникова ощущение физического роста: — *Либо я вырос, либо немцы съезжались...* Б. Васильев противопоставляет предательство беззаветному служению Родине с помощью оппозиции *верх—низ* (подземелье — свет, солнце). Так, Федорчук заваливает вход в подземелье камнями — умирающий Денишик просит вывести его ко входу, чтобы увидеть солнце. И тетя Христя, чувствуя близкую смерть, надеется умереть *там, наверху, и непременно при солнце*.

Б. Васильев рисует образ *подневольного* человека в плену. Кадровый лейтенант Красной армии Плужников отделен от советских, но уже не своих *зловещим словом «ПЛЕН»*, который превращает *вчерашних активных бойцов в тупых исполнителей, уже не мечтающих о свободе и оружии*. Писатель вводит новые оценки-характеристики для человека на войне: *пленный — подневольный — тупой исполнитель — не свой — мертвый — бывший; убитый — несдавшийся — непокоренный — человек: Человек выше смерти. Выше.*

Неразрывно связана с оппозицией *жизнь—смерть* антиномия *сиюминутное—вечное*. В конце первой части романа автор пишет: *трое молодых военных шагнули в самую короткую ночь, как в вечность; поговорка Утро вечера мудренее...* в устах старшины на контрольно-пропускном пункте Брестской крепости вступает в противоречие с грозной реальностью: *утром была война... Часы, которые Коле Плужникову настоятельно рекомендуют приобрести перед началом войны, — своеобразная материализация и символическое выражение времени в романе. Герой так и не покупает часы и, как следствие, почти на год утрачивает восприятие времени (...вчера уже прошло, а завтра снова начнется война; автор противопоставляет прошлое и будущее, опуская настоящее — время словно остановилось, потому что вокруг царит смерть) и, как бы это странно ни звучало, пространства: герой не ориентируется в Брестской крепости, ни на поверхности, ни в подземелье.*

В тексте романа возникает и функционирует своеобразная оппозиция *слепота—прозрение*. Писатель показывает разные эпизоды войны, которые влияют на постепенную утрату зрения главным героем:

...по глазам ослепительно ударила вспышка... Плужников ничком упал на землю, в ужасе щупая глаза: ему показалось, что они вытекли, потому что он сразу перестал видеть;

...открыл забитые пылью глаза;

...— Я стал плохо видеть на свету...;

...смотрел на солнце ослепшими глазами.

При этом в процессе становления Николая Плужникова как русского солдата на фоне физической слепоты происходит его нравственное прозрение. Умирающее тело укрепляет волю бойца Красной армии. Фразеологизм из тропаря *Смертию смерть поправ* приобретает в контексте романа более широкий, чем религиозный — победа духа над смертью, — смысл. Приказ старшины Семишного *Не позволяй убивать себя раньше, чем умрешь* перерастает в наказ не запятнать честь Родины. Знамя полка, принятое Николаем Плужниковым, помогает ему отказаться от своего «я» и ощутить *нечто большее: свою личность*, стать прочным и вечным звеном в единой цепи времени. Так рождается непокоренный сын непокоренной Родины... Не случаен повтор определения-характеристики: *герой не сдался, не сломлен, не отдал! Он — последняя капля крови, которой истекла непокорившаяся Брестская крепость. Герой — русский солдат — выше всех мыслимых почестей, выше славы, выше жизни и выше смерти*, потому что он остался Человеком, умер *свободным и после жизни, смертью смерть поправ*.

Выводы. Таким образом, в романе «В списках не значился» Б. Л. Васильев рисует трудный путь становления бойца Красной армии, защитника Родины. Писатель использует разные художественные приемы для передачи этапов формирования личности русского солдата. В ходе лингвостилистического анализа текста произведения были выделены следующие языковые средства, которые помогают автору воссоздать картины военных действий и поведения человека в трагический для страны период:

1) повтор на разных уровнях языка (ситуативный, фразовый, лексический, морфемный);

2) трансформация семантики лексических единиц под влиянием контекста;

3) система номинаций главного героя произведения, частотность употребления наименований персонажа;

4) детали, отражающие происходящие в сознании героя перемены;

5) оппозиции, выполняющие структурно-характерологическую функцию в раскрытии образа Николая Плужникова.

Данный анализ нельзя признать исчерпывающим, в статье затронуты только некоторые аспекты содержания и специфики языковых средств произведения. Но рассмотренные приемы использования средств выразительности свидетельствуют о высоком уровне художественного мастерства Б. Л. Васильева, который, не придерживаясь строгого документализма при восстановлении событий обороны Брестской крепости, сумел показать процесс рождения героя.

По словам самого писателя, «реально воссоздать правду о войне можно настолько, насколько возможно объять необъятное» [Васильев 1993, 21 янв.]. Однако, по определению Д. С. Мережковского, «легенда – не история, но иногда за ней высшая правда истории» [Мережковский 1915: 136].

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Б. В гостях у «Смоленских новостей» // Смоленские новости. 1993. 21 янв.
2. Карнюшин В. А. Последние залпы. Литература о войне: взгляд на «уходящую тему»: Борис Васильев, Виктор Астафьев, Василь Быков, Георгий Владимов, Олег Ермаков... М.: [б. и.], 2014. 159 с.
3. Кузнецов Ф. Ф. За все в ответе: нравственные искания в современной прозе и методология критики. 3-е изд., доп. М.: Советская Россия, 1984. 588 с.
4. Ланшиков А. П. Возраст судьбы: сб. статей. М.: Современник, 1985. 365 с.
5. Мережковский Д. С. ...Было и будет: дневник. 1910–1914. Петроград: Т-во И. Д. Сытина, 1915. 63 с.

6. Нуйкин П. Кто же он, Борис Васильев? Что и почему из его наследия не проходят в школе. 20.05.2010 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/kto-zhe-on-boris-vasilev-chto-i-pochemu-iz-ego-naslediya-ne-prokhodyat-v-shkole.html?ysclid=lol7gssf9n132935960> (дата обращения: 05.11.2023).

7. Чалмаев В. А. На войне остаться человеком. Фронтовые страницы русской прозы 60–90-х годов: в помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам. М.: Изд-во Московского ун-та, 1998. 120 с.

REFERENCES

1. Vasilyev B. As a guest of "Smolensk News". *Smolensk News* = *Smolensk News*. 1993, January 21. (In Russ.)
2. Kamyushin V. A. The final shots. Literature about the war: a look at the "passing theme": Boris Vasilyev, Viktor Astafyev, Vasil Bykov, Georgy Vladimov, Oleg Ermakov... Moscow: [s. n.], 2014. 159 p. (In Russ.)
3. Kuznetsov F. F. Responsible for everything: moral quests in contemporary prose and the methodology of criticism. 3rd ed., enlarged. Moscow: Soviet Russia, 1984. 588 p. (In Russ.)
4. Lanshchikov A. P. Age of destiny: collection of articles. Moscow: Contemporary, 1985. 365 p. (In Russ.)
5. Merezhkovsky D. S. ...Was and will be: a diary. 1910–1914. Petrograd: I. D. Sytin's Partnership, 1915. 63 p. (In Russ.)
6. Nuykin P. Who is he, Boris Vasilyev? Which of his works are not taught in school and why? [Electronic resource]. URL: <https://www.sb.by/articles/kto-zhe-on-boris-vasilev-chto-i-pochemu-iz-ego-naslediya-ne-prokhodyat-v-shkole.html> (accessed: 05.11.2023). (In Russ.)
7. Chalmaev V. A. At war, to remain a human being. Front pages of Russian prose of the 1960–90s: in assistance to teachers, high school students and applicants. Moscow: MSU Press, 1998. 120 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Елена Александровна Фролова, кандидат филологических наук, доцент, редактор

Elena A. Frolova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Editor

Статья поступила в редакцию 23.11.2023; одобрена после рецензирования 15.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 23.11.2023; approved after reviewing 15.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-69-78>

Описания в текстах В. В. Набокова: обновление приемов в соперничестве с киноязыком (к 125-летию со дня рождения)

Ольга Валерьевна Евтушенко

Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Россия,
o.evtushenko@linguanet.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5090-4329>

Аннотация. В статье обсуждаются новаторские приемы построения описаний в текстах В. В. Набокова «Камера обскура» и «Волшебник». Актуальность темы обусловлена, с одной стороны, нерешенностью проблемы выделения инвариантных признаков описания и атрибуции его периферийных форм, с другой стороны, отсутствием работ, в полном объеме раскрывающих технику создания описаний В. В. Набоковым. Исследование опирается на достижения в изучении визуальной поэтики этого автора, интерес к которой в последние годы растет. В статье использовались следующие методы: лексико-семантический, морфологический, синтаксический анализ отдельных языковых единиц, лингвостилистический анализ текста, интертекстуальный и семиотический анализ, контент-анализ, сопоставительный анализ двух текстов, отражающий динамику идиостиля В. В. Набокова. Исследование показало, что описательные фрагменты в текстах этого автора в большинстве своем не имеют четких границ, могут накладываться на повествование или чередоваться с ним, в том числе в рамках одного предложения. В статье предлагается называть такую технику «фузионным стилем». Сделан вывод о том, что одной из важных функций описаний у В. В. Набокова является воплощение мегаметафоры *пленка жизни*. Язык описаний заимствует приемы у киноязыка, в частности монтажные приемы, наложение кадров через двойную экспозицию, звукообразы. Выявлены стилистические приемы, способные иконически воплощать элементы киноязыка. К ним относятся контаминация, эллипсис, раздвижные аллюзии, двуплановые сравнения, параномазия. Делается вывод о возрастании плотности этих приемов в текстах В. В. Набокова по мере роста его мастерства. Показано, что визуальную поэтику писатель объективирует с помощью таких языковых средств, как вставные конструкции, обособленные обороты, перечислительные ряды, группы назывных предложений.

Ключевые слова: описание, визуальная поэтика, мегаметафора, контаминация, раздвижные аллюзии, многоплановость, звукообраз, параномазия, вставные конструкции

Для цитирования: *Евтушенко О. В.* Описания в текстах В. В. Набокова: обновление приемов в соперничестве с киноязыком (к 125-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 69–78. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-69-78>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Descriptions in V. V. Nabokov's texts: perfecting techniques in competition with the cinematic language (to the 125th anniversary of the birth)

Olga V. Evtushenko

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia, o.evtushenko@linguanet.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-5090-4329>

Abstract. The article discusses innovative techniques for constructing descriptions in V. V. Nabokov's texts "Camera Obscura" ("Laughter In The Night") and "The Enchanter". The relevance of the topic is due, on the one hand, to the unsettled issue of identifying invariant description features and attributing the peripheral forms of description. On the other hand, there are no works that fully reveal V. V. Nabokov's technique of creating descriptions. The research is based on advances in the study of this author's visual poetics, interest in which has been growing in recent years. The article used lexico-semantic, morphological, syntactic analysis of individual linguistic units. Moreover, linguostylistic text analysis, intertextual and semiotic analysis, content analysis were employed in conjunction with a comparative analysis of the two

texts reflecting the dynamics of V. V. Nabokov's individual style. The study has shown that descriptive fragments in the texts by this author mostly do not have clear boundaries and can overlap or alternate with the narrative even within the same sentence. The article proposes to call this technique "fusion style". It is concluded that one of the important functions of V. V. Nabokov's descriptions is the embodiment of the *film of life* mega-metaphor. The language of description borrows techniques from the cinematic language, for instance, montage techniques, double exposure through superimposition, and sound images. The research has identified stylistic devices that can iconically embody cinematic language elements. These include blending, ellipsis, extended allusions, double similes, and paronomasia. The paper concludes that the density of these techniques in V. V. Nabokov's texts increases as he gains mastery. It is shown that the writer objectifies visual poetics with the help of such linguistic means as embedded structures and absolute constructions, enumerations, groups of nominal sentences.

Keywords: description, visual poetics, mega-metaphor, blending, extended allusions, multidimensionality, sound image, paronomasia, embedded structures

For citation: Evtushenko O. V. Descriptions in V. V. Nabokov's texts: perfecting techniques in competition with the cinematic language (to the 125th anniversary of the birth). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(2):69–78. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-69-78>.

Введение. Отмечая «необычайную образную яркость» «Дара» В. В. Набокова, Ю. И. Левин [Левин 1998: 287] задается целью выявить приемы, которые ее обеспечивают. Он начинает с анализа нарратива, однако среди повествовательных фрагментов оказывается немало таких, которые имеют классические признаки описания. Мы считаем, что в незаметности переходов от повествования к описанию, в множественности таких переходов, а также в использовании зачастую предельно малых объемов описания и кроется та особая техника, которую Ю. И. Левин назвал «визуально-пластическим, зрительно-двигательным кодом» В. В. Набокова [Там же: 319]. Поставив перед собой задачу изучить этот код, выявить индивидуально-авторские приемы описания, мы столкнулись с недостроенностью теоретической базы функционально-смысловых типов речи (далее – ФСТР), о чем неоднократно писали исследователи [Булавина 2008]. Здесь же отметим, что разный подход к этой проблематике породил и дублетность терминов (композиционно-речевые формы [Борисов 2014], функционально-смысловые единицы речи [Функционально-смысловые... 2017] и др.).

Прототипические формы описания выделяются в тексте легко. С содержательной и интенциональной точки зрения это фокусирование внимания адресата на «существовании предметов и их признаков» в заданном пространстве, служащее «подробной передаче состояния действительности» [Брандес 2004: 83]. Указываются и синтаксические признаки описания:

использование предложений «с качественной или предметной ремой», в которых глаголы «не выражают активного действия» [Валгина 2003: 80]. Однако существующие динамические описания [Хандархаева 2019], передающих «одновременное (точнее, с очень маленькими временными интервалами) протекание действий в ограниченном пространстве» [Брандес 2004: 87], заставляет М. А. Булавину предложить морфологический показатель описания – несовершенный вид используемых автором глаголов [Булавина 2008]. Как выяснилось в процессе анализа прозаических текстов В. В. Набокова, соединении этих признаков в такие комбинации, которые не позволяют однозначно отнести фрагмент к тому или иному ФСТР, и свидетельствует об использовании в этом месте текста особых приемов, в совокупности формирующих неповторимый «визуально-пластический код». Стало понятно, что раскрытие этого кода позволит решить сразу две задачи – приблизиться к пониманию секретов мастерства В. В. Набокова и уточнить характеристики периферийных (переходных) форм ФСТР. Автоматический анализ заголовков научных публикаций о В. В. Набокове с целью выявления в них слов *описание, портрет, пейзаж*, обозначающих «дескриптивные фрагменты художественного текста» [Лаенко, Душкова 2020: 35], а также слова *образ* показал, что внимание исследователей привлекает к этой тематике главным образом возможность провести гипертекстовые параллели [Двинятин 2001] или разгадать функции отдельных деталей в конкретном произведении [Дроздова 2022].

В данной статье мы намерены восполнить недостаток знаний о технике построения В. В. Набоковым описаний и особенностях инкорпорирования их в текст, а также о способности каждого конкретного приема вести к приращению смысла.

Методы и материалы исследования.

В статье использованы методы лексико-семантического, морфологического, синтаксического анализа, лингвостилистический анализ текста, интертекстуальный и семиотический анализ, контент-анализ, сопоставительный анализ текстов.

В качестве материала исследования были выбраны роман В. В. Набокова «Камера обскура» (1933 г.)¹ и повесть «Вошебник» (1939 г., издана на русском языке в 1991 г.)². С одной стороны, эти тексты объединяет сюжетное сходство и явленная на лексическом и образном уровнях связь с разными видами визуального искусства. С другой — разделяющий их временной промежуток позволяет делать выводы об изменениях идиостиля писателя. На выбор материала также повлияла высокая оценка, данная Г. Барабтарло «повествовательному методу “Вошебника”», который он отнес «к числу наиболее сложных и вместе тонких в прозе Набокова» [Барабтарло 1996: 195].

Анализ. Рассмотрим фрагменты текстов В. В. Набокова, в которых формальный критерий выделения описания не отвечает смысловому (под последним мы понимаем возможность отнести фрагмент к тематическим категориям «портрет», «внешний вид», «интерьер», «пейзаж», а в случае динамического описания еще и «сценка», «зарисовка»).

Семантико-синтаксический критерий не выполняет различительной функции в тех случаях, когда глагольная рема с акциональными глаголами не позволяет однозначно отнести фрагмент к повествованию или, наоборот, именная рема не дает

возможности определить фрагмент как сто-процентное описание. Рассмотрим пример из романа «Камера обскура»:

И сейчас его тряс озноб, он ходил по кабинету и смотрел в окно, и справлялся о времени у всех часов в доме.

Несмотря на то что активные действия сменяют друг друга, сюжет не развивается. Это скорее описание течения времени и внутреннего состояния героя. Как верно замечает Л. О. Чернейко, «движение взгляда... выполняет функцию **изображения** времени» [Чернейко 2017: 66] (выделено нами. — О. Е.). Можно привести и обратный пример из романа — с именной ремой, — в нем авторская интенция сложнее, чем передача хранимого памятью образа:

...но не было на свете такой мази, от которой бы стерлось воспоминание: его большой теплый лоб, размашистое движение к двери, поворот головы, «нужно будет все-таки завтра...»

Перечислительный ряд организован так, что его можно идентифицировать и как ряд однородных членов, и как три назывных предложения. Последнее ближе к истине, поскольку автор применяет монтажные приемы, показывающие постепенное удаление героя, и за каждым членом ряда стоит самостоятельное событие: сначала жена целует его в лоб, иначе она не запомнила бы тактильного ощущения *теплый*, затем видит, как муж быстро идет к двери, потом он, по-видимому, останавливается, чтобы обернуться, и пытается что-то сказать, но не заканчивает фразу и уходит. С точки зрения жены, это картинка в памяти, т. е. динамическое описание, но, с позиций сюжета, это замаскированное автором повествование о том, как герой расстался с женой.

Данный пример, наряду с последующими, позволяет увидеть в творческих приемах В. В. Набокова больше, чем многоплановость, о которой не раз писали исследователи [Левин 1998]. Здесь уместно вспомнить деление стилей на линейный и живописный, проведенное М. М. Бахтиным в отношении использования так называемой чужой речи [Волошинов (Бахтин) 1993]. Линейный стиль проявляется в «создании отчетливых внешних контуров» [Там же: 130] между авторской речью и речью

¹ Текст романа цит. по: *Набоков В. В.* Камера обскура // *Набоков В. В.* Облако, озеро, башня: романы и рассказы. М.: Московский рабочий, 1989. С. 171–309.

² Текст повести цит. по: *Набоков В. В.* Вошебник // *Набоков В. В.* Тень русской ветки: стихотворения, проза, воспоминания. М.: ЭКСМО-Пресс, ЭКСМО-МАРКЕТ, 2000. С. 506–544.

персонажа. То же можно сказать и о границах между ФСТР. Фрагментов, где граница фразы является одновременно и границей между повествованием и описанием, в рассматриваемых текстах В. В. Набокова немного, например, в романе читаем:

Горн оделся, вышел из дорогого отельного номера и пешком направился к Кречмару. Падал мягкий, отвесный снег.

Автор использует такого рода описания как монтажные скрепы между фрагментами повествования, данными, например, с разных точек зрения — с позиций разных персонажей. Чаще можно встретить то, что М. М. Бахтин называет «живописным стилем», проявляющимся в «разложении компактности и замкнутости» [Волошинов (Бахтин) 1993: 131]. В. В. Набоков, как мы видели в примере расставания Кречмара с женой, накладывает друг на друга план повествования и план описания, и это позволяет ему придать драматизм событию, пропустив его через ощущения участника. Если с помощью живописного стиля чужой речи создается речевой портрет персонажа, не прерывая авторского монолога, то живописный стиль ФСТР — мы бы предпочли его назвать «фузионным» — позволяет в деталях передать внешнее и/или внутреннее состояние героя, не прерывая цепочки сюжетобразующих событий, а также выполняет особую семиотическую функцию, о которой речь пойдет ниже.

В. В. Набоков словно дразнит словесников, лишая их возможности применять семантико-синтаксический критерий для выявления описаний. Оформляя цепочку последовательных событий с помощью предикативных частей, имеющих акциональную ремю, он замыкает сложное синтаксическое целое концовкой с обобщающей номинацией *картина*, сразу превращающей в романе фрагмент, который мог быть принят за повествование, в описание:

Горн осторожно *пересаживался* на диван, *брал* Магду к себе на колени, она *разворачивала* газету и *читала* вслух, и Кречмар сокрушенно *кивал*, медленно *поедая* невидимые вишни, *выплевывая* в ладонь невидимые косточки. Картина получалась чрезвычайно мирная.

За этим раздвоением авторских интенций также можно усматривать наложение

двух проекций — жизни героев и движения сюжета: Горн и Магда в полную силу предаются радостям жизни, тогда как сюжет на время застыл. Этим приемом В. В. Набоков начинает активно пользоваться в конце романа «Камера обскура», чтобы передать, как течет жизнь, доступная потерявшему зрение персонажу только в звукообразах или образах памяти.

Нетрудно заметить, что в приведенном отрывке с семантико-синтаксическим критерием вступает в противоречие не только смысловой, но и морфологический показатель — все глаголы в нем несовершенного вида. Это заставляет задуматься о необходимости определять ФСТР по совокупной силе критериев.

Если обратиться к морфологическому критерию, то сам по себе он является недостаточно надежным. Данный критерий теряет значимость, если описание имеет меньший объем, чем предложение, например в повести «Волшебник»:

У дома они встретили небритого мужчину с портфелем — столь же разбитного и серого, как его жена, — так что громко вошли вчетвером.

Фрагмент начинается и заканчивается как повествование, и на это указывают глаголы совершенного вида, но его центральную, и при этом большую по объему, часть занимает описание нового персонажа. Вторичная рема, выраженная обособленным с помощью тире определением, усиливает значимость описательной части. К визуальному образу добавляется акустический — громкое звучание перебивающих друг друга четырех голосов. К тому же В. В. Набоков пропустил компонент, с которым должно сочетаться наречие *громко* и который мог бы быть выражен деепричастием несовершенного вида (*громко переговариваясь*). Такая глагольная форма носит скорее изобразительный, чем нарративный характер. В результате из-за синтагматического развертывания попеременно элементов повествования и описания создается эффект «проскачиваний и смешиваний» [Левин 1998: 312]. «Разложению замкнутости» здесь способствует речевая недостаточность, которая лишает границу между ФСТР формального выразителя.

Неудовлетворенность исследователей теорией ФСТР можно объяснить отсутствием

инвариантных определений для их типов. Не все признаки, входящие в дефиницию определения, оказываются необходимыми и достаточными. Так, критерий «существования предметов и их признаков» [Брандес 2004: 83] неприменим к предикативной части *Июль отменил облака*, которая в тексте «Волшебника» интуитивно воспринимается как описание, хотя мнимая референция здесь устанавливается не к сосуществующим реалиям, а к отсутствующим. Идентифицировать данный фрагмент как описание помогает скорее его тематическая отнесенность к пейзажам. Однако и это не позволяет ответить на вопрос, почему читатель воспринимает несамостоятельную предикативную часть как автономную картинку, а не как объяснение, по какой причине герой надел шляпу. Можно предположить, что такому осмыслению помогает предшествующий контекст повести: имея формальные признаки повествования, он включает указательную частицу *вот*, которая переносит читателя в место события и превращает в наблюдателя, а также две детали в рематической части (*скамья, парк*), мысленно объединяемые читателем в общий пространственный континуум, границы которого достраиваются последующей предикативной частью:

...вот он сел на *скамью* в городском *парке*. Июль отменил облака, и через минуту он надел шляпу, которую держал в белых тонкопальных руках.

Не последнюю роль играет и настраивание автором читателя на определенный тип речи. Приведенному фрагменту предшествует описание *Худощавый, сухогубый, со слегка лысеющей головой и внимательными глазами*. Упоминание внимательных глаз настраивает на перцептивную информацию, а следующий далее глагол *сесть* только усиливает ожидание перехода к статичной картинке (тем интереснее впоследствии сознать, что именно это движение запустило сюжет). В результате последующее интуитивное движение (*надел шляпу*) воспринимается как часть динамического описания, целостность которому придает обобщающее сравнение (и одновременно концовка сложного синтаксического целого): *Пауза паука, сердечное затишье*.

Можно констатировать, что сосуществование нескольких предметов воплощено в этом фрагменте текста повести, но их предъявление не совпадает с границами не только фраз, но и синтагм, задающих ритм его звучания. Такое оформление можно назвать синкопами, тем более что и сам В. В. Набоков пользуется этой метафорой, чтобы передать несоответствие планов восприятия картинки разными персонажами:

Мгновенно, в провале синкопы, он увидел и то, чем ей это представилось...

Чтобы дополнить теорию ФСТР, добавим, что при «фузионном стиле» не последнюю роль в отнесении синтаксически несамостоятельного фрагмента к описанию играет семантика лексических единиц, стоящих на его границах. Рассмотрим пример:

Та... устремилась прочь, то сдерживаясь, то опять раскидывая ступни, — и наконец (вероятно, справившись с хлебом) пустилась всюду, плеща освобожденными руками, *мелькая, мелькая*, смешиваясь с родственной игрой света под *лилово-зелеными деревьями*.

Фрагмент, начинавшийся как изобразительное повествование, переключается в режим описания после того, как появляется удвоенное деепричастие несовершенного вида *мелькая*, имеющее значение ‘являться, показываться на недолгое время и исчезать; появляться время от времени’³. Важнейшие семантические компоненты здесь связаны с перцепцией. На конце этого фрагмента появляется указание на соположение объекта наблюдения (девочки) с другими предметами в пространстве (*деревьями*), наделенными перцептивными признаками (цветом). Упоминание игры света — еще одной составляющей перцептивных данных — усиливает восприятие фрагмента как описания.

В. В. Набоков достаточно часто вводит или заканчивает описание однозначно указывающими на него словами — глаголами восприятия или именами существительными,

³ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic/?word=мелькать&all=x> (дата обращения: 10.10.2003).

обозначающими визуальные слепки действительности: *заметил (что?)*; *рассматривая (что?) в виде*; *Он ожидал, что увидит*; *всё расплывалось* («Волшебник»); *С необычайной ясностью он представлял себе, как; всё это было изумительной карикатурой* («Камера обскура»); *Бесценный оригинал: спящая девочка, масло* («Волшебник») и под. Такие указатели служат надежным формальным критерием выделения описания в текстах В. В. Набокова.

Интересно, что детали повести «Волшебник», формирующие головоломку, без которой не обходится ни один текст писателя и во всей полноте выявленные Г. Барабтарло, сгруппированы в повествовательных фрагментах. И это понятно: детали тесно связаны с сюжетом, они помогают увидеть за ним подтекст. Возникает вопрос: неужели описания выполняют у В. В. Набокова только изобразительную функцию и лишены подтекста? По мнению исследователей, в описательных фрагментах автор проверяет способность литературных приемов соперничать с приемами изобразительных искусств — живописи, кино, фотографии [Гришакова 2002].

Состояние героя передается через его пластику и движения, через монтажные приемы, а также резкие рваные переходы от повествования к описанию и обратно, подобные мельканию кадров, которые в итоге сливаются в целостное представление. К визуальной поэтике можно также отнести выделенную Ю. И. Левиным контаминацию — наложение кадров «через двойную экспозицию» [Левин 1981: 312]. Двуплановость такого приема обеспечивается неузальной сочетаемостью, возникающей из-за пропуска части предложения. Для придания фрагменту нормативной формы читатель должен заполнить лауну. В результате он получит два предложения вместо одного, и каждое будет вводить в свое ментальное пространство. Приведем пример из повести «Волшебник»:

...дверь ее спальни была по линейке подчеркнута остро отточенным светом.

Нарушение сочетаемости *была по линейке и отточенным светом* заставляет заполнить лауны: *Из-под двери бил свет (словно было) подчеркнута по линейке остро отточенным (карандашом).*

Ю. И. Левин указывает, что при контаминации планы накладываются без диффузии, т. е. ни одно из слов не является многозначным, уходящим своими значениями в разные пласты. Менее сложный прием, не связанный со смешиванием ментальных пространств, Ю. И. Левин называет эллипсисом, «недомонтированностью» повествования. Он тоже опознается в тексте романа по неузальной сочетаемости и требует достраивания до сложного предложения, однако кадр в этом случае отражает одно пространство: *пальмового ветерка (ветерка, который играет пальмами)* — и в повести: *в политехнические годы (в годы, когда герой учился в политехническом институте), белые шажки сиделки (шажки, которыми передвигалась сиделка в белом халате)*. Периферийный случай — *как негр седая*, т. е. *загорелая, как негр, седая старуха* («Волшебник»). Здесь привлекается не столько второе ментальное пространство, сколько образ сравнения — источник набора признаков. Сопоставление «Камеры обскуры» и «Волшебника» показывает, что по мере роста мастерства В. В. Набокова плотность таких неузальных сочетаний в тексте и степень опосредованности их компонентов растет.

«Раздвижных (telescoped) каламбуров», как их называет Д. В. Набоков [Барабтарло 2004: 195], мы в «Волшебнике» не обнаружили, зато здесь используются раздвижные аллюзии. Они представляют собой комбинацию распределенных по текстовому пространству элементов, которая указывает на прецедентный текст, причем между каждым предыдущим и последующим элементом расстояние увеличивается. Этот прием можно сравнить с наведением объектива камеры: чем больше угол поворота, тем дальше отодвигается объект. Рассмотрим пример из повести «Волшебник»:

Теперь он бродил в дрожащей нишете ноябрьской ночи, в тумане улиц...;

Как было бы просто (размышлял он, задержавшись весьма кстати у освещенной витрины аптеки), коли был бы яд под рукой... <...> надо тотчас отделаться от ненужного, досмотренного, глупейшего мира, на последней странице которого стоял одинокий фонарь с затушеванной у подножья кошкой.

Первые две детали описания, отсылающие к известному стихотворению А. А. Блока,

располагаются в соседних синтагмах, вторая и четвертая – на соседних страницах, а пропущенной третьей читателю приходится ждать до конца повести. В отсроченности образа фонаря можно заподозрить некий авторский замысел. Действительно, мир оказывается *досмотренным* и имеющим *страницы*. Эта контаминация разворачивается так: героем досмотрено кино, где повторяется *всё, как встарь*, и новизну событиям придает то, как это описано автором на страницах литературного произведения. В этом контексте фонарь ассоциируется и с волшебным фонарем, и с фонарем кинопроектора, тем более что В. В. Набоков показывает смерть героя через звукообраз закончившейся киноплёнки.

О кинематографичности «Камеры обскуры» написано много работ⁴, поэтому не будем повторяться и скажем несколько слов об образном строе повести «Волшебник». Принципиальная двуплановость этого текста заключается в том, что сюжет, как доказал Г. Барабтарло [Барабтарло 2004], имеет сказочный подтекст, а описательные фрагменты, как постараемся показать мы, представляют собой мегаметафору, т. е. метафору, пронизывающую весь текст и имеющую важное концептуальное значение. Данная метафора эксплицирована в самом конце повести – *плёнка жизни*. При этом плёнка может оказаться фотоплёнкой или киноплёнкой, а также черно-белой или цветной. На этих противопоставлениях держится структура описаний в «Волшебнике». До

появления главной героини, с которого начинается цветной фильм, жизнь героя – негатив черно-белой фотографии. Это объясняет ограниченный набор цветообозначений в начале повести: *на серой утренней улице; бледненькую, с... черными косицами; осматривал скульптурную роскошь черной церкви; статуи описаний: твердый стул, лампа, пишущая гимназистка*; а также зеркальную перестановку актантов: *черный салат, жевавший зеленого кролика* – намек на негатив, т. е. заготовку для будущей фотографии, который одновременно можно интерпретировать и как описание путающихся от волнения мыслей героя. Г. Барабтарло признается, что не может объяснить образ *брюнетки в трауре* в зачине повести, однако он вполне может быть аллегорией черно-белой фотографии: герой садится на скамейку, так что слева оказывается *брюнетка в трауре*, а справа – *белобрысая женщина*. Nickelевая монетка оказывается символической платой за вход в кинозал иной жизни. Появление героини-нимфетки предваряется фразой: *Но тут-то взрывается занавес*. И сразу же в описательных фрагментах возникают и цвет, и динамика. Лиловый цвет платья, не слишком пригодный для ребенка, выбран В. В. Набоковым, по нашему мнению, благодаря звучанию слова, которое впоследствии напомним о себе в имени *Лолита* (ср.: Магда в «Камере обскуры» носит красные платья, что, по мнению исследователей, отсылает к образу Кармен [Смирнов 2020]). Герой сравнивает себя с Гулливером, и если особа, мать девочки, – великанша, то сама девочка по отношению к герою лилипут, и это не произнесенное автором слово параномазией связано с четырежды повторенным цветообозначением *лиловый*, причем с тем же телескопическим удалением в текстовом пространстве, которое было описано выше.

В семантическую структуру описаний в повести «Волшебник» заложена оппозиция статики и динамики. Для обладания девочкой герою нужна ее застывшая оболочка, и он пытается воплотить ее в сладостях, передающих каштановый цвет волос девочки и лиловое платье (*с красивой корбочкой глазированных каштанов и фиалок в сахаре*), в драгоценном камне, тоже лиловом (*чудный неотшлифованный камешек, как бы освещенный снутри розовым огнем*

⁴ См.: Гришаклова М. Визуальная поэтика В. Набокова // Новое литературное обозрение. 2002. № 2(54). С. 10; Антошина Е. В. Мотив «ожившего портрета» в структуре сюжета романа В. В. Набокова «Камера обскуры» // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2010. № 10(86). С. 186–191; Герченова Д. В. Киномедиальность прозы В. Набокова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24, № 2. С. 113–118. <https://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-2-113-118>; Демешко В. А. «Синематографические» приемы В. В. Набокова в романе «Камера обскуры» // Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития: материалы IV Междун. научно-практич. конф., Минск, 19–20 марта 2020 г. / под ред. О. Г. Прохоренко и др. Минск: БГУ, 2020. С. 369–375.

сквозь **винную синеватость**), в живописном полотне (*темнелась платьем на охре; Бесценный оригинал: спящая девочка, масло*). Однако автор с помощью разнообразных приемов разрушает эту статику. Это может быть крупный кинематографический план с застывшим целым и динамичными деталями:

Теперь она сидела с ним рядом, держась за край сидения розоватыми, с острыми костяшками, руками, на которых *двигалась то жилка, то глубокая лунка* у запястья, между тем как сжатые плечи не *шевелились*, а *растущие зрачки* провожали чей-то *бегущий* по гравию мяч.

Или ожившая, как в волшебном фонаре, картина (примечательно, что фильм тоже называется *картиной*). Автор разбрасывает по тексту детали, отсылающие к картине Ботичелли «Весна». Это то *флорентийский очерк* щеки, то *тень листьев на лбу* (одна из аллегорических фигур на картине Ботичелли представлена с цветами в волосах), то золотая цепочка, как на одной из граций. Интересно, что цвет волос нимфетки в пространстве текста меняется: *рыжевато-русые кудри, каштановый жар, с рыжиной, коричневых кудрей, каштановый запах мягких волос, коричневых прядей*. Три грации на картине Ботичелли тоже имеют разные оттенки светлых волос: русый, рыжеватый, каштановый. Девочка предстает перед взором героя поочередно в образе одной из граций, что напоминает мелькание картинок, проецируемых волшебным фонарем. Здесь уместно указать сходство и различия героев «Камеры обскуры» и «Волшебника». В романе Кречмар прежнюю семейную жизнь представлял в образе застывшей фотографии, за что и отверг ее, а жизнь с Магдой ему виделась как полное событий кино, оставалось лишь превратить его в *фильму исключительно в рембрандтовских или гойевских тонах*, т. е. сблизить по красоте формы с живописью. Герой «Волшебника», напротив, пасует перед движущейся лентой, он уверенно чувствует себя только среди старых, статичных творений искусства, однако время нельзя повернуть вспять, даже если спрятать стрелки часов под статичный циферблат.

В описательных фрагментах В. В. Набоков отработывает языковые приемы, которые позволили бы литературе соперничать

с важнейшим из искусств, каковым было провозглашено кино. Одним из открытий киноискусства стал монтаж. Писатель не преминул о нем упомянуть в «Волшебнике» как о составляющей образа героини: *любящая... невинный монтаж киножурналов*. В качестве языковых средств монтажа В. В. Набоков использует вставные конструкции⁵, обособленные обороты, ряды однородных членов с обобщающим словом, ряды назывных предложений, развернутые сравнения. Некоторые из них уже были рассмотрены выше, так что ограничимся лишь двумя примерами. Вставные конструкции позволяют соединять общий и крупный планы в повести (*которую они застали валяющейся на кровати и глядящей в потолок — поднятые колени, обхваченные вытянутыми руками, сообца качались*), менять местами фокус и фон, помещая в них то реальность, то ее отражение: если в начале повести «Волшебник» в фокусе внимания оказывается негатив с героем и девочкой, а реальность пробивается через прорезь вставных конструкций (*колотьба в груди — «а щекотки боишься?»*), то в конце в фокусе внимания жизнь-кинолента, а *на границе зрения*, в скобках — подобное негативу отражение этой жизни в зеркале. Столь же пригодны для монтирования планов, как бы снятых с разных камер, развернутые сравнения с бессоюзно связанными предикативными частями, в которых сказуемые имеют разную форму времени и лица:

...это *было* как рывок, как варварская хватка, как мгновенная потеря равновесия: *вдруг едешь* в пыли на спине, стучаясь теменем, — к повешению на изворот.

Камера, которой управлял рассказчик, теперь наведена на него самого, нарратив монтируется с описанием.

Помимо синтаксических структур, для монтажа могут быть пригодны лексические средства. Так, паронимазия позволяет соединять зачастую далекие означаемые, но монтажный шов маскируется похожим

⁵ См.: Кулаковский М. Н. Функции вставных конструкций в поэзии и прозе В. Набокова // Верхневолжский филологический вестник. 2022. № 1(28). С. 87–95. <https://doi.org/10.20323/2499-9679-2022-1-28-87-95>.

звучанием: *спину ... песчинок; сиреневый ... сигарного* («Камера обскура»); *ножницы ног; пауза паука; с хрустом ... русских; страшно старенькие; ноги, нежности* («Волшебник»). Плотность параномазии возрастает от «Камеры обскуры» к «Волшебнику».

Победа литературы над другими видами искусства В. В. Набокову виделась не только в ее способности отображать все виды ощущений, в том числе недоступные визуальным искусствам — обонятельные (*кислой духоте увядшей кожи*), осязательные (*уже за сажень ощутимой материи*) («Волшебник»), вкусовые (*сухую, оставшуюся с утра, булочку*) («Камера обскура»), а также комбинировать разные по своей природе ощущения (*с пряничными лопатками; фиалок в сахаре*) («Волшебник»). Важна была ее способность постигать суть предмета, в то время как визуальные искусства лишь скользили по поверхности, концентрируясь на внешней оболочке, — не случайно отобразить реальную Магду удалось только литератору Зегелькранцу, фамилия которого включает намек на корону.

Выводы. Эстетический идеал, сформулированный В. В. Набоковым в начале повести «Волшебник» и представленный в образе *дрожащей звезды прекрасного*, того, что видится *сквозь тонкую оболочку, мерцает* и издает нежный *аромат*, потребовал особых форм воплощения в художественном тексте. Наилучшим образом для этого подошел «фузионный стиль» — стирание границ между описательными и повествовательными фрагментами, их наложение, взаимные включения, перетекания через границы предложения и сложного синтаксического целого. Поскольку В. В. Набокову не было чуждо включение в художественный текст терминологических единиц, он сам охарактеризовал признаки этого стиля как *синкопы* и *монтаж*. И то и другое можно усмотреть также в соотношении двух семиотических кодов — естественного языка и киноязыка, — на которые опирается автор. Значительная часть описательных фрагментов подчинена воплощению метафоры *пленка жизни*. Этому служит и их образный строй, и обнаруживаемый в них комплекс стилистических приемов, который исследователи именуют «визуальной поэтикой»: они раскрывают в художественном тексте тот потенциал, который присущ

изобразительным искусствам — живописи, фотографии, кино. Среди них есть такие, которые прежде уже упоминались филологами — многоплановость, контаминация, эллипсис. Мы добавили к ним «раздвижные» аллюзии, развернутые сравнения, параномазию. Были выявлены языковые средства, позволяющие получать в художественном тексте тот же изобразительный эффект, какой дают в киноискусстве приемы монтажа. Эффективными в этом отношении оказались вставные конструкции, обособленные обороты, перечислительные ряды, группы назывных предложений.

Неприменимость классических критериев выделения описаний ко многим фрагментам текстов В. В. Набокова свидетельствует о новаторских приемах автора, модифицирующих эти фрагменты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Барабтарло Г.* Бирюк в чепце // Звезда. 1996. № 11. С. 192–206.
2. *Борисов А. А.* Модели стилистического осмысления описания природы: композиционно-речевая форма «статическое описание» и композиционно-речевая форма «динамическое описание» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 3–1(33). С. 48–52.
3. *Брандес М. П.* Стилистика текста: теоретический курс: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Прогресс-Традиция; Инфра-М, 2004. 413 с.
4. *Булавина М. А.* К вопросу о разграничении функционально-смысловых типов речи // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2008. № 1. С. 60–66.
5. *Валгина Н. С.* Теория текста: учеб. пособие. М.: Логос, 2003. 279 с.
6. *Волошинов В. Н.* (Бахтин М. М.) Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. М.: Лабиринт, 1993. 192 с.
7. *Движанин Ф. Н.* Пять пейзажей с набоковской сиренью // Владимир Набоков: pro et contra: в 2 т. Т. 2. СПб.: РХГИ, 2001. С. 291–314.
8. *Дроздова А. О.* Мандрагора в райском саду: растительные образы в повести В. Набокова «Волшебник» // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2022. Т. 8, № 4(32). С. 60–76. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2022-8-4-60-76>.
9. *Лаенко Л. В., Душкова А. М.* Пейзажная единица художественного текста: современные подходы и перспективы исследования //

Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. № 3. С. 34–41. <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2929>.

10. Левин Ю. И. О «Даре» // Левин Ю. И. Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 287–322.

11. Смирнов И. «Книга будет смеяться»: Маяковский и Брики в «Камере обскуре» Владимира Набокова // Звезда. 2020. № 10. С. 255–273.

12. Функционально-смысловые единицы речи: типология, исходные модели и принципы развертывания / под общ. ред. К. А. Роговой. СПб.: Златоуст, 2017. 320 с.

13. Хандархаева И. Ю. К вопросу о динамическом описании // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. № 2. С. 56–62.

14. Чернейко Л. О. Как рождается смысл. Смысловая структура художественного текста и лингвистические принципы ее моделирования: учеб. пособие по спецкурсу для студентов. М.: Гнозис, 2017. 208 с.

REFERENCES

1. Barabtarlo G. A loner in a woman's cap. *Zvezda*. 1996;(11):192–206. (In Russ.)

2. Borisov A. A. Models of stylistic comprehension of nature description: composition-speech form "static description" and composition-speech form "dynamic description". *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2014;3–1(33):48–52. (In Russ.)

3. Brandes M. P. Text stylistics: theoretical course. 3rd ed., rev., enlarged. Moscow: Progress-Tradition; Infra-M, 2004. 413 p. (In Russ.)

4. Bulavina M. A. On the issue of differentiation of functional and semantic types of speech. *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' = RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 2008;(1):60–66. (In Russ.)

5. Valgina N. S. Theory of text. Moscow: Logos, 2003. 279 p. (In Russ.)

6. Voloshinov V. N. (Bakhtin M. M.) Marxism and the philosophy of language: basic problems of the sociological method in the science of language. Moscow: Labyrinth, 1993. 192 p (In Russ.)

7. Dvinyatin F. N. Five landscapes with Nabokov's lilacs. *Vladimir Nabokov: pro et contra: v 2 t. T. 2 = Vladimir Nabokov: pro et contra: in 2 vol. Vol. 2*. Saint Petersburg: RCAH, 2001. P. 291–314. (In Russ.)

8. Drozdova A. O. Mandrake in the paradise garden: plant images in V. Nabokov's story "The Enchanter". *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya. Humanitates = Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*. 2022;8(4):60–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2022-8-4-60-76>.

9. Laenho L. V., Dushkova A. M. Scenery unit of literary text: modern approaches and research perspectives. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya = Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2020;(3):34–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.17308/lic.2020.3/2929>.

10. Levin Yu. I. About "The Gift". *Levin Yu. I. Izbrannye trudy. Poetika. Semiotika = Selected Works. Poetics. Semiotics*. Moscow: Languages of Russian culture, 1998. P. 287–322. (In Russ.)

11. Smirnov I. "The book will laugh": Mayakovsky and the Briks in Vladimir Nabokov's "Camera Obscura". *Zvezda*. 2020;(10):255–273. (In Russ.)

12. Functional and semantic units of speech: typology, initial models and principles of deployment / K. A. Rogova (ed.). Saint Petersburg: Zlatoust, 2017. 320 p. (In Russ.)

13. Khandarkhaeva I. Yu. On the issue of dynamic description. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura = Bulletin of BSU. Language. Literature. Culture*. 2019;(2):56–62. (In Russ.)

14. Cherneyko L. O. How meaning is born. The semantic structure of an artistic text and linguistic principles of its modeling. Moscow: Gnosis, 2017. 208 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга Валерьевна Евтушенко, доктор филологических наук, доцент, профессор

Olga V. Evtushenko, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor

Статья поступила в редакцию 24.10.2023; одобрена после рецензирования 04.12.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 24.10.2023; approved after reviewing 04.12.2023; accepted for publication 25.12.2023.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'42.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-79-89>

«Тайная вечеря» И. С. Шмелева: образ хлеба и вина в эпосе «Солнце мертвых»

Ольга Альбертовна Димитриева

Чувашский государственный педагогический университет имени И. Я. Яковлева, г. Чебоксары, Россия, olgaal_79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

Аннотация. Статья посвящена изучению образа хлеба и вина в эпосе «Солнце мертвых» (1923) И. С. Шмелева (1873–1950). Актуальность исследования связана с изучением кулинарно-гастрономического кода, репрезентированного в произведении лексическими единицами «хлебного» ряда и вина, а также с изучением поэтики текста и определением роли в нем бытовых деталей, позволяющих проследить духовный мир героя и его окружения. Цель статьи – рассмотреть функционирование лексических единиц *хлеб* и *вино* в тексте эпоса и выявить особенности индивидуально-авторской интерпретации приведенных лексем и их производных. В работе используются лексико-семантический, контекстуальный методы и частично метод статического анализа с привлечением данных Национального корпуса русского языка. Показано, что номинации хлеба (*хлеб*, *хлебце*, *хлебешко/хлебешек*, *хлебный*) являются ключевыми в эпосе и несут аксиологическую нагрузку. Хлеб выступает формой расчета, способом и единицей измерения, наивысшей ценностью. Делается вывод о том, что хлеб оказывается центром, вокруг которого выстраиваются взаимоотношения людей, изображаются те или иные стороны проявления характера, отношение человека к животным (как к *товарищу в скорби*, а не *куску мяса*). Установлено, что «хлебные» символы (например, *кулебячка будущая*, *пряник*) могут быть способом выражения этической оценки. Отмечается также, что мотив превращения вина в кровь видоизменяет свою сакральную функцию, таинство евхаристии осуществляется в обратной последовательности: кровь становится вином. Предметный мир и мир животных часто изображаются аллегорически, раскрывая отношения между людьми.

Ключевые слова: И. С. Шмелев, кулинарно-гастрономический / пищевой код, семантика, лексика, идиостиль, лингвопоэтика

Для цитирования: Димитриева О. А. «Тайная вечеря» И. С. Шмелева: образ хлеба и вина в эпосе «Солнце мертвых» // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 79–89. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-79-89>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

I. S. Shmelyov's "Last Supper": the image of bread and wine in the epic "The Sun of the Dead"

Olga A. Dimitrieva

I. Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University, Cheboksary, Russia, olgaal_79@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2734-640X>

Abstract. The article examines the *bread* and *wine* image in the epic "The Sun of the Dead" (1923) by I. S. Shmelyov (1873–1950). The relevance of the research is connected with studying the culinary and gastronomic code represented in the work by the lexical units of the bread series and wine. The topicality is also proved by studying the poetics of the text and determining the role of everyday details in it, thus making it possible to trace the character's spiritual world and his environment. The article aims to consider how the lexical units bread and wine function in the text of the epic and to identify the specific features of the individual authorial interpretation of these lexemes and their derivatives. The research employs lexico-semantic, contextual methods and partly static analysis using data from the National Corpus of the Russian Language. It is shown that bread names (*khleb*, *khlebet*s, *khlebushko/khlebushek*, *khlebniy*) are key in the epic and carry an axiological load. Bread is a form of payment, a method and unit of measurement, the highest value. The article concludes that bread turns out to be the centre around which people's relationships are built and certain aspects of character manifestation, as well as a person's attitude towards animals (as to *a comrade in grief*, and not *a piece of meat*) are depicted. It has been established that bread symbols (for example, *future coulbiac/kulebyachka budushchaya*, *gingerbread/pryanik*) can be a way of expressing ethical evaluation. The article also highlights that the

motif of transforming wine into blood modifies its sacral function. The Eucharist sacrament is carried out in the reverse order: blood becomes wine. The objective world and the animal world are often depicted allegorically, revealing relationships between people.

Keywords: I. S. Shmelyov, culinary-gastronomic code, food code, semantics, vocabulary, individual style, linguopoetics

For citation: Dimitrieva O. A. I. S. Shmelyov's "Last Supper": the image of bread and wine in the epic "The Sun of the Dead". *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(2):79–89. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-79-89>.

Введение. Творчеству И. С. Шмелева и изучению разных аспектов поэтики его произведений посвящены многочисленные исследования¹. Эпопея «Солнце мертвых» (1923) также становится объектом пристального внимания. Особое место занимают работы, центральное положение в которых отводится заглавному, ключевому и многозначному образу — образу *солнца* (например, исследования Д. Д. Николаева [Николаев 2001: 223–224], Н. А. Николиной [Николина 2003: 192–193], Я. О. Дзыги [Дзыга 2011], О. И. Федотова [Федотов 2013], Н. Б. Бугаковой [Бугакова 2016] и др.), который соотносится с архетипическими представлениями о жизни и смерти и несет амбивалентную семантику. В эпосе «Солнце мертвых» можно увидеть аллюзии на «Божественную комедию» Данте Алигьери (путешествие главного героя по трем царствам загробного мира) [Федотов 2013: 97] и евангельские мотивы Апокалипсиса [Дзыга 2011: 93; Догнал, Цинтула 2022]; как следствие, одной из главных семантических доминант произведения становится тема смерти [Чэнь 2020]. Выделяются исследования, посвященные анализу организации пространства в эпосе: природы Крыма [Шестакова 2022], сада [Корнеев 2018], национального образа мира [Дрынкина 2023].

Одним из направлений изучения произведений И. С. Шмелева является исследование пищевого кода как культурного феномена в романах «Лето Господне» и «Богомолье» (см. [Болдырева 2016; Гилязетдинова, Багманова 2012; Поздеев 2013]). В. А. Поздеев выделяет различные функции еды: «пищевой код помогает писателю

показать духовное становление героя» [Поздеев 2013: 191], еда становится «объектом описания вешного мира», «микроридентификатором социальных групп», «системой идентификации национальных личностных ценностей» [Там же: 201]. «Пищевые ассоциации, — пишет Е. М. Болдырева о романе «Лето Господне», — оказываются, бесспорно, самыми сильными в потоке воспоминаний героя» [Болдырева 2016: 64]. Действительно, ассоциации, вызванные витальной потребностью в еде, характеризуются неоднозначностью и поликодовостью в контексте эпоса «Солнце мертвых».

Цель данного исследования — рассмотреть функционирование лексических единиц *хлеб* и *вино* в тексте эпоса и выявить особенности индивидуально-авторской интерпретации приведенных лексем и их производных.

Материалы и методы. Материалом для исследования послужила выборка примеров из эпоса «Солнце мертвых», содержащих лексемы *хлеб* и *вино*, их производные, а также слова, входящие в синонимический ряд. Основным методом исследования является метод лингвостилистического анализа, лексико-семантический, контекстуальный методы и частично метод статического анализа с привлечением корпусных данных.

Анализ. Поливалентность образа хлеба в эпосе И. С. Шмелева «Солнце мертвых». В Национальном корпусе русского языка по авторскому подкорпусу, включающему пять произведений И. С. Шмелева («Лето Господне» (1927–1944), «Богомолье» (1930–1931), «Солнце мертвых» (1923), «Неупиваемая чаша» (1918), «Человек из ресторана» (1911)), лексема *хлеб* и ее производные *хлебушек/хлебушко*, *хлебец*, *хлебный*, *хлебосольный* содержатся в 191 примере: 50 словоупотреблений в романе

¹ См. библиографию исследований в: Параскева Е. В. Система повествовательных мотивов в художественной прозе И. С. Шмелева: автореф. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Екатеринбург, 2018. 28 с.

«Лето Господне», 42 – в «Богомолье», 89 – в «Солнце мертвых». Как видно из количественных показателей, наиболее употребительным «хлебный» ряд становится в эпопее «Солнце мертвых»: слово *хлеб* используется 64 раза, библейский фразеологизм *хлеб насыщенный* встречается 8 раз (в том числе и в качестве названия главы), *хлебец* – 7 раз (причем только в форме родительного падежа *хлебца*), *хлебушко/хлебушек* – 8, *хлебный* – 2; в фонетически измененной форме *клеба* (2), *хлэб* (1) для передачи особенностей произношения в речи татарина, а также *кле-а-ба-аааа* – как способ выражения эмоциональной просьбы-плача ребенка (всего 94 раза).

Слово *хлеб* и его производные становятся ключевыми в эпопее, несущими дополнительную аксиологическую нагрузку, образуют «семантические комплексы», вокруг которых «группируются синонимичные им единицы... однокоренные слова...», репрезентирующие «семантическую доминанту текста» [Николина 2003: 187]:

Не благостная тишина эта: это мертвая тишина погоста. *Под каждой кровлей одна и одна дума – хлеба!*²

Выделенное предложение является лейтмотивом всего произведения. Повтор *одна и одна* подчеркивает непрерывность, одинаковость и одновременность происходящего для всех. Употребление существительного *хлеба* в родительном количества становится одной из постоянных доминирующих форм слова. Выражение *зарабатывать на хлеб* в контексте данного произведения является буквальным, *хлеб* – **форма расчета**, измеряемая в произведении в *фунтах* («русская мера веса, равная 409,5 г»³) (1), *золотниках* («старая русская мера веса, равная 1/96 фунта (около 4,26 г)»⁴) (2) и некоторых других «бытовых» способах деления (*четверка, кусочек, с пуговичку, с горсточку, крошки, крошечки*) (3):

(1) Он потеет, несчастный архитектор. Он работает из-за *полфунта соломенного хлеба*,

² Здесь и далее текст цит. по: Шмелев И. С. Солнце мертвых: повесть. М.: Эксмо, 2013. 224 с.

³ Словарь русского языка: в 4 т. Т. 4 / под ред. А. П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. С. 587 (МАС).

⁴ Там же. Т. 1. С. 619–620.

из-за страха; – Ходила в этих вот... в советских садах работать... – *полфунта хлеба! да ка-кого!* – *одна мякина...*; И стал Иван Михайлыч за хлебом по горам лазить, как ты по балкам. За уроки ему платили щедро: *полфунта хлеба и хорошее полено!*

(2) И вот на прошение Ивана Михайлыча – прислали ему бумагу, пенсию! *По три золотника хлеба на день!*

(3) – Хле-а-ба-аааа... са-мый-са-ааа в пуговичку-ууу... са-а-мый-са-аааа... Гремит самоварная труба. Это пониже нашего домика, соседи; – Ро-дной!.. Го-лубчик... – слезливо окает он [Иван Михайлыч], и плачут его умирающие, все выплакавшие глаза. – *Крошечки собираю... Хлебушко* в татарской пекарне режут... *крошечки* падают... вот набрал с *горсточку*, с кипяточком попью...

Около 70 % от общего числа употреблений составляет форма слова *хлеба* в родительном падеже:

1) с существительными меры *пуд, полфунта, фунт, золотник* (хлеба);

2) с глаголами *дать (давать), купить, лишать, оставить (без), отвалить, родить, служить из, хватить, швырнуть*;

3) предложно-падежное сочетание «без + существительное».

В эпопее хлеб является основным **средством обмена**, замещаая функцию денег:

(1) Да, Большая энциклопедия!.. Когда-то и я мечтал купить Большую энциклопедию! Продавали ее «в роскошном переплете»... *Купил кто-то по полфунта хлеба... за том!*

(2) Носила няня продать золотую цепочку покойного Василия Семеныча, шесть золотников. *Дали шесть фунтов хлеба...*; Спотыкается на кусты под снегом, волочит в поводу коня, бьется в мои ворота: – Ко-зыйй... Йей! *коня бери... клеба давай*, карей!.. все памирай... ой, бери... йей!

Как видно из примеров, любая вещь, будь то книги или конь, имеет свою цену, выраженную в «хлебном» эквиваленте. Деньги тоже упоминаются, для того чтобы показать их бесценность:

– Что же это теперь будет?... *Хлеб-то сегодня... двенадцать тысяч!* да и его-то нету! На базаре ни к чему не приступишься, чисто все облюте-ли!..

Хлеб является основным способом и единицей измерения:

Сколько же можно тогда купить *хлеба, простого хлеба!*... – *Пудов... сто двадцать*. – Ка-ак!.. Этого не может быть... – *Черного хлеба* можно было купить... *двести пудов*, больше. – *Двести...* пудов! Значит, если нам... по два пуда на

месяц... Значит, на... двадцать лет?! — На восемь лет, — поправляю я. — Бо-же мой! Здесь... — она прижимает ожерелье к горлу, я не вижу ее лица, — *здесь было на восемь лет жизни!.. для детей!!*

В приведенном фрагменте продолжительность жизни измеряется стоимостью хлеба, его количеством — *двести пудов* и запасом — *на восемь лет жизни*. Пуд — максимальная единица измерения веса хлеба в произведении.

Если жизнь считается высшей ценностью, то в тексте произведения происходит смена шкалы ценностей. Хлеб становится основным аксиологическим маркером, **высшей ценностью**. Ср. два фрагмента:

(1) С ним [ожерельем] я не расставалась скоро сорок лет. И вот вчера грек предложил мне за него... Ну, как вы думаете, сколько? *Три! три фунта хлеба!* — *За человека не дали бы и крошки. Спичку...* Давно нет спичек. Я высекаю по кремешку на трут, дымится, но получить огонь — мученье. — В нем восемьдесят семь камней, и в каждом больше сорока фасеток! Сколько граней! И вот — три фунта! Чудачка... Граней! А сколько граней в человеческой душе! Какие ожерелья растерты в прах... и мастера побиты...;

(2) Я даже высчитал: только в одном Крыму, за какие-нибудь три месяца! — человеческого мяса, расстрелянного без суда, без суда! — восемь тысяч вагонов, девять тысяч вагонов! Поездов триста! *Десять тысяч тонн свежего человеческого мяса, мо-ло-до-го мяса!* Сто двадцать тысяч го-лов! че-ло-ве-ческих!! У меня и количество крови высчитано, на ведра если...

Обесценивание жизни на фоне голода (*за человека не дали бы и крошки*) осмысливается через определение ценности ожерелья по количеству камней, фасеток, граней, что наводит автора на мысль о гранях человеческой души и о бесследно исчезнувших, убитых людях (*Какие ожерелья растерты в прах... и мастера побиты...*). Во втором приведенном фрагменте доктор напрямую говорит о жестокости убийств, приводя безжалостные статистические данные о количестве убитых молодых людей за три месяца, измеряемом уже в тоннах.

Выражение *хлеб насыщенный* в значении «самое важное, необходимое для существования кого-, чего-л.»⁵; «минимум пропитания, средств, необходимый

для существования»⁶ в эпосе соотносится с окружающим рассказчика миром: это и виноградник (ягоды и виноградные листья), и крокусы, и груши, и миндаль — всё, что может быть употреблено в пищу, любой источник питания:

Я подымаюсь из балки с ворохом виноградных листьев. *Хлеб насыщенный!*

В эпосе еда в целом делится на два временных периода: «до голода» — ретроспективный взгляд-воспоминание и «сейчас» — рефлексия текущего момента (в эпосе лексема *теперь*, по данным Национального корпуса русского языка, употребляется 269 раз). В прошлом существуют различия в еде, предназначенной для животных и для человека, в момент описания — в состоянии голода — различий нет. Ср.:

Ну, что же сегодня делать? Что и вчера — все то же: *нарвать виноградных листьев помоложе, мелко-мелко порезать — и суп будет*. Хорошо чесночку добавить — дает, говорят, бодрость; но чеснок весь вышел; Я даю им [курам] *пареный лист [винограда] в чашках*. Они дерутся из-за него, вытаскивают мохрами, прячут, давятся, набивают зобы. Стоят и долбят в пустые чашки.

Голод объединяет и уравнивает человека и животное, меняет отношение ко всему живому: домашняя птица, в обычных условиях выращиваемая для употребления в пищу, становится для повествователя другом по испытанию, *товарищем в скорби*, способным самостоятельно принимать решения:

Только-только подремывала она на моих руках, клевала горошек доктора, и в ясном зрачке ее смеялось золотой точкой солнце... Прощай и ты, маленькое создание, не оставившее следа! Теперь сметаются все следы, и перестало быть больно. И теперь ничего не жаль. Я беру кровавой комок в перьях. Это *не кусок мяса*: это наша *родная собеседница кроткая, молчаливый товарищ в скорби*. <...> Трещит плетень, глядит из-за плетня Яшка. — Так лучше бы мне отдали! Он прав, пожалуй. Не все ли равно теперь: земля или брюхо Яшки? *Земля — лучше, земля покоит; И я сейчас ей [курице Галочке] парю горошин.*

⁶ Толковый словарь русского языка в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Советская энциклопедия: ОГИЗ, 1935—1940 [Электронный ресурс]. URL: <http://feb-web.ru/feb/ushakov/ush-abc/default.asp> (дата обращения: 15.08.2023).

⁵ МАС. Т. 4. С. 602.

На ночь в комнаты запирали, понятно. И вот — *самоубийством покончила!* — Да что вы?! — *Отравилась*. Весь горький миндаль поела. Приготовил прожаривать, а она утром проснулась раньше меня, нашла и... в страшных конвульсиях!

Рассмотрим следующий пример:

Лихие контрабандисты... Ловят их и на перевале, и за перевалом — все ловят, у кого силы хватит. Пала и на степь смерть, впереди ничего не видно, — вином хоть отвести душу. Пробираются по ночам, запрятав вино в солому, держат бутылку наготове — заткнуть глотку, на случай. *Хлеб насущный!* Тысячи глаз голодных, тысячи рук цепких тянутся через горы за пудом хлеба... — Копали крокусы?.. Бери камушек, разбивай миндальки... — Спаа-си-бочка-а!.. ба-альшо-е спасибочко!.. *Хлеб насущный!* И вы, милые крокусы, золотые глазки, — тоже *наш хлеб насущный*.

В приведенном фрагменте трижды повторяется выражение *хлеб насущный*: два раза — это отдельное, интонационно выделенное предложение, звучащее как итог предыдущих размышлений рассказчика, как заклинание о людях, жаждущих хлеба и пытающихся добыть его. Здесь содержится и настоящий момент — вопрос говорящего (— *Копали крокусы?..*), угощение девочки, восьмилетней Ляли (*Бери камушек, разбивай миндальки...*) и ее благодарность (— *Спаа-си-бочка-а!.. ба-альшо-е спасибочко!*). В третий раз выражение становится практически идентичным источнику — молитве «Отче наш» — с притяжательным местоимением *наш*, но с измененным порядком (*И вы, милые крокусы, золотые глазки, — тоже наш хлеб насущный*). Говорящий обращается непосредственно к крокусам, выражает к ним особое отношение посредством прилагательных-эпитетов — *милые, золотые*; словообразовательных средств — диминутива *глазки*.

Широкий охват пространства в приведенном отрывке *на перевале (за перевалом) — через горы — <здесь>* сочетается с многочисленным субъектом действия *лихие контрабандисты* (наименование класса) — *тысячи глаз голодных, тысячи рук цепких — конкретный единичный субъект (<вы, ты> — диалог с девочкой)*. Автор использует прием метонимии: соматизмы и их количественные маркеры подчеркивают всеохватность и отчаяние, вовлеченность не только контрабандистов — *рук цепких*, но и тех, кто их ждет, высматривает — *глаз голодных*.

Разноплановые действия, выражаемые глаголами несовершенного вида как в ситуации повторяющегося действия *пробираются по ночам, держат наготове, тянутся*, так и обобщенного факта *копали*, конкретного единичного действия *бери, разбивай* отображают частное, происходящее в данный момент, на фоне общего, повторяющегося изо дня в день ужаса голода, относящегося лично к каждому. Повтор фразеологизма *хлеб насущный* выполняет своего рода роль скрепы, соединяющей на первый взгляд не связанные предметы, разнородные и разноплановые события и людей: контрабандистов, рассказчика, девочку Лялю, крокусы, миндаль и тысячи других глаз и рук в поисках пищи — *хлеба насущного*.

Приведем еще один отрывок:

Низко плывет по балке стервятник, завинчивает полетом. <...> Сбил его с ходу неистовый крик Лялин. Летит на дубки, за балку, притаивается в чаще. Теперь я *хорошо знаю*, как трепещут куры, *как* забиваются под шиповник, под стенки, затискиваются в кипарисы — стоят в дрожи, вытягивая и вбирая шейки, вздрагивая испуганными зрачками. *Хорошо знаю*, как люди людей боятся, — людей ли? — *как* тычутся головами в щели, *как* онемело роют себе могилы. Ястребам простится: это *их хлеб насущный*. Едим лист и дрожим перед ястребами! Крылатых стервятников пугает голосок Ляли, а тех, что убивать ходят, не испугают и глаза ребенка.

Фольклорная параллель «мир природы — мир человека», с помощью которой часто передается эмоциональное состояние человека, приобретает здесь свои особенности: мир животных (*ястребы-стервятники — куры*) является фоном для отображения сущности человека (сравниваются два типа людей: *что убивать ходят — остальные люди, тех, кого убивают*). Реализацией этой параллели становится риторическая фигура периода, состоящая из сложноподчиненных предложений с параллельным подчинением придаточных изъяснительных *хорошо знаю, как*: первая часть описывает состояние страха птицы, вызванное появлением ястреба, вторая часть повествует о том, как боятся люди людей, как пытаются от них укрыться. Возвращение в настоящий момент: — *Едим лист и дрожим перед ястребами!* — употребление глагола в 1-м лице множественного числа, во-первых, подчеркивает сопричастность

говорящего, во-вторых, ставит рассказчика, испытывающего такой же страх, как и птицы, в один с ними ряд (тем более что *едим лист* относится как к человеку, так и к курам). Возникшее равенство между *крылатыми стервятниками* и теми, кто убивать ходят, автор разрывает, указывая на существование объективной для ястреба причины убивать — это их хлеб насыщенный и одновременно имплицитно подчеркивая, что тем, кто убивать ходят, их поступки не простятся. Введение определения *крылатый* предполагает существование других, «некрылатых», стервятников, о которых повествователь и пишет в следующей главе «Что убивать ходят»:

И вот, когда я плелся по камню, и голова моя была камнем — счастье! — вырос, как из земли, на коньке *стервятник* и показал свои мелкие, как у змеи, зубы — беленькие, в черненькой головке. Крикнул весело, потряхивая локтями: — Бог труды любит! Порой и *стервятники* говорят о Боге! Вот почему я *кроюсь*: я слышу, как от *стервятника* пахнет кровью.

Намеченная зоометафора приобретает свое конкретизированное воплощение и подходящее имя *Шура-Сокол* — черненькая головка, мелкие беленькие зубы, разговор о Боге.

Текущее событие («здесь» и «сейчас») является импульсом к описанию расширенного настоящего, дающего более широкий временной и пространственный обзор событий, за которым вновь следует возвращение в связанную с большими событиями реальность и определение в ней места конкретных лиц. Так, голос Ляли, отвлекший ястреба, страх кур вызывают мысли-рассуждения о тех, кто убивать ходят, что, как следствие, соединяет два мира — частный, личный и обобщенный, классовый (*Крылатых стервятников пугает голос Ляли, а тех, кто убивать ходят, не испугают и глаза ребенка*).

Важным представляется соотношение употребления ментальных глаголов *знать* и *понимать*: *знать* — 139 (67 из них в форме 1-го лица единственного числа; 9 с отрицанием *не*); *понимать* — 35 и 13. *Знаю* звучит рефреном в эпосе, объединяя всеведущего автора, темпорально и пространственно удаленного, и повествователя, определенного во времени и пространстве.

Отметим также употребление перцептивных глаголов *вижу* — 50 (от общего количества 90), *слышу* — 25 (46), *чувствую* — 4 (7), что в среднем составляет 55% и отражает рефлексию говорящего, воспринимающего ситуацию «здесь» и «сейчас».

Прилагательные, обозначающие свойства хлеба, с одной стороны, делятся на те, которые характеризуют хлеб прошлого — *душистый, дешевый, печеный, черный, простой*; и хлеб настоящего момента, куда включаются и остальные продукты, способные насыщать, — *сладкий, цветной* (о винограде); *теплый; ячменный; соломенный, солоmistый, народный*. С другой стороны, все выражения, кроме последнего в списке — *народный хлеб*, приводятся голодающими жителями города, а данное сочетание дается представителем власти, которого рассказчик определяет как *тут с ружьем подошел*:

По тыще рублей на месяц, насмех! А хлеб-то нонче... двенадцать тысяч фу-унт! Говорить стали которые, а тут с ружьем подошел, прислушал. «Над нашей властью смеешься, старый черт?» И всякими словами! Тебе, говорит, слохнуть давно пора, а ты еще за *народным хлебом* трафишься! И всех разогнал.

В некоторых случаях для характеристики качества хлеба используется вопросительно-относительное местоимение *какой*, способное давать оценку как положительную, так и отрицательную. Ср.:

А на базар-то придешь... го-ры! И сала тебе, и барашка, и яички... и красненькие-то, и синенькие, и... А хлеб-то *какой был*, пу-ух пухом!...; Ходили слухи, что они стали слабеть от голоду — всего по четвертке хлеба да и не каждый день! *а какого хлеба...* вы сами знаете.

«Хлебные» символы в речи доктора Михаила Васильевича выступают способом выражения этической оценки текущей ситуации. Приведем два фрагмента:

(1) Ведь всякое «потрясение»-то, на высокополитическом блюде поданное, с речами, со слезой братской, бескорыстной и с «дрожью» этой самой восторженной, в подоплеке-то самой сокровенной, непременно в корешках своих на питательное доньшко упирается, на *кулебячку будущую*... и всегда обязательно кой для кого «*кулебячки*» этой и достигает!

(2) — Как будто смешно... но... У человека, у нас, у нас! дядюшки не было! Такого,

положительного, с бородой честной, с духом-то земляным, своим... с чемоданчиком-саквояжником, пусть хоть и рыженьким, потертым, в котором и книги расчетные, и *пряники с богомолья*, и крестики от преподобного... и водица святая... и *хоро-шая плетка*!

Первый фрагмент включает ряд кулинарной лексики *блюдо (поданное) – питательное доньшко – кулебячка (будущая)*. С одной стороны, предметная лексика, обладающая преимущественно дескриптивной семантикой, включается во вторичную номинацию – сферой-мишенью становится *политическое потрясение*. С другой стороны, данные предметы оказываются репрезентантами двух основных противоположных ценностных установок: говорящего, не принимающего происходящего и иронически его интерпретирующего через пищевые образы, и описываемого им человека-политика, целью которого является нажива, представленная в образе «*кулебячки*». *Речи, слеза братская, бескорыстная, «дрожь» восторженная* – визуальные «элементы» эмоциональной искренности – обесцениваются на фоне стремления к материальным благам. Говорящий привязывает их к пищевому символу – к *кулебячке*: в то же время это не просто хлеб, а более ценный продукт; форма диминутива делает оценку лично значимой.

Второй отрывок содержит изображение стилизованного *дядюшки*, включающее как внешние характеристики (*с бородой честной*), так и внутренние черты характера (*с духом-то земляным*). Интересным представляется подробное описание содержимого чемоданчика-саквояжника, *рыженького, потертого*. В перечисляемом наборе предметов обыгрывается устойчивое выражение «кнут и пряник»:

Публ. *Чередование жестких и мягких мер при обращении кем-л., ведении какой-л. политики и т. п.* <...> Ср. нем. *Zuckebrot und Peitche*⁷,

первоначально в форме *плеть и пряник*⁸. В романе расширяется состав слово-

сочетания за счет включения атрибутивов – *пряники с богомолья... и хоро-шая плетка* и ряда дополнительных артефактов: *книги расчетные, крестики от преподобного, водица святая*. Фольклорные элементы – употребление согласованных и несогласованных определений в постпозиции, диминутивы – создают портрет идеального дядюшки.

Таким образом, еда в эпопее «Солнце мертвых», в частности хлеб, становится ценностным центром, вокруг которого выстраиваются взаимоотношения людей, изображаются те или иные стороны реализации характера, показывается отношение к животным. Хлеб является формой расчета, способом и единицей измерения, наивысшей ценностью.

Образ вина-крови в эпопее И. С. Шмелева «Солнце мертвых». Как отмечает Н. И. Толстой, вино традиционно символизирует «в обрядах кровь, здоровье и жизнь». В божественной литургии таинством евхаристии *Вино* превращается в кровь Христову и является вместе с хлебом компонентом св. Причастия⁹. В эпопее «Солнце мертвых» мотив превращения вина в кровь видоизменяет свою сакральную функцию, таинство евхаристии осуществляется в обратной последовательности: кровь становится вином:

(1) Я знаю, что в виноградниках, под Кастелью, не будет винограда, что в белых домиках – пусто, а по лесистым взгорьям разметаны человеческие жизни... Знаю, что земля *напиталась кровью*, и вино выйдет *терпким и не даст радостного забытья*. Страшное вписала в себя серая стена Куш-Каи, видная недалеко. Время придет – прочтется...

(2) Куда ни взгляни – *никуда не уйдешь от крови*. Она – повсюду. *Не она ли выбирается из земли, играет по виноградникам?* Скоро закрасит все в умирающих по холмам лесах.

Первый фрагмент представляет собой период с повторяющимся *я знаю, что* (ср. с приведенным выше отрывком о стервятниках *я хорошо знаю, как*). Стена

политики, науки, религии, философии и популярной культуры. М.: ЛитРес, 2011. 3439 с.

⁹ Толстой Н. И. Вино // Славянские древности. Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 1: А–Г / под ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995. С. 373.

⁷ Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология: историко-этимологический словарь / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель, 2005. С. 308.

⁸ Душенко К. В. Большой словарь цитат и крылатых выражений: 13 300 цитат и крылатых выражений из области литературы, истории,

Куш-Каи очеловечивается: *вписала страшное*, что прочитают потомки; кровь превращается в вино, не приносящее радости. Второй отрывок также отображает переход крови в вино, но здесь кровь становится вездесущим субъектом действия: *она выбирается из земли; играет; закрасит все*.

На первый взгляд схожие метаморфозы происходят и в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита», в частности в сцене, во время которой Маргарита пьет кровь барона Майгеля из чаши-черепа Берлиоза:

В тот же момент что-то сверкнуло в руках Азazelло, что-то негромко хлопнуло как в ладоши, барон стал падать навзничь, *алая кровь брызнула у него из груди и залила крахмальную рубашку и жилет. Коровьев подставил чашу под бьющуюся струю и передал наполнившуюся чашу Воланду*. Безжизненное тело барона в это время уже было на полу... У Маргариты закружилась голова, ее шатнуло, но чаша оказалась уже у ее губ, и чьи-то голоса, а чьи — она не разобрала, шепнули в оба уха: — Не бойтесь, королева... Не бойтесь, королева, *кровь давно ушла в землю. И там, где она пролилась, уже растут виноградные гроздья* [Булгаков 1988: 267–258].

Символика виноградной лозы в Евангелии непосредственно связана с Христом:

Я емь *истинная виноградная лоза*, а Отец Мой — *виноградарь*. Всякую у Меня ветвь, не приносящую плода, Он отсекает; и всякую, приносящую плод, очищает, чтобы более принесла плода... <...> Кто не пребудет во Мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; а такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают (Евангелие от Иоанна 15:1-2, 6).

В булгаковском романе «вино для “причастия” сатаны — претворенная кровь доносчиков, предателей, подлецов» [Поздняева 2007]. И. В. Якушевич также отмечает, что вино-кровь Майгеля — это «жертва сатане» [Якушевич 2023: 55]. Но в эпосе «Солнце мертвых» жертвой становятся ни в чем не повинные, обычные жители городка, значит, прощения для правящих не будет. И доктор, и рассказчик повторяют строчки из Апокалипсиса: *...и говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Аенца...* (Откровение Иоанна 6:16) и ожидают конца мира. Ср.:

Как эти горы — святы в неведении своем. Горы, падите на нас! Холмы, покройте!; Да когда же накроет камнем?! Когда размотается

клубок?.. Скажут горам: падите на нас! Не падают.. Не пришли сроки? Прошли все сроки, а чаша еще не выпита!..

Мотив крови-вина соотносится с мотивом кровавого, хмельного пира. Как отмечает А. О. Шелемова, «два “пира” описывает Шмелёв — “пир” сытых и “пир” голодных. И оба они — “кровию поляны”» [Шелемова 2006].

Рассмотрим следующий пример:

Обманчиво хороши сады, обманчивы виноградники! Зброшены, забыты сады. Опустошены виноградники. Обезлюжены дачи. Бежали и перебиты хозяева, в землю вбиты! — и новый хозяин, недоуменный, *повыбил* стекла, *повырывал* балки... *повыпил* и *повылил* глубокие подвалы, в *кровине* поплавал, а теперь, с *праздничного похмелья*, угрюмо сидит у моря, глядит на камни. Смотрят на него горы...

Однородный глагольный ряд, обозначающий действия, которые характеризуют поступки «нового хозяина» — *повыбил* — *повырывал* — *повыпил* — *повылил*, — представлен однотипной словообразовательной моделью: к глаголу с приставкой *вы-* со значением «совершить (довести до результата) действие» [Русская грамматика 1980: 357] добавляется приставка *по-*, имеющая значение «многократного, иногда также очередного действия, распространенного на все или многие объекты или совершенное всеми или многими субъектами» [Там же: 364]. В словаре такие слова обычно даются с пометой *разговорное*. В контексте данного произведения подчеркивается «всё и многое», что совершается новой властью: практически все глаголы обладают деструктивной семантикой. Лексема *кровина* также маркирует количественный аспект. *Праздничное похмелье* — это то опустошение, которое видит «новый хозяин».

Обнажая свое эсхатологическое мироощущение, почтальон Дрозд слова *откровение*, *откровенно* (Откровение Иоанна Богослова) считает производными от слова *кровь*, выделяя в них приставку *от-*:

— Чу-де-са... — с укоризной отвечал Дрозд. — Чудеса могут быть. Если куль-ту-ра так... ниспровергает, то обязательно нужны чудеса, и будут! *От... крове-ние!* А почему — *откровение?! От... кро-ви!* Если такая кровь, обязательно будут чудеса! Прокофий чу-ет. Говорит как?..; И правильно говорит Прокофий... *от-кровенно!* *От... кро-ви.*

В эпосе можно проследить взаимодействие двух метонимических значений слова *кровь*: *кровь*₁ – ‘мастера крови’, ‘без родины – без причала’, обладающие способностью убивать *по плану и равнодушно*; *кровь*₂ – человек *крови вологодской*, принадлежащий определенному месту, испытывающий человеческие чувства:

То было другое время – другие большевики, первые. То были толпы *российской крови, захмелевшей, дикой*. Они *пили, громили и убивали под бешеную руку*. Но им могло вдруг открыться, путем неожиданным, через «пустяк», быть может, даже через одно меткое слово, что-то такое, перед чем пустяками покажутся слова, лозунги и программы, требующие неумолимо крови. Были они свирепы, могли разорвать человека в клочья, но они неспособны были душить по плану и равнодушно. На это у них не хватило бы «нервной силы» и «классовой морали». Для этого нужны были нервы и принципы «*мастеров крови*» – *людей крови не вологодской...*

Слова *кровь* и *вино* описываются не только в контексте превращения, перехода крови в вино, но и как две сосуществующие и в некотором роде взаимообусловленные сущности:

(1) А то пропылит на мухрастой запаленной лошадке *полупьяный красноармеец*, без родины – без причала, в ушахом шлыке суконом, в помятой звезде красной-тырцанальной, с *ведерным бочонком у брюха – пьяную радость* везет начальству из дальнего подвала, который еще *не весь выпит*. Так вот какая она, пустыня! Смеется солнце. Поигрывают тенями горы. Все равно перед ними: розовое ли живое тело или труп посинелый, с *выпитыми глазами – вино ли, кровь ли...* И этому верховому звездоносцу.

(2) Кричи, сколько силы в глотке! Гони ребят за город на бойни: там толстомордый матрос-резака швырнет зеленую отопку или позволит *напиться крови*, а подобрет – может *налить и в кружку*.

В первом фрагменте из ряда лексики с вакхической семантикой – *полупьяный, пьяная радость, подвал... не весь выпит* – последнее слово повторяется, но в ином, танатальном контексте *труп посинелый, с выпитыми глазами* и далее соединяются воедино – *вино ли, кровь ли*. Во втором отрывке также сосуществуют вино и кровь, вербализованные в глагольных сочетаниях *напиться крови – налить и в кружку*.

Новая философия реальной ирреальности, по словам доктора, *когда кошмары переходят в действительность*, заставляет повествователя часто использовать фольклорные образы, например образ Бабы-Яги (*Валит-катит Баба-Яга в ступе своей железной, пестом погоняет, помелом замает... помелом железным*) и артефакты (*осиновый кол, железная метла, камни на распутье*). Слово *сказка* употребляется 18 раз, *сказочка* – дважды. Помимо привычной положительной семантики (*далекий Париж, призрачный город сказки, цветочная сказка*), слово наполняется отрицательной коннотацией в оппозиции *сказка–жизнь*, соединяемой в шмелевской «*сказке-яви*»:

А раз уже наступила сказка, жизнь уже кончилась, и теперь ничего не страшно.

В поисках объяснения происходящего повествователь обращается к ирреальным силам – волшебным чарам или возможностям вина изменять сознание:

Новые творцы жизни, откуда вы?! С легкостью безоглядно расточили собранное народом русским! Осквернили гроба святых и чуждый вам прах благоверного Александра, борца за Русь, потревожили в вечном сне. Рвете самую память Руси, стираете имена-лики... Самое имя взяли, пустили по миру, безмянной, родства не помнящей. Эх, Россия! *соблазнили Тебя – какими чарами? спили каким вином?!*

Весь ужас голода представлен в главе «Хлеб с кровью». Еще в начале эпоса повествователь, используя прием забегания вперед, упоминает об ожидаемой няню страшной участи:

Ну, вот.. за коврик бархатный три фунтика всего дали ячменьку.. а завтра-то чего будем?.. Уж скорей бы! Она машет рукой, забирает палки и уходит – качается, вот-вот споткнется. Не чувствует она, что скоро у нее случится, *как будет варить кашу из пшеницы... с кровью! Или чувствует? Я теперь вспоминаю...*

В конце эпоса всё объясняется:

Всю неделю, как не своя ходила. Сказала Марина Семеновна, – не ей, – ей не сказала: – Ох, худо няньке будет, через Алексея... такое худо!.. Пришло худо: прислал Алеша *пшеницы с кровью*. *Есть-то надо, промоют и отмоют. Только всего не вымоешь...*

Кровь, не превратившаяся в вино, кровь, являющаяся душой животного – «только

плоти с душою ее, с кровью ее, не ешьте» (Быт 9:4) — не говоря о человеке, заставляет испытывать, по словам повествователя, мгновения, когда холодеет сердце. Глагольный ряд с повторяющейся частью *мыть*, заканчивающий главу, *промоют* — *отмоют* — (всего не) *вымоешь*, смена лица (от неопределенно-личного к обобщенно-личному) подчеркивают безысходность происходящего.

Выводы. Таким образом, лексические единицы «хлебного ряда», с одной стороны, показывают произошедшую в условиях голода смену ценностей, когда наивысшей точкой в шкале становится не жизнь человека, а хлеб. Хлеб — мера всех вещей: труда, товара, длительности жизни, взаимоотношений. С другой стороны, хлеб и еда в целом обнажают духовный мир человека, в котором животное занимает место *не ку-ска мяса, а товарища в скорби*, отношение к другому человеку зависит от твоего внутреннего выбора — либо это поиски *кулебячки* и лишение других последних крох, либо это возможность поделиться последним.

Предметный мир и мир животных часто становятся аллегорическими, выполняют роль изображения отношений между людьми (ср. *границы и фасетки ожерелья — границы человеческой души; куры — крылатые (некрылатые) стервятники*).

Вино и кровь соотносятся с библейским таинством евхаристии, но попорченные ценности — проливаемая повсеместно кровь — не дает причастия, а значит, и прощения. Пишет И. С. Шмелев свою «Тайную вечерю» о преломлении хлеба и вина, об изменении природы человека в голодные крымские годы, и, как говорит его главный герой: *Время придет — прочтется*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болдырева Е. М. Пищевой топос в автобиографическом романе И. С. Шмелева «Лето Господне» // Культура. Литература. Язык: материалы конференции «Чтения Ушинского». Ярославль: ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2016. С. 64–69.
2. Бугакова Н. Б. К вопросу об основных способах лексической объективации образа солнца в произведении И. С. Шмелева «Солнце мертвых» // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики. 2016. № 1. С. 123–130.

3. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита: роман. М.: Художественная литература, 1988. 384 с.

4. Гилазетдинова Г. Х., Багманова Л. Н. Репрезентация лингвокультуры «пища» в романах И. С. Шмелева «Богомолье» и «Лето Господне» // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. Т. 154, № 5. С. 151–155.

5. Дзыга Я. О. Образ солнца в творчестве И. С. Шмелева и К. Д. Бальмонта // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 2. С. 86–96.

6. Догнал Й., Цинтула И. Мотивы апокалипсиса в романе И. С. Шмелева «Солнце мертвых» // Филологический класс. 2022. Т. 27, № 1. С. 123–132. <http://doi.org/10.51762/1FK-2022-27-01-14>.

7. Корнеев А. В. Архетип сада в романе-эпосе «Солнце мертвых» Ивана Шмелева // Gaudeamus Igitur. 2018. № 3. С. 54–60.

8. Николаев Д. Д. Эпопея И. С. Шмелева «Солнце мертвых»: поэтика жанра // Венок Шмелеву. М.: Российский фонд культуры, 2001. С. 213–224.

9. Николина Н. А. Филологический анализ текста: учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 256 с.

10. Поздеев В. А. Функция еды в романе «Лето Господне» (восприятие детским сознанием) // Russische Küche und kulturelle Identität / Hrsg. v. N. Franz. Universitätsverlag Potsdam, 2013. С. 189–202.

11. Поздняева Т. Воланд и Маргарита. М.: Амфора, 2007. 446 с. [Электронный ресурс]. URL: <http://m-bulgakov.ru/publikacii/voland-i-margarita> (дата обращения: 15.08.2023).

12. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1980. 792 с.

13. Федотов О. И. Черное солнце Ивана Шмелева // Вестник Московского университета. Серия 9: Филология. 2013. № 4. С. 93–109.

14. Чэнь С. Пространство смерти в структуре романа И. С. Шмелева «Солнце мертвых» // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. 2020. Т. 30, № 5. С. 887–891. <http://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-5-887-891>.

15. Шелемова А. О. Мотив «кровавого пира» в «Слове о полку Игореве» и «Солнце мертвых» И. С. Шмелева // Первое сентября: литература. 2006. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200600115> (дата обращения: 15.08.2023).

16. Якушевич И. В. Пищевой код в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» // Русский язык в школе. 2023. Т. 84, № 3. С. 47–57. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-45-57>.

REFERENCES

1. Boldyreva E. M. Food topos in I. S. Shmelev's autobiographical novel "The Summer of the Lord". *Kul'tura. Literatura. Yazyk: materialy konferentsii "Chteniya Ushinskogo" = Culture. Literature. Language: proceedings of the conference "Ushinsky Readings"*. Yaroslavl: YSPU Press, 2016. P. 64–69. (In Russ.)

2. Bugakova N. B. To the question of the main ways of lexical objectification of the image of the sun in I. S. Shmelev's work "The Sun of the Dead". *Aktual'nye problemy germanistiki, romanistiki i rusistiki = Actual problems of Germanistics, Romanistics and Russian Studies*. 2016;(1):123–130. (In Russ.)

3. Bulgakov M. A. Master and Margarita. Moscow: Fiction, 1988. 384 p. (In Russ.)

4. Gilazetdinova G. H., Bagmanova L. N. Representation of the linguocultural theme "food" in the novels of I. S. Shmelev "Bogomolie" and "The Summer of the Lord". *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2012;154(5):151–155. (In Russ.)

5. Dzyga Ya. O. The image of the sun in the works of I. S. Shmelev and K. D. Balmont. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya gumanitarnye nauki = Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 2011;153(2):86–96. (In Russ.)

6. Dohnal, J., Cintula, I. Motifs of apocalypse in I. S. Shmelev's novel "The Sun of the Dead". *Filologicheskiy klass = Philological Class*. 2022;27(1):123–132. (In Russ.) <https://doi.org/10.51762/1FK-2022-27-01-14>.

7. Korneev A. V. Garden archetype in the novel-epic "The Sun of the Dead" by Ivan Shmelev. *Gaudeamus Igitur*. 2018;(3):54–60. (In Russ.)

8. Nikolaev D. D. I. S. Shmelev's epic "The Sun of the Dead": poetics of the genre. *Venok Shmelevu /*

red.-sost. L. A. Spiridonova, O. N. Shotova = A wreath to Shmelev / L. A. Spiridonova, O. N. Shotova (eds.). Moscow: Russian Cultural Foundation, 2001. P. 213–224. (In Russ.)

9. Nikolina N. A. Philological analysis of the text. Moscow: Academy, 2003. 256 p. (In Russ.)

10. Pozdeev V. A. The function of food in I. S. Shmelev's novel "The Summer of the Lord" (perception by children's consciousness). *Russische Küche und kulturelle Identität / Hrsg. v. N. Franz = Russian cuisine and cultural identity / N. Franz (ed.)*. Potsdam University Press, 2013. P. 189–202. (In Russ.)

11. Pozdnyayeva T. Woland and Margarita. Moscow: Amfora, 2007. 446 p. [Electronic resource]. URL: <https://m-bulgakov.ru/publikacii/voland-i-margarita> (accessed: 15.08.2023) (In Russ.)

12. Russian grammar: in 2 vols. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word formation. Morphology / N. Yu. Shvedova (ed.). Moscow: Science, 1980. 792 p. (In Russ.)

13. Fedotov O. I. Black sun of Ivan Shmelev. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya = Lomonosov Philology Journal. Series 9: Philology*. 2013;(4):93–109. (In Russ.)

14. Chen X. Space of death in the structure of the novel "The Sun of the Dead" by I. S. Shmelev. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya: Istoriya i filologiya = Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology*. 2020;30(5):887–891. (In Russ.) <https://doi.org/10.35634/2412-9534-2020-30-5-887-891>.

15. Shelemova A. O. The motif of the "blood feast" in "The Tale of Igor's Campaign" and "The Sun of the Dead" by I. S. Shmelev. *Pervoe sentyabrya: literatura = The First of September: Literature*. 2006;(1) [Electronic resource]. URL: <https://lit.lsept.ru/article.php?ID=200600115> (accessed: 15.08.2023) (In Russ.)

16. Yakushevich I. V. The food code in "The Master and Margarita" by M. A. Bulgakov. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2023;84(3):45–57. (In Russ.) <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-45-57>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга Альбертовна Димитриева, кандидат филологических наук, доцент

Olga A. Dimitrieva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 31.08.2023; одобрена после рецензирования 05.10.2023; принята к публикации 25.11.2023.

The article was submitted 31. 08.2023; approved after reviewing 05.10.2023; accepted for publication 25.11.2023.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

LINGUISTIC NOTES

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-90-96>

О темпоральности и модальности внутренних предикатов лексических значений (на материале имен лиц)

Александр Николаевич Ерёмин¹, Оксана Олеговна Петрова²

^{1,2} *Калужский государственный университет имени К. Э. Циолковского, г. Калуга, Россия*

¹ *eremin.an55@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2643-1022>*

² *poks1990@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4581-1958>*

Аннотация. В статье на материале современного русского языка рассмотрена лексическая семантика имен лиц и скрытая в этой семантике модальность «внутренних предикатов значений». Актуальность выбранной темы обусловлена недостаточной изученностью модальности внутренних предикатов имен лиц. Цель исследования состоит в выявлении и анализе темпоральной и модальной семантики внутренних предикатов лексических значений. Теоретическая значимость работы определяется результатами наблюдений, к которым приходят авторы на основе изучения семантики и модальности лексических значений имен лиц и их внутренних предикатов в современном русском языке. Авторы делают следующие выводы: 1) прямые и метонимические значения имен лиц в словарных статьях включают в семантическую структуру «внутренние предикаты» реальной модальности, хотя им в разной мере свойственна эмоционально-экспрессивная модальность; 2) метафорическим значениям свойственны имплицитные предикаты ирреальной модальности; 3) функциональные имена и релятивы содержат в семантике предикаты реальной модальности; 4) часть имен лиц включает предикаты с перфектной семантикой; 5) группа имен обозначает лицо по визуально наблюдаемому актуальному действию; 6) в семантической структуре многозначного слова разные значения могут включать предикат в разных модально-временных аспектах; 7) в семантической структуре одного значения может совмещаться перфектное значение предиката и значение настоящего узуального. Практическая значимость исследования состоит в том, что в нем сделана попытка решить вопросы правильности, сомнительности или даже ненормативности определенных типов синтаксических конструкций, в которые входят анализируемые имена лиц с той или иной модально-временной характеристикой внутреннего предиката.

Ключевые слова: темпоральность, модальность, предикат, имена лиц, лексическая семантика, модальность предиката лексического значения, виды модальности лексического значения

Для цитирования: Ерёмин А. Н., Петрова О. О. О темпоральности и модальности внутренних предикатов лексических значений (на материале имен лиц) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 90–96. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-90-96>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

On the temporality and modality of the internal predicates of lexical meanings (on the material of personal names)

Aleksandr N. Eryomin¹, Oksana O. Petrova²

^{1,2} *Kaluga State University named after K. E. Tsiolkovsky, Kaluga, Russia*

¹ *eremin.an55@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0005-2643-1022>*

² *poks1990@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4581-1958>*

Abstract. The article examines the lexical semantics of personal names and the modality of "internal predicates of meaning" hidden in this semantics on the material of the modern Russian language. The study is relevant due to the insufficient knowledge of the modality of internal predicates of personal names. The article aims to identify and analyse the temporal and modal semantics of internal predicates of lexical meanings. The theoretical significance of the research is determined by the observational results the authors arrive at while studying the semantics and modality of the lexical meanings of personal names and their internal predicates in modern Russian. The article concludes: 1) direct and metonymical meanings of personal names in dictionary entries have "internal predicates" of real modality in their semantic structure although they are characterised by emotional-expressive modality to varying degrees; 2) implicit predicates of irrealis modality are inherent in metaphorical meanings; 3) functional names and relatives contain predicates of real modality in their semantics; 4) some personal names include predicates with perfective semantics; 5) a group of names designates a person by a visually observable actual action; 6) different meanings can include a predicate in different modal-temporal aspects in the semantic structure of a polysemantic word; 7) the semantic structure of one meaning may combine the perfective meaning of the predicate and the meaning of the usual present. The practical significance of the study lies in the fact that it attempts to resolve the issues of correctness, ambiguity, or even nonstandardness of certain types of syntactic constructions. Such language structures include the analysed personal names with one or another modal-temporal characteristic of the internal predicate.

Keywords: temporality, modality, predicate, personal names, lexical semantics, modality of lexical meaning predicate, lexical meaning modality types

For citation: Eryomin A. N., Petrova O. O. On the temporality and modality of the internal predicates of lexical meanings (on the material of personal names). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(2):90–96. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-90–96>.

Введение. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что лексические значения с точки зрения выражения модальности специально почти не рассматривались, хотя отдельные наблюдения в этом направлении имеются. В данной статье приведены и проанализированы научные достижения в этой области [Wierzbicka 1969; Арутюнова 1980; Ермакова 1984]¹.

В современной отечественной и зарубежной лингвистике (структурной и когнитивной) семантическое содержание лексических значений — прямых и вторичных — представлено в виде дефиниций, которые отражают интуитивные модели осмысления значений носителем языка.

Ю. Д. Апресян отмечает: «...лексическое значение обладает определенной синтаксической структурой» [Апресян 1995: 9].

По мнению Е. В. Падучевой, «**модальность** — это понятийная категория, которая характеризует: а) отношение говорящего к содержанию высказывания или б) статус обозначенной в нем ситуации по отношению к реальному миру...»².

¹ См. также: Шмелёва Е. Я. Названия производителя действия в современном русском языке (словообразовательно-семантический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1984. 21 с.

² Падучева Е. В. Модальность // Русская корпусная грамматика. 2016 [Электронный ресурс].

Более подробно виды модальности рассматривает Т. В. Романова в монографии «Модальность. Оценка. Эмоциональность» [Романова 2008].

Для имен лиц в плане семантики и модальности предикатов лексических значений ученые отмечали следующие модально-временные аспекты: 1) вневременное значение предиката (оценочные, функциональные имена лиц, релятивы); 2) перфектное, или перфективное, значение предиката (перфектные имена); 3) актуальное значение предиката (актуальные имена) [Wierzbicka 1969; Арутюнова 1980; Ермакова 1984 и др.]³.

Рассмотрим каждую группу более детально.

1. Вневременные предикаты: а) выражающие в том числе и оценку (*пьяница, картежник, бабник*); б) называющие профессиональные действия (*спасатель, инженер, учитель*); в) обозначающие вневременное или актуальное асимметричное или симметричное отношение одного лица к другому (*отец, теща, однополчанин, соавтор, собутыльник*).

В номинативно-оценочных номинациях лиц предикат мыслится в настоящем расширенном значении, которое ряд

URL: <https://ruscorp.org.ru/> (дата обращения: 20.05.2023).

³ См. также: Шмелёва Е. Я. Указ. соч.

лингвистов называет вневременным. «Форма настоящего времени во всех индоевропейских языках употребляется и до сих пор в смысле формы, не имеющей значения времени, обозначая и то, что относится ко всякому времени» [Кудрявский 1912: 104].

ПОДЛЕ'Ц, -а. Подлый человек, негодяй. — *Подлецу руки не подал;*

ПЬЯ'НИЦА, -ы, м. и ж. Человек, к-рый пьянствует, алкоголик.

— *Я невольно вспомнил об одной московской барыне, которая утверждала, что Байрон был больше ничего, как пьяница* (М. Лермонтов. Герой нашего времени)⁴.

Функциональные имена лиц также включают предикат в настоящем расширенном значении, однако они лишены субъективной оценки.

ПРОКУРО'Р, -а, м. 1. Должностное лицо органов прокуратуры. Районный п. 2. Государственный обвинитель на суде.

— *Прокурор был симпатия, он не строил из себя Вышинского и не показывал, что он какого-то другого, высшего, угэбэвского круга.* (Ю. Домбровский. Факультет ненужных вещей);

— *Товарищ прокурора сказал моему подзащитному, что он отклонился от ответа — признает ли он себя хоть в какой-либо мере виновным.* (В. Гроссман. Все течет).

2. Предикаты с перфектным значением обозначают лицо по действию, совершенному им в прошлом, но сохраняющие свою значимость для именованного лица в настоящем (*убийца, спаситель, избавитель*).

ВИЗИТЁР, -а, м. (книжн. и офиц.). Тот, кто пришел с визитом, тот, кто посещает кого-н., обычно официально.

— *Выпив третью стопку коньяку, который на Аззелло не производил никакого действия, визитёр заговорил так: — А уютный подвальчик, черт меня возьми!* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

3. Предикаты актуального действия (*всадник, путник, прохожий*).

Предикаты с актуальной грамматической семантикой представлены небольшим

числом слов субстантивного типа склонения, чаще это субстантиваты: *жнущий, говорящий, кричащий*.

ПРОХО'ЖИЙ, -его, м. Незнакомый человек, идущий по улице, дороге. *Случайные прохожие*.

В качестве теоретической базы использовались наблюдения Н. Д. Арутюновой, связанные с определениями, относящимися к субстантивному метонимическому значению. По мнению ученого, они ориентированы на исходный для метонимического значения денотат: *Старый тулуп* крикнул... [Арутюнова 1999: 350]. Это свидетельствует о том, что метонимические значения представляют действительность в плане реальной модальности.

Прилагательное в сочетании с метафорическим именем лица ориентировано на денотат, обозначаемый метафорой (ср. фрагмент словарной статьи **ГРИБ** из словаря Н. Ю. Шведовой: «*Старый гриб* (также перен.: о старом и обрзгшем человеке; прост, пренебр.)». Метафора — это всегда ирреальная модальность.

В ходе анализа привлекались также материалы Дж. Лакоффа «об идеальных когнитивных моделях», уточняющих представления об «объективном» отражении мира номинативными лексическими значениями [Лакофф 2004: 99–111]; смежные работы по когнитивной лингвистике и семасиологии, словообразованию и видам мотивации, изданные в последние годы: [Бабушкин, Стернин: 2018; Попова, Рацибурская, Гугунава 2022]⁵.

Методы исследования: описательный, сопоставительный, метод компонентного анализа, структурный. Модально-временные аспекты семантики внутренних предикатов лексических значений описываются на основе сопоставления друг с другом, с учетом компонентов лексического значения, семантической структуры слова и предложения в целом.

Анализ. Наблюдения авторов статьи в качестве предварительного основания

⁴ Здесь и далее, если нет специального указания, словарные дефиниции даны по: Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. 1175 с.

⁵ См. также: Гусева С. С. Номинативная парадигма единиц, обозначающих лица, и ее функционирование в тексте (на примере текстов А. П. Чехова): дис. ... канд. филол. наук. М., 2017. 174 с.

к сделанным в работе выводам дополнены моделями толкования лексических значений.

Дефиниции могут построены:

а) по объяснительному принципу: род – вид – коннотации (если есть);

б) с опорой на синонимы и квазисинонимы;

в) в форме отсылки к мотиватору;

г) в виде комбинированного толкования (например, объяснительное толкование дополняется синонимом и реже антонимом);

д) дефиниция мыслится в виде отсылки к семантическому мотиватору (для вторичных значений) или в качестве имплицитного показателя субъективной интерпретации действительности ‘как если бы’ (для метафоры).

Лексические значения включают один, два, иногда больше внутренних предикатов (это предикаты дефиниций значений, которые отражают интуитивные модели осмысления их носителем языка). Они могут быть формально представленными (отраженными лексикографически) или имплицитными:

ПЛУТ. 1. Хитрый и ловкий обманщик, мошенник. 2. Человек, к-рый любит хитрить, лукавить (разг.).

Слово *кошатница* в словаре определяется как ‘любительница кошек’. Надо добавить в толкование ‘и, как правило, содержащая кошку или кошек’.

Имена лиц в плане модальности могут быть рассмотрены в двух аспектах: 1) нейтральный ↔ эмоционально-экспрессивный модус: *учительница – училка*; 2) отношение содержания имени к действительности: модус реальности ↔ модус ирреальности: *спаситель, спасатель – звезда* ‘оценочно о человеке’.

Возвращаясь к модальности внутренних предикатов имен лиц, отметим следующее:

1. Оценочные (точнее, номинативно-оценочные) имена лиц могут использоваться в качестве бранных или квазибранных слов. В такой ситуации номинация с предикатом в настоящем расширенном значении может прилагаться к лицу по его актуальному состоянию или действию:

Воротился ночью мельник...
Жёнка, что за сапоги?
Ах, ты пьяница, бездельник,

Где ты видишь сапоги?
Иль мутит тебя лукавый?
Это вёдра. — Вёдра, право?
Ни во сне, ни наяву
Не видал до этих пор
я на вёдрах медных шпор.

(А. Пушкин. Воротился ночью мельник...);
– Ты не обидишься? Я тебе все расскажу... обязательно. — Иди спать! — сказала она, махнув рукой. Потом поцеловала меня и добавила: — Зубы почисть, *пьяница!* На следующий день я отправился к Ольгиной тетке. Я знал, что сказать ей при входе, но в остальном у меня не было никакого предварительного плана.
(В. Белоусова. Второй выстрел).

В разных дискурсах так называемые оценочные имена могут вести себя по-разному:

А. В дискурсе врача: *Он алкоголик* – таксономический предикат.

Б. В дискурсе бранящейся жены: — *Ульяна Андревна, скажите еще раз, кто это такой? — Господи, да я ж Вам говорила, товарищ лейтенант, муж мой — Иван Васильевич Бунша. Теперь тебя вылетят, алкоголика!* (М. Булгаков. Иван Васильевич меняет профессию) – оценочный предикат.

2. Актуальные имена лиц могут быть представлены номинациями, в структуре которых предикат может быть выражен как эксплицитно, так и имплицитно (*прохожий, лыжник*).

Интересно, что часть актуальных имен лиц, предикат которых называет действия именуемого, воспринимаются говорящим как событие, происходящее в поле его зрения: *всадник* сидит на коне, *велосипедист* едет на велосипеде.

3. Имена лиц с исходным причастием-мотиватором могут быть как актуальными, так и функциональными именами лиц:

Смотрящий сладострастно на кого-либо совершает прелюбодеяние в тайне души своей (Епископ Игнатий. Отечник);

«*Смотрящий*» — это Катя взяла опять же из лагерного фольклора («*смотрящий*» зоны, «*смотрящий*» отряда), но я слышала, что таких людей называют еще «держателями» (Е. Пищикова. Пятиэтажная Россия).

4. Номинации с перфектным предикатом реализуют два варианта:

А. Имя называет **результативное действие**, которое произвел сам именуемый:

Узнай, Руслан: твой *оскорбитель*
Волшебник страшный Черномор,
Красавиц давний *похититель*,
Полнощных обладатель гор.

(А. Пушкин. Руслан и Людмила).

Б. Имя называет **актуальное результативное состояние** лица, обусловленное внешним воздействием, произведенным другим субъектом (лицом, животным, болезнью). В структуре значений этих слов именуемый является объектом, информация о лице обозначена глаголом-мотиватором, повествующим о прошлом событии: *укушенный* — укусили; *раненый* — ранили; *униженный* — унизили и т. п.:

Следом за мной, весь в крови вернулся *избитый*, и его друзья набросились на нас (первоначальный конфликт перерос в конфликт включения) (И. Зайчиков. Криминальный конфликт).

В составе имен лиц со значением актуального результативного состояния весьма редки имена лиц субстантивного типа склонения, однако они широко представлены в группе субстантивированных слов адъективного типа склонения:

Дом, в котором живет *задержанный*, является самым обычным, не ведомственным, не элитным и даже не кооперативным, типичная старая многоподъездная девятиэтажка. (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают);

Вы ответьте, уважаемый доктор. — Это бесподобно, — искренно ответил *тяпнутый*. — Еще бы... (М. Булгаков. Собачье сердце);

У вас нитроглицерин есть? — обратился он к *больной* (В. Валеева. Скорая помощь).

5. В семантической структуре многозначного слова, как уже было отмечено выше, разные значения могут включать предикат в разных модально-временных аспектах:

ПЛОВЕЦ, -ца, м. Спортсмен, занимающийся плаванием, а также вообще тот, кто плывет, плавает;

ЛЫЖНИК, -а, м. Спортсмен, занимающийся лыжным спортом, а также вообще тот, кто ходит, идет на лыжах.

В данных словарных дефинициях объединено по два значения, которые включают предикаты настоящего расширенно-го и настоящего актуального.

Толкования можно оформить следующим образом:

ЛЫЖНИК. 1. Спортсмен или любитель, занимающийся лыжным спортом. 2. О человеке, идущем на лыжах.

Никто не рассчитывал, что наши лыжники возьмут столько медалей, наши девочки-фигуристки — умницы, лучшие из лучших!.. (Матвиенко оценила выступление сборной России в Пхёнчхане // Парламентская газета. 2018. 26 февр.);

*Эти кружочки отстояли друг от друга на довольно большом расстоянии, из чего можно было заключить, что **лыжник** шел размашистым, быстрым ходом, и это придавало Екатерине Герасимовне еще больше энергии; она как бы вступала в поединок с неизвестным лыжником.* (В. Катаев. Фиалка).

В такого рода номинациях надо учитывать прагматический фактор: *Мы любовались **пловцами** в бассейне* (это могут быть и спортсмены, и купающиеся); ***Вертолетчики** стояли рядом с винтокрылой машиной* (это только профессионалы).

6. В семантической структуре одного значения могут совмещаться перфектное значение предиката и значение настоящего узуального:

АВАРИЙЩИК, -а, м. 2. Работник, по вине которого происходят аварии (прост., пренебр.);

АВАРИЯ, -и, ж. Серьезное повреждение, выход из строя какого-н. механизма, машины, устройства во время работы, движения; событие, связанное с таким повреждением. *Автомобильная, железнодорожная авария.*

Скорректируем толкование:

АВАРИЙЩИК. Работник, по вине которого произошла авария или происходят аварии.

Аварийщика отстранили от работы.

7. Модальность включает в себя представление говорящего о том, насколько денотат значения соответствует реальности.

Так, все номинативные и номинативно-оценочные метонимические значения всегда ориентированы на реальность:

Советник главы МВД сообщил, что задержан один из руководителей мариупольских ополченцев по кличке «Борода». (Около 30 ополченцев захвачены в ходе силовой операции в Мариуполе — МВД Украины // Ведомости. 2014. 13 июня).

Аналогично:

Так, *контрабас* пил чай вприкуску, а *флейта* внакладку... (А. Чехов. *Контрабас и флейта*).

Метафора также отражает реальность, но через семантический модификатор ‘как если бы’. Таким образом в семантику метафоры вводится ирреальная модальность: *Он у нас светило* (метафора *светило* включает семантический модификатор ‘как если бы’, поэтому модальность внутреннего предиката у значения слова ирреальная).

Модально-временные аспекты семантики внутренних предикатов накладывают ограничения на функционирование имен лиц в предложении.

Так, некоторые школьники путают паронимы *спасатель* и *спаситель*:

*Миша летом подрабатывает *спасителем* на лодочной станции.

Номинативно-оценочные имена без предварительной предикации не могут сочетаться с внешним актуальным предикатом (**По дороге нам встретился развратник*).

Актуальные имена избегают позиции предиката: **Миша – он всадник, он любит лошадей* (в детской речи).

И наоборот: синтаксические позиции актуализируют либо реальную, либо ирреальную модальность внутреннего предиката: *За мной стоит какая-то шляпа* (субъектная позиция, реальная модальность, метонимия); *Эх ты, шляпа, все прошляпил!* (позиция оценочного предиката, ирреальная модальность, коннотативная метафора).

Выводы. В структуре лексического значения имени лица можно обнаружить разные виды и степени субъективной модальности, играющие важную роль в процессе коммуникации:

1) номинации и оценка лица на основе его действия в прошлом содержат реальные основания, хотя включают субъективность выбора номинации: *убийца, похититель, соблазнитель, аварийщик*;

2) в номинациях и оценке актуального состояния лица на основе воздействия на него в прошлом доминирует реальная модальность: *укушенный, больной, раненый, замученный*;

3) модальность визуально наблюдаемого актуального действия лежит в области реальности: *прохожий, всадник, путник*;

4) модальность выбора номинации и оценки лица на основе его вредных привычек, пристрастий, психических отклонений: *пьяница, картежник, псих* – можно охарактеризовать как реально-ирреальную;

5) модальность выбора номинации лица на основе его профессии, должности, звания, безусловно, отражает реальность: *инженер, ректор, полковник, священник*.

В структуре многозначного слова эти виды модальности могут совмещаться в объеме 2–3 значений: *лыжник, боец*.

Таким образом, содержание вопроса о модальности предикатов в структуре разных типов значений слов, называющих и/или характеризующих лицо, расширено, а именно: дополнено новыми аспектами модально-временных характеристик внутренних предикатов, а также особенностями их корреляции с формально представленными предикатами предложений, в которые эти лексические значения включены. Определены ограничения на использование имен лиц с той или иной модально-временной характеристикой в предложении.

В завершение отметим, что исследование модальности значений имен лиц полезно как в общетеоретическом, так и в прикладном отношении.

Отмеченные типы «внутренних» предикатов при их контактах с внешними предикатами предложения обнаруживают определенные ограничения, что свидетельствует о перспективе развития данных наблюдений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Восточная литература. РАН, 1995. 472 с.
2. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения // Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 156–250.
3. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
4. Бабушкин А. П., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж: ООО «Ритм», 2018. 229 с.

5. *Ермакова О. П.* Лексические значения производных слов в русском языке. М.: Русский язык, 1984. 152 с.

6. *Кудрявский Д. Н.* Введение в языкознание. Юрьев (Дерпт): Типография Маттисена, 1912. 130 с.

7. *Лакофф Дж.* Женщины, огонь и опасные вещи: что категории языка говорят нам о мышлении / пер. с англ. И. Б. Шатуновского. М.: Языки славянской культуры, 2004. 792 с.

8. *Попова Т. В., Рацибурская Л. В., Гугунава Д. В.* Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта, 2022. 168 с.

9. *Wierzbicka A.* Dociekania semantyczne. Wrocław–Warszawa–Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich. Wydawnictwo polskiej akademii nauk, 1969. 202 s.

REFERENCES

1. *Apresyan Yu. D.* Selected works. Vol. 1: Lexical semantics. Synonymic means of language. 2nd ed. Moscow: Oriental literature. RAS, 1995. 472 p. (In Russ.)

2. *Arutyunova N. D.* On the problem of functional types of lexical meaning. *Aspekty semanticheskikh issledovaniy / pod red. N. D. Arutyunovoi, A. A. Ufimtsevoi = Aspects of semantic research /*

N. D. Arutyunova, A. A. Ufimtseva (eds.). Moscow: Science, 1980. P. 156–250. (In Russ.)

3. *Arutyunova N. D.* Language and the world of man. Moscow: Languages of Russian culture, 1999. 896 p. (In Russ.)

4. *Babushkin A. P., Sternin I. A.* Cognitive linguistics and semasiology. Voronezh: ООО "Rhythm", 2018. 229 p. (In Russ.)

5. *Ermakova O. P.* Lexical meanings of derivative words in the Russian language. Moscow: Russian Language, 1984. 152 p. (In Russ.)

6. *Kudryavsky D. N.* Introduction to linguistics. Yur'ev (Derpt): Mattisen Printing House, 1912. 130 p. (In Russ.)

7. *Lakoff G.* Women, fire, and dangerous things: What categories reveal about the mind / I. B. Shatunovsky (trans.). Moscow: Languages of Slavic culture, 2004. 792 p. (In Russ.)

8. *Popova T. V., Ratsiburskaya L. V., Gugunava D. V.* Neology and neography of the modern Russian language. 4th ed. Moscow: Flinta, 2022. 168 p. (In Russ.)

9. *Wierzbicka A.* Semantic inquiries. Wrocław–Warsaw–Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińscy. Publishing house of the Polish Academy of Sciences, 1969. 202 p. (In Polish)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Александр Николаевич Ерёмин, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка

Оксана Олеговна Петрова, кандидат филологических наук, доцент

Aleksandr N. Eryomin, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of Russian Language

Oksana O. Petrova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor

Статья поступила в редакцию 28.06.2023; одобрена после рецензирования 25.07.2023; принята к публикации 25.09.2023.

The article was submitted 28. 06.2023; approved after reviewing 25.07.2023; accepted for publication 25.09.2023.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-97-107>

Стилистические и синтаксические функции парцелляции (на материале повести Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие...»)

Наталья Владимировна Черникова

*Социально-педагогический институт, Мичуринский государственный аграрный университет,
г. Мичуринск, Россия, chernikovanat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1572-2316>*

Аннотация. Статья посвящена описанию одного из приемов экспрессивного синтаксиса – парцелированных конструкций, выявленных в повести Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие...». В процессе использования структурно-семантического и функционально-стилистического методов определяются и анализируются стилистические и синтаксические функции парцелляции. В статье делается вывод о том, что парцелляция как стилистический прием – универсальное явление полифункционального характера, способствующее реализации разнообразных прагматических замыслов автора. Помимо основной стилистической функции – функции экспрессивного выделения определенной части высказывания, парцелированные предложения выполняют в художественном тексте ряд дополнительных функций: изобразительную, характерологическую, эмоционально-выделительную, экспрессивно-грамматическую. Выявлено, что синтаксические функции парцеллятов в повести разнообразны: в простых предложениях они выполняют функцию как главных, так и второстепенных членов; в сложных предложениях выступают в качестве предикативной части, которая присоединяется к главному высказыванию при помощи подчинительной, сочинительной или бессоюзной связи. Разнообразие стилистических и синтаксических функций парцелированных конструкций помогло автору произведения реалистично передать атмосферу довоенного и военного времени, описать характер персонажей и их поступки, придать естественность повествованию.

Ключевые слова: Б. Л. Васильев, «А зори здесь тихие...», парцелляция, парцелированные конструкции, парцеллят, стилистические и синтаксические функции

Для цитирования: Черникова Н. В. Стилистические и синтаксические функции парцелляции (на материале повести Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие...») // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 97–107. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-97-107>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Stylistic and syntactic functions of parcelling

(on the material of B. L. Vasilyev's novella "The Dawns Here Are Quiet")

Natalia V. Chernikova

*Social Pedagogical Institute, Michurinsk State Agrarian University, Michurinsk, Russia,
chernikovanat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1572-2316>*

Abstract. The article describes one of expressive syntax techniques, namely parcelled constructions, identified in B. L. Vasilyev's novella "The Dawns Here Are Quiet". The stylistic and syntactic functions of parcelling are determined and analysed using structural-semantic and functional stylistic analysis. The article concludes that parcelling as a stylistic device is a universal phenomenon of a multifunctional nature. It facilitates the implementation of the author's various pragmatic ideas. Besides the main stylistic function, i. e. the function of expressively highlighting a certain part of the utterance, parcelled sentences perform several additional functions in a literary text: figurative, characterological, emotional-emphatic, expressive-grammatical. It is revealed that the syntactic functions of parcels in the novella are diverse. In simple sentences, they can be both their main and secondary parts. In composite sentences, they function as the predicative part which is attached to the main utterance using a subordinating, coordinating, or asyndetic connection. The variety of stylistic and syntactic functions of parcelled constructions enabled B. Vasilyev to realistically convey the atmosphere of the pre-war and war periods. He managed to describe the protagonists' characters and their actions in a true to life way, making the narrative sound natural.

Keywords: B. L. Vasilyev, "The Dawns Here Are Quiet", parcelling, parcelled constructions, parcel, stylistic functions, syntactic functions

For citation: Chernikova N. V. Stylistic and syntactic functions of parcelling (on the material of B. L. Vasilyev's novella "The Dawns Here Are Quiet"). *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(2):97–107. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-97-107>.

Введение. Писатель-фронтовик, кино-сценарист Борис Львович Васильев (1924–2013) в 1941 г. в 17 лет добровольцем ушел на фронт. Воевал сначала в составе комсомольского истребительного батальона, затем – в 8-м гвардейском воздушно-десантном полку 3-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. В марте 1943 г. Борис Львович получил серьезное ранение, после лечения в госпитале был направлен на учебу в Военную академию бронетанковых и механизированных войск имени И. В. Сталина (впоследствии имени Р. Я. Малиновского). 24 июня 1945 г. в составе колонны академии участвовал в Параде Победы [Первалова 2023].

«Я был на фронте, воевал, все видел собственными глазами», – говорил в интервью Б. Л. Васильев [«Вчера была война»... 2013, Электронный ресурс], поэтому в своем творчестве он постоянно обращался к теме Великой Отечественной войны. Первая повесть «А зори здесь тихие...», опубликованная в 1969 г. в журнале «Юность», имела большой успех, получила живой читательский отклик, вызвала немалый интерес критики [Панков 1979; Турков 1979; Кардин 1984], была неоднократно экранизирована и поставлена в театре. И это естественно. Произведение покоряет проникновенным гуманизмом, чистотой нравственного чувства, потрясает и эмоционально заряжает читателя. «Повестью “А зори здесь тихие...” Б. Васильев вступил в литературу, вызвав надежды и установив уровень требований, правомерных по отношению к нему. Поньше она – вершина в его творчестве» [Кардин 1984: 252].

Напряженность сюжета, характеристика героев повести и их поступков, эмоциональность повествования создаются разными языковыми средствами и стилистическими приемами, одним из которых является парцелляция. Мы обратились к анализу функций парцелляции в повести Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие...».

Под парцелляцией (от франц. *parcelle* – «частица») понимается «стилистический прием (в иной интерпретации – стилистическая

фигура), состоящий в таком расчленении единой синтаксической структуры предложения, при котором она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, или фразах»¹. Парцеллированная конструкция включает две части: основную (базовую), выступающую как самостоятельное предложение, и парцеллят (отчлененный сегмент), который уточняет, поясняет, дополняет основное высказывание и находится от него в полной смысловой и синтаксической зависимости.

До середины XX в. явление парцелляции рассматривалось в составе присоединительных конструкций, обозначаемых термином *присоединение*. Начиная со второй половины XX в. наряду с термином *присоединение* в отечественной науке получил широкое распространение термин *парцелляция* [Белошапкина 1977; Сковородников 1980; Максимов 1996; Богоявленская 2018, 2021].

Исследователи подходят к явлению парцелляции с разных точек зрения: парцелляция рассматривается либо как средство коммуникативной организации речи (в иной интерпретации – способ членения текста, средство актуального членения высказывания) [Белошапкина 1977]², либо как стилиобразующее средство (в иной интерпретации – прием стилистики, экспрессивный синтаксический прием литературного языка, прием экспрессивного синтаксиса, стилистическая фигура, орнаментальная конструкция) [Иванчикова 1968; Гурьева 2013; Александрова, Астафьева 2015; Пантелеева 2020]³. В последнее время появились новые подходы к изучению парцелляции, в том

¹ Копнина Г. А. Парцелляция // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. 2-е изд., стер. М.: Флинта: Наука, 2011. С. 279.

² См. также: Ванников Ю. В. Явление парцелляции в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1965. 529 с.; Розенталь Д. Э., Теленкова М. Н. Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов. М.: ОНИКС 21 век; Мир и Образование, 2003. 623 с.

³ См. также: Копнина Г. А. Указ. словарь.

числе лингвокультурологический, рассматривающий парцелляцию как способ реализации определенных лингвокультурных смыслов [Боженкова 2019; Пантелеева 2020], и когнитивно-семиотический, исследующий парцелляцию как одно из оптимальных средств распределения внимания в формате предложения и дискурса [Богоявленская 2018, 2021]. Мы придерживаемся точки зрения тех исследователей, которые рассматривают парцелляцию как особый стилистический прием, позволяющий усилить смысловые и экспрессивные оттенки высказывания.

В лингвистической литературе нет единого мнения по поводу того, какие структуры следует включать в состав парцеллированных конструкций. В частности, дискуссионными являются вопросы об отнесении к парцелляции диалогических единств и эллипсиса⁴, конструкций с повтором [Иванчикова 1969], а также с дистантно расположенным членом предложения, находящимся после основного высказывания⁵.

Мы разделяем мнение исследователей, относящих к парцелляции только те структуры, в которых основная и отчлененная части представляют собой единую грамматическую конструкцию. Парцеллят в таких конструкциях, будучи неотъемлемой частью предложения, не способен функционировать в речи самостоятельно. При таком подходе за пределами парцелляции остаются диалогические единства и эллиптические предложения. Что касается конструкций с повтором и дистантно расположенным сегментом, мы, вслед за рядом лингвистов [Богоявленская 2021]⁶, включаем их в состав парцеллированных, так как «и дистантно

расположенный парцеллят, и повтор в парцелляте по своей форме подчинены словам в основной части... Форма слова в парцелляте не произвольна. Лексема, находящаяся в парцелляте, зависит от основной части как синтаксически, так и семантически» [Там же: 44]. Например:

Она образец современной модернизации **службы** здоровья. *Службы, которая не для избранных. А для всех, кто в ней нуждается.* (Российская газета. 2013. 31 янв.);

Я нарисовал невеселую картину. *Но реальную.* (АиФ. 2014. 5 нояб.)⁷.

Цель нашей статьи – рассмотреть стилистические и синтаксические функции парцелляции в повести Б. Л. Васильева «А зори здесь тихие...». В работе применяются структурно-семантический и функционально-стилистический методы исследования.

Анализ. Основная функция парцелляции как стилистического приема – «функция экспрессивного выделения той или иной части высказывания» [Иванчикова 1968: 285–286]. При парцелляции член простого предложения или часть сложного предложения приобретают большую смысловую и эмоциональную выразительность. Например:

[Васков:] – Они ушли. *За взрывчаткой, видно...;*

Еще днем, несколько часов назад, ярость его вела. *Простая, как жажда: кровь за кровь;*

...сил уже не было. Совсем не было сил – только боль. *Во всем теле...*⁸

Кроме основной функции, реализующейся в любом парцеллированном предложении, исследователи выделяют еще ряд функций парцелляции, которые непосредственно отражают намерения автора текста. В художественных произведениях парцелляция выполняет изобразительную, эмоционально-выделительную, характерологическую и экспрессивно-грамматическую функции [Сковородников 1980; Максимов 1996].

явление в языке современных газет: дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1988. 188 с.

⁷ Примеры извлечены из: [Богоявленская 2021].

⁸ Здесь и далее текст повести цит. по: *Васильев Б. Л. А зори здесь тихие...* М.: Детская литература, 2010. 383 с.

⁴ *Нестерова Н. М.* Сепарированные конструкции, омонимичные придаточным предложениям, в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 20 с.; *Борисова Е. В.* Коммуникативно-прагматические особенности парцеллированных конструкций в современном немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003. 22 с.

⁵ *Вильчицкая Е. А.* Коммуникативно-прагматические функции парцелляции и присоединения в современном французском языке: дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1991. 153 с.

⁶ См. также: *Ванников Ю. В.* Указ. соч.; *Сербинова Т. Г.* Парцелляция как особое синтаксическое

1. Изобразительная функция парцелляции реализуется «при художественно-образной конкретизации изображаемого» [Сковородников 1980: 87]. Перечислим наиболее распространенные случаи проявления данной функции.

А) Парцелляция создает «эффект замедленного кадра», т. е. внимание читателя акцентируется на каждом из следующих друг за другом действий (событий). Данная функция парцелляции характерна для повествовательных контекстов. Например:

Шагнул [Васков] с ходу по колени – только трясина чвакнула. Побрел, раскачиваясь как на пружинном матрасе. Шел не огибаясь, по вздохам да испуганному шепоту определяя, как движется отряд.

В парцеллированной конструкции последовательно перечисляются осторожные действия Васкова во время его движения с женским отрядом через болото.

Б) Парцелляция выделяет значимые детали общей картины, акцентирует внимание на определенных признаках изображаемого объекта, подчеркивает важное. Данная функция парцелляции характерна для контекстов описательного характера. Например:

В самом центре, чтоб немцы прямо в них уперлись, он [Васков] Четвертак и Гурвич определил. Велел костры палить подыжнее, кричать да аукаться, чтоб лес звенел. *А из-за кустов не слишком все же высовываться: ну, мелькать там, показываться, но не очень.* И сапоги велел снять. *Сапоги, пилотки, ремни – все, что форму определяет.*

Парцелляты подчеркивают приказ командира Васкова, его требования, адресованные находящимся у него в подчинении девушкам: как действовать, чтобы ввести немцев в заблуждение.

В) Парцелляция усиливает неожиданность тех или иных действий за счет влияния на ритмику контекста (паузы, перепады). Например:

[Рита Осянина:] – Птицы кричат...

– Сороки!.. – тихо смеялся Федот Евграфыч. – Сороки-белобоки шебаршат, Рита. Значит, идет кто-то, беспокоит их. Не иначе – гости. Крой, Осянина, подымай бойцов. *Мигом! Но скрытно, чтоб ни-ни!..*

Восклицательные парцелляты эмоционально подчеркивают неожиданный приказ командира, который по птичьим голосам определил приближение немцев.

Г) Парцелляция усиливает изобразительный контраст, характеризует ситуацию, поведение персонажа, его психологический портрет и т. д. Например:

[Васков:] – Нету мамы. Война есть, немцы есть, я есть, старшина Васков. *А мамы нету.*

Парцеллированная конструкция построена на антитезе, подчеркивающей особенность ситуации – война, на которой все воспринимается иначе, чем в мирное время.

2. Характерологическая функция парцелляции заключается в воссоздании особенностей речи героев произведения.

А) Парцелляция присоединяет уточняющие фрагменты, что характерно для устно-разговорной речи. Например:

– Шестнадцать [немцев], товарищ старшина, – почти беззвучно повторила Гурвич.

– Вижу, – сказал он, не оборачиваясь. – Давай в цепь, Гурвич. Осяниной скажешь, чтоб немедля бойцов на запасную позицию отводила. *Скрытно чтоб, скрытно!..*

Парцеллят уточняет приказ командира: как следует отводить бойцов, чтобы остаться не замеченными немцами.

Б) Парцелляция вносит разговорную интонацию присоединения в речь говорящего (рассказчика, действующего лица). Например:

[Полина Егоровна:] – Война, Евграфыч, все спишет. *И с солдат и с солдаток;*

[Васков:] – ...Так что давайте помянем сестренку наших, а там и бой пора принимать. *Последний, по всей видимости...;*

[Осянина:] – Евгения, на берег! *Сейчас же!*

В) «Парцелляция – одно из средств изображения внутренней речи (ее дискретности и слабой синтаксической организованности)», а через нее – характеристики состояния самого субъекта» [Сковородников 1980: 88]. Например:

А эту Осянину он [Васков] еще раньше выделил: строго. *Не засмеется никогда, только что поведет чуть губами, а глаза по-прежнему серьезными остаются.*

Парцеллят подчеркивает отличительную черту командира первого отделения

Риты Осяниной, которая, по мнению старшины Васкова, выделяет героиню среди других девушек-зенитчиц.

Екнуло сердце Васкова: разведка!.. немцы не испугались. Сейчас переправятся, юркнут в кусты, змеями выползут на девичьи голоса, на костры и шум. *Пересчитают по пальцам, разберутся и... и поймут, что обнаружены.*

Данный контекст, включающий парцелированную конструкцию, отражает особенности внутренней речи: эллиптичность, синтаксическую неполноту и прерывистость, локализованную в парцелляте.

3. Эмоционально-выделительная функция парцелляции проявляется при выражении эмоциональной оценки, описании чувств героев произведения, характеристике эмоционального состояния рассказчика или персонажа. Например:

[Васков:] – ...Он – не гляди, что пост большой занимает, – простой человек. *Сердечный;*

Остались под сосной вещмешки, винтовки, скатки да отброшенное старшиной Женькино белье. *Молодое, легкое, кокетливое...*

4. Экспрессивно-грамматическая (синтаксическая) функция парцелляции, заключающаяся «в выражении каких-либо синтаксических отношений» [Сковородников 1980: 88], может быть представлена двумя разновидностями – грамматико-семантической и грамматико-конструктивной. Грамматико-семантическая функция реализуется в том случае, когда парцелляция не изменяет характера основного синтаксического отношения между компонентами

высказывания; происходит лишь видоизменение синтаксического отношения путем добавления, дополнения смысловой связи. Если при парцелляции изменяется характер основного синтаксического отношения между компонентами предложения, происходит перегруппировка структурно-семантических связей между ними, то в тексте реализуется грамматико-конструктивная функция [Там же: 89].

В повести «А зори здесь тихие...» выявлена первая из данных функций. Например:

– А он птица, гость-то наш! Сахару велел нам отпустить, во как. А мы его в сельпе-то своим уж год не видали. *Целых три кило сахару!*

Особенность парцеллята со значением уточнения состоит в его дистантном расположении по отношению к базовой части (*Сахару велел нам отпустить, во как*) парцелированной конструкции.

Рассмотрим синтаксические функции парцеллятов. В русском языке парцелляция встречается как в простом, так и в сложном предложении.

В простых парцелированных предложениях парцелляты выступают в функции главных или второстепенных членов. При этом парцелляция может сопровождаться употреблением в составе парцеллята союзов, наречий, частиц, вводных слов и т. п., а также повтором: в состав парцеллята входит слово (слова, словосочетания), уже названное в основной части. Синтаксические функции парцеллятов в простых предложениях (с указанием их количества в процентном выражении) представлены в табл. 1.

Таблица 1

Синтаксические функции парцеллятов в простых предложениях

Table 1

Syntactic functions of parcellates in simple sentences

Члены предложения	Примеры
I. Главные члены	
1. Парцеллят-подлежащее (7 %):	
а) имя существительное	<i>А бывает пустячок, оплошность. Мелочь, но за собой мелочь эта такое тянет, что не дай бог никому</i>
б) словосочетание с количественным значением	<i>Не вмещалось это понятие в фашистские их мозги, и потому на пол легли. Мордами вниз, как велел. Все четверо</i>
в) словосочетание с предметно-неопределенным значением	<i>Ничего вначале он [Васков] не заметил, а потом забурело что-то сквозь кусты. Странное что-то, лишаями кое-где обросшее</i>

Члены предложения	Примеры
2. Парцеллят-сказуемое (23 %):	
а) простое глагольное сказуемое (10 %)	<i>Пока Осянина за бойцами бегала, Васков все соседние и дальние камни на животе излазал. Высмотрел, выслушал, вынюхал все...</i>
б) составное глагольное сказуемое (7 %)	<i>Спустился в яму, принял Соню, в шинель обернул, уложил. Стал камнями закладывать, что девчата подавали</i>
в) составное именное сказуемое (6 %)	<i>[Васков:] – Плохой ты боец, товарищ Осянина. Никудышний боец</i>
II. Второстепенные члены	
1. Парцеллят-дополнение (12 %):	
а) прямое дополнение	<i>[Васков] Молча мешок развязал, достал черствый хлеб, сало, фляжку. Ну, и табак, само собой</i>
б) косвенное дополнение	<i>[Васков:] – Мешков наших нет. Ни мешков, ни винтовок</i>
2. Парцеллят-определение (18 %):	
а) согласованное определение	<i>Да, Соня и в университете носила платья, перешитые из платьев сестер. Длинные и тяжелые, как кольчуги...</i>
б) несогласованное определение	<i>И [Васков] нашел то, что искал, – в кармане у рослого, что только-только богу душу отдал, хрипеть перестав, – кисет. Его, личный, старшины Васкова, кисет с вышивкой вверх: «Дорогому защитнику Родины»</i>
3. Парцеллят-приложение (8 %):	
а) одиночное приложение	<i>И спокойно еще двух [Васков] вычел: двенадцать осталось. Дюжина</i>
б) распространенное приложение	<i>В кармане тяжело покачивалась бесполезная граната. Единственное его оружие...</i>
4. Парцеллят-обстоятельство (32 %):	
а) образа действия	<i>Поймал взгляд ее – и словно оборвалось в нем что-то: боится. По-дурному боится, изнутри...</i>
б) меры и степени	<i>И еще [Васков] копил силы. Их было мало. Очень мало...</i>
в) места	<i>Сам он [Васков] впереди держался. От куста к кусту, от скалы к скале</i>
г) времени	<i>Замерло все на поляне. На секунду какую-то замерло...</i>
д) причины	<i>[Васков:] – ...А что до трусости, так ее не было. Трусость, девчата, во втором бою только видно. А это растерянность просто. От неопытности</i>

Парцелляция сложного предложения – явление неоднозначное, по-разному трактуемое исследователями. Один из основных дискуссионных вопросов – все ли виды сложных предложений (сложносочиненные, сложноподчиненные, бессоюзные) могут подвергаться парцелляции?

Наименьшие разногласия и трудности в плане идентификации вызывает парцелляция сложноподчиненных предложений (СПП), которые характеризуются структурно-семантической взаимосвязанностью составляющих частей и зависимостью придаточной части от главной. При анализе эмпирического материала мы опирались

на исследования Г. Н. Рыбаковой (1969) и Н. В. Князевой (2020), которые выделяют несколько видов парцелированных СПП в зависимости от структурного характера парцеллята: 1) СПП, при парцелляции которых главная часть во всем объеме реализуется в основной фразе, придаточная – в парцелляте; 2) СПП с соотносительными словами, функционирующими в составе парцеллята; 3) СПП с лексическим повтором (одиночным или имеющим выделительные, указательные и т. п. распространители) в придаточной части как средство связи с главной частью; 4) СПП с несколькими придаточными, в которых либо все придаточные

вынесены в парцеллят, либо первое находится в основной части, а остальные выделяют-ся в парцелляты [Князева 2020]⁹.

Виды парцеллированных СПП в пове-сти «А зори здесь тихие...» представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сложные парцеллированные предложения с подчинительной связью

Table 2

Complex parcellated sentences with a subordinating connection

Виды СПП	Примеры
1. Парцелляты с атрибутивным (определительным) значением	Парцеллят с придаточной частью включает повтор слова с распростра-нителем – указательным местоимением: <i>Коротко [Осянина] была, прицель-но, в упор и дала секундочку старшине; Ту секундочку, за которую потом до гробовой доски положено водкой поить</i>
2. Парцелляты с объектным (изъяс-нительным) значени-ем	а) парцеллят с придаточной частью включает повтор слова: <i>Тогда уже старшина над ними висеть будет, а не наоборот. Висеть, дергать, направлять куда надо и... ждать. Ждать, когда наши подойдут, когда облава начнется;</i> б) в многочленном СПП первое придаточное находится в базовой части, а остальные выделены в парцеллят: <i>Она [Бричкина] почти никогда не плака-ла, потому что была одинока и привыкла к этому, и теперь ей больше всего на свете хотелось, чтобы ее пожалели. Чтобы говорили ласковые слова, гладил-ли по голове, утешали и – в этом она себе не признавалась – может быть, даже поцеловали</i>
3. Парцелляты с об-стоятельственным зна-чением (времени, при-чины, уступки, след-ствия и др.)	а) в парцеллят выделена придаточная часть: <i>Думаю, надо ловить, това-рищ третий. Пока далеко не ушли; А Галя действительно была подкидывшем, и даже фамилию ей в детском доме дали: Четвертак. Потому что меньше всех ростом вышла, на четверть меньше;</i> б) парцеллят с придаточной частью включает повтор слова: <i>Бить надо. Бить, пока в логово не уползет; Засмеялись девчонки. А он нарочно так гово-рил: два крика, три крика. Нарочно, чтоб засмеялись, чтоб бодрость появи-лась; Это потом они хохотали. Потом, когда узнали, что немцы ушли</i>

Вопрос о парцелляции сложносочинен-ных предложений (ССП) является дискус-сионным, «поскольку довольно сложно дифференцировать парцеллированные кон-струкции и сложные синтаксические целые по причине регулярности и частотности ис-пользования сочинительных союзов в качестве средств межфразовой связи» [Кня-зева 2020]. Важными признаками парцел-лированных СПП следует считать наличие в составе парцеллята показателей, свиде-тельствующих о его грамматической зави-симости от предыдущего высказывания (не-полнота строения, анафорические элемен-ты и др.) [Федосюк 1985: 136]; соотношение семантики базовой и отчлененной частей, их лексического наполнения (повтор слов, слова одной тематической группы и др.);

наличие в парцеллированной конструкции общего (для базовой части и парцеллята) члена предложения, употребление в базо-вой части и парцелляте разных форм слова и др. [Князева 2020].

Виды парцеллированных СПП в пове-сти «А зори здесь тихие...» представлены в табл. 3.

Парцелляция бессоюзного сложного предложения (БСП) – наиболее сложное и спорное явление. Трудности иденти-фикации в данном случае связаны с отсутстви-ем грамматических средств связи между ча-стями БСП. Исследователи, допускающие возможность парцеллирования БСП, опи-раются на четко выявляемые семантические отношения между базовой частью и пар-целлятом, демонстрирующие единство син-таксической конструкции. Наиболее отчет-ливо парцелляция БСП проявляется при наличии определенных лексико-граммати-ческих показателей связи и выражения отно-шений между частями предложения. Такими

⁹ См. также: Рыбакова Г. Н. Парцелляция сложноподчиненного предложения в совре-менном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1969. С. 9.

Таблица 3

Сложные парцелированные предложения с сочинительной связью

Table 3

Complex parcellated sentences with coordinative connection

Виды ССП	Примеры
1. Парцеллят присоединяется союзом <i>и</i> , выражая перечислительное, распространительное или результативное значение	а) наличие общего второстепенного члена в базовой части: <i>От холода [Васков] опомнился: трясло его, било, зубы пересчитывая. И рука ныла;</i> б) эллипсис глагола восприятия (<i>и увидел</i>), общего для базовой части и парцеллята; употребление разных форм слова в базовой части и парцелляте, наличие анафорического элемента в парцелляте: <i>Только тогда [Васков] оглянулся: боец Комелькова стояла перед ним, держа винтовку за ствол, как дубину. И приклад той винтовки был в крови</i>
2. Парцеллят присоединяется союзом <i>а</i> , выражая сопоставительное или присоединительно-пояснительное значение	а) лексический повтор в базовой части и парцелляте: <i>Но не страх – ярость вела сейчас Васкова. Зубами скрипел от той черной, ослепительной ярости и только одного желал: догнать. Догнать, а там разберемся;</i> б) соотношение семантики базовой и отчлененной частей: [Васков Осяниной:] – <i>Растопырилась на пеньке, что семейная тетерка. А приказано было лежать</i>
3. Парцеллят присоединяется союзом <i>но</i> , выражая противительное значение	Соотношение семантики базовой и отчлененной частей, наличие анафорического элемента в парцелляте: <i>Соврал [Васков], само собой. Но с такими оно к лучшему</i>

показателями могут быть: а) неполнота строения, анафорические элементы, слово (словосочетание) в конце базовой части, обобщенное значение которого раскрывается в парцелляте (в БСП с пояснительными отношениями); б) эллипсис глагола восприятия *увидел, услышал* и т. п. в базовой части (в БСП с изъяснительными отношениями);

в) антитеза между базовой частью и парцеллятом (в БСП с противительными или сопоставительными отношениями); г) лексический повтор (в БСП с присоединительными отношениями) и др. [Князева 2020]¹⁰.

Виды парцелированных БСП в повести «А зори здесь тихие...» представлены в табл. 4.

Таблица 4

Сложные парцелированные предложения с бессоюзной связью

Table 4

Complex parcellated sentences with a non-conjunctive connection

Виды БСП	Примеры
1. Парцеллят с сопоставительным значением	Антитеза между базовой частью и парцеллятом: [Васков:] – <i>Комелькова, за мной. Остальным здесь ждать; Потом он [Васков] выпрямился и бережно расправил на девичьей груди липкую от крови рубашку: две узкие дырочки виднелись на ней. Одна в грудь шла, в левую грудь. Вторая – пониже – в сердце</i>
2. Парцеллят с пояснительным значением	а) наличие анафорического элемента в парцелляте: <i>И рука ныла. Ломило ее от сырости, что ли...;</i> б) слово (словосочетание) в конце базовой части, обобщенное значение которого раскрывается в парцелляте: <i>Шут с ними: прибыль невелик, а ей [Комельковой] все легче. Меньше напоминаний;</i> в) неполнота структуры парцеллята: <i>Женька грузно оперлась на винтовку, рванула ворот. Хотелось вздохнуть громко, всей грудью...</i>

¹⁰ См. также: Зелукин Р. О. Парцелляция в художественной прозе В. Токаревой: структура, семантика, текстообразующие функции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2007. 188 с.

Виды БСП	Примеры
3. Парцеллят с присоединительным значением	Лексический повтор: [Васков:] – <i>Двоих мы там прищучили, Галя! Двоих, – стало быть, двенадцать осталось. А это нам не страшно, товарищ боец. Это нам, считай, пустяки!; Сообразать некогда было. Не было уже времени...</i>

Выводы. Анализ парцелированных конструкций, присутствующих в повести «А зори здесь тихие...», свидетельствует о том, что, помимо основной стилистической функции – функции экспрессивного выделения определенной части высказывания – парцелированные предложения выполняют в данном произведении ряд дополнительных функций: изобразительную, характерологическую, эмоционально-выделительную, экспрессивно-грамматическую, каждая из которых имеет специфику проявления в конкретном контексте. Следовательно, парцелляция как стилистический прием – универсальное средство полифункционального характера, способствующее реализации разнообразных прагматических замыслов автора. Исследование показало, что синтаксические функции парцеллятов в повести разнообразны: в простых предложениях они выполняют функцию любого члена; в сложных предложениях выступают в качестве предикативной части, которая присоединяется к главному высказыванию при помощи подчинительной, сочинительной или бессоюзной связи. Среди главных членов предложения в качестве парцеллятов наиболее часто выступают однородные глагольные сказуемые (17% от общего числа всех парцелированных членов предложения). Это объясняется важной ролью сказуемого в семантико-грамматической организации предложения. Среди второстепенных членов предложения наиболее частотны случаи парцелирования обстоятельств (32%), что объясняется, с одной стороны, контекстом и его коммуникативными задачами, а с другой – слабой спаянностью парцеллята-обстоятельства с опорным высказыванием.

Среди сложных парцелированных предложений наиболее очевидными с точки зрения идентификации являются предложения с подчинительной связью, что объясняется структурно-семантической зависимостью придаточной части (парцеллята) от главной. Парцелляция в предложениях с сочинительной и бессоюзной связью поддерживается условиями контекста и различными

лексико-грамматическими средствами (неполнота строения, анафорические приемы, лексический повтор и др.).

Такое разнообразие стилистических и синтаксических функций парцелированных конструкций помогло автору произведения реалистично передать атмосферу довоенного и военного времени, описать характер персонажей, их поступки, эмоциональное состояние, придать естественность повествованию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Е. М., Астафьева О. А. Парцелляция как экспрессивно-синтаксический прием расчленения текста (на материале коротких анекдотов) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 6-1(48). С. 13–17.
2. Белошанкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис: учеб. пособие для филол. спец. ун-тов. М.: Высшая школа, 1977. 248 с.
3. Богоявленская Ю. В. Парцелляция в русском и французском языках: опыт сопоставительного когнитивно-семиотического исследования: монография. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2021. 214 с.
4. Богоявленская Ю. В. Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен // Вестник Томского гос. ун-та. Серия: Филология. 2018. № 55. С. 5–16.
5. Боженкова Н. А., Боженкова Р. К. Зевгматические и парцелированные конструкции как семасиологические идентификаторы политического дискурсивного взаимодействия // II Всемирный конгресс в реальном и виртуальном режиме «Восток–Запад: пересечения культур» Киото, 02–06 октября 2019 года. Киото: Tanaka Print, 2019. Т. 2. С. 254–260.
6. «Вчера была война»: неизвестное интервью Б. Л. Васильева // Московский комсомолец. 2013. 19 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mk.ru/culture/2013/04/18/844111-vchera-byila-voyna.html> (дата обращения: 23.07.2023).
7. Гурьева Н. Н. Парцелляция как экспрессивно-стилистическое средство в языке современных СМИ // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия: Филология. 2013. № 3. С. 163–169.
8. Иванчикова Е. А. Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического

распространения // Мысли о современном русском языке. М.: Просвещение, 1969. С. 126–139.

9. Иванчикова Е. А. Парцеллированные конструкции в современном русском языке // Русский язык и советское общество: морфология и синтаксис современного русского литературного языка: сб. статей. М.: Наука, 1968. С. 277–302.

10. Кардин В. Точка пересечения: литературно-критические очерки. М.: Современник, 1984. 336 с.

11. Князева Н. В. К вопросу о парцелляции сложного предложения (на материале художественных текстов М. В. Семеновой) // Филологический аспект: методика преподавания языка и литературы. 2020. № 1(57) [Электронный ресурс]. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/k-voprosu-o-partseillyatsii-slozhnogo-predlozheniya-na-materiale-khudozhestvennykh-tekstov-mv-semenovoj.html> (дата обращения: 23.07.2023).

12. Максимов Л. Ю. Присоединение, парцелляция // Русский язык в школе. 1996. № 4. С. 80–83.

13. Панков В. К. В живом потоке: о советской литературе 1945–1975 гг. Избранные работы. М.: Современник, 1979. 399 с.

14. Пантелеева А. П. Парцелляция как экспликатор лингвокультурных особенностей в политическом дискурсе // Гуманитарные технологии в современном мире: материалы VIII Международной научно-практической конференции (28–30 мая 2020 г.) / сост. Л. М. Гончарова, Т. В. Нестерова, Э. А. Китанина: в 2 ч. Ч. 1. Калининград: РА Полиграфыч, 2020. С. 248–252.

15. Первалова С. В. «Он весь – свободы торжество!»: поэтические мотивы Блока в русской «лейтенантской» прозе // Литература в школе. 2023. № 3. С. 43–55. <http://doi.org/31862/0130-3414-2023-3-43-55>.

16. Сквородников А. П. О функциях парцелляции в современном русском литературном языке // Русский язык в школе. 1980. № 5. С. 86–91.

17. Турков А. М. Мера вещей (Заметки о современной советской литературе). М.: Знание, 1979. 160 с.

18. Федосюк М. Ю. Сходства и различия между сложносочиненными предложениями и союзными сочетаниями самостоятельных предложений в научной речи // Функциональные стили: лингвометодические аспекты. М.: Наука, 1985. С. 132–138.

REFERENCES

1. Aleksandrova E. M., Astaf'eva O. A. Parcellation as an expressive-syntactic technique of text

dissection (on the material of short anecdotes). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philology. Theory & Practice*. 2015;6–1(48):13–17. (In Russ)

2. Beloshapkova V. A. Modern Russian language. Syntax. Moscow: The higher school, 1977. 248 p. (In Russ.)

3. Bogoyavlenskaya Yu. V. Parcellation in Russian and French: experience of comparative cognitive-semiotic research. Ekaterinburg: Ural University Press, 2021. 214 p. (In Russ.)

4. Bogoyavlenskaya Yu. V. Parcellation as a cognitive-semiotic phenomenon. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Seriya: Filologiya = Tomsk State University Journal of Philology*. 2018;(55):5–16. (In Russ.)

5. Bozhenkova N. A., Bozhenkova R. K. Zeugmatic and parceled constructions as semasiological identifiers of political discursive interaction. *II Vsemirnyi Kongress v Real'nom i Virtual'nom Rezhime "Zapad–Vostok: Peresecheniya Kul'tur"*. Kioto, 02–06 oktyabrya 2019 goda. Kioto: Tanaka Print, 2019. T. 2 = 2nd World Congress in Real and Virtual Mode "West–East: Crossing Cultures". Kioto, 02–06 october 2019. Kioto: Tanaka Print, 2019. Vol. 2. P. 254–260. (In Russ.)

6. "Yesterday there was a war": an unknown interview with B. L. Vasilyev. *Moskovsky Komsomolets*. 2013. April 19 [Electronic resource]. URL: <https://www.mk.ru/culture/2013/04/18/8441111-vchera-by-ila-voyna.html> (accessed: 23.07.2023) (In Russ.)

7. Gur'eva N. N. Parcellation as an expressive and stylistic means in the language of modern mass media. *Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Seriya: Filologiya = Tomsk State University Journal of Philology*. 2013;(3):163–169. (In Russ.)

8. Ivanchikova E. A. Lexical repetition as an expressive technique of syntactic distribution. *Mysli o sovremennom russkom yazyke: Sbornik statei / pod red. V. V. Vinogradova = Thoughts on the modern Russian language: Collection of articles / V. V. Vinogradov (ed.)*. Moscow: Education, 1969. P. 126–139. (In Russ.)

9. Ivanchikova E. A. Parcellized constructions in the modern Russian language. *Russkii yazyk i sovetskoe obshchestvo: morfologiya i sintaksis sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / pod red. M. V. Panova = Russian language and Soviet society: morphology and syntax of modern Russian literary language / M. V. Panov (ed.)*. Moscow: Science, 1968. P. 277–302. (In Russ.)

10. Kardin V. Crossing point: literary-critical essays. Moscow: Contemporary, 1984. 336 p. (In Russ.)

11. Kniazeva N. V. To the question of parcellation of a complex sentence (on the material of M. V. Semenova's fiction texts). *Filologicheskii aspekt*. 2020;(1):102–115 [Electronic resource]. URL: <https://scipress.ru/philology/articles/k-voprosu-o-partsel>

lyatsii-slozhnogo-predlozheniya-na-materiale-khudozhestvennykh-tekstov-mv-semenovoj.html (accessed: 23.07.2023). (In Russ.)

12. Maksimov L. Yu. Adjoining, parcellation. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 1996;(4):80–83. (In Russ.)

13. Pankov V. K. In the living stream: on Soviet literature of 1945–1975. Selected works. Moscow: Contemporary, 1979. 399 p. (In Russ.)

14. Panteleeva A. P. Parcellation as an explicator of linguocultural peculiarities in political discourse. *Gumanitarnye tekhnologii v sovremennom mire: materialy VIII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (28–30 maya 2020 g.) / sost. L. M. Goncharova, T. V. Nesterova, E. A. Kitanina: v 2 ch. Ch. 1 = Humanitarian technologies in the modern world: materials of the 8th International Scientific and Practical Conference (May 28–30, 2020) / L. M. Goncharova, T. V. Nesterova, E. A. Kitanina (comp.): in 2 parts. P. 1. Kaliningrad: Poligrafykh, 2020. P. 248–252. (In Russ.)*

15. Perevalova S. V. "He's all the triumph of freedom!": Blok's poetic motives in the Russian "lieutenant's" prose. *Literatura v shkole = Literature at school*. 2023;(3):43–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.31862/0130-3414-2023-3-43-55>.

16. Skovorodnikov A. P. On the functions of parcellation in modern Russian literary language. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 1980;(5):86–91. (In Russ.)

17. Turkov A. M. The measure of things (Notes on modern Soviet literature). Moscow: Knowledge, 1979. 160 p. (In Russ.)

18. Fedosyuk M. Yu. Similarities and differences between compound sentences and allied combinations of independent sentences in scientific speech. *Funktional'nye stili: lingvometodicheskie aspekty: sbornik statei / otv. red. M. Ya. Tsvilling = Functional styles: linguomethodological aspects: collection of articles / M. Ya. Tsvilling (ed.)*. Moscow: Science, 1985. P. 132–138. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Владимировна Черникова, доктор филологических наук, доцент, профессор

Natalia V. Chernikova, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor

Статья поступила в редакцию 06.09.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 25.10.2023.

The article was submitted 06. 09.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication 25.10.2023.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 80.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-108-118>

Новые и актуализированные слова с компонентом *война* в современном медиадискурсе

Таисия Николаевна Буцева¹, Александр Васильевич Зеленин²

¹ Независимый исследователь, г. Санкт-Петербург, Россия, taisbut@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7442-9868>

² Независимый исследователь, г. Тампере, Финляндия, aleksandr.zelenin@tuni.fi, <https://orcid.org/0000-0002-7442-9868>

Аннотация. С конца 1990-х гг. в русскоязычных массмедиа в связи с существенным изменением теории и практики ведения современных войн и во многом под влиянием английского языка появился ряд новых и актуализированных слов и устойчивых словосочетаний, имеющих в своей структуре слово *война* (*прокси-война/проксивойна/ргоху-война, квазивойна, кибервойна, мятежевойна/мятеж-война, недовойна, паравойна/пара-война, полувойна, поствойна; гибридная в., сетевая в., ментальная в., опосредованная в., в. по договоренности, в. чужими руками* и др.), в результате чего его основное значение 'вооруженная борьба между государствами, народами или общественными классами; военные действия' подверглось некоторому расширению. В статье подробно описывается новое англоязычное заимствование *прокси-война*, а также ряд других новых заимствований, новые производные от слова *война* и актуализированные лексемы с данным компонентом. Новизна исследования заключается в представлении актуальных в медиадискурсе лексем, имеющих в своем составе слово *война*, связанных с темой современных межгосударственных конфликтов и не имеющих фиксации в словарях. Актуальность определяется, с одной стороны, высокой востребованностью этих номинаций в русскоязычных массмедиа, с другой – отсутствием их системного лингвистического описания. Цель статьи – выявить круг значимых для русскоязычного военно-политического дискурса первого двадцатилетия XXI в. слов, имеющих в своей структуре компонент *война*, определить механизм их появления в русском языке и охарактеризовать семантические и стилистические особенности указанных единиц. В заключении делаются выводы о роли в данном процессе англозаимствования и актуализации. Актуализированные в современном внеязыковом и языковом контексте лексемы с оценочными приставками (*недо-, полу-* и начальными компонентами *квази..., полу...*) являются членами актуальных словообразовательных рядов. Новый англицизм *прокси-война* – смысловой центр данной группы, который косвенно, через начальный компонент *прокси-...* в значении 'относящийся к прокси-войне, участвующий в ее ведении', влияет на расширение группы лексики, связанной с новым современным этапом межгосударственных конфликтов. Отдельные номинации имеют семантические дублиеты в виде составных наименований, а также семантически сближаются с лексикой вне пределов этой группы. Изменения в семантике слова *война* происходят вследствие утраты одних признаков (обязательное вооруженное столкновение, отсутствие инициатора конфликта на территории противника, поскольку цель – не столько истребление противника, сколько его подчинение своему влиянию и т. д.) и появления новых (использование новых технических средств, методик и т. п. воздействия на противника). Материал исследования извлечен из базы данных информационного агентства «Интегрум», ресурсов Гугл и Яндекс. Используемые методы: классификационный, описательный, сравнительный, компонентный анализ.

Ключевые слова: неологизм, военный термин, публицизм, заимствование, калька, начальный компонент сложений, перифраза

Для цитирования: Буцева Т. Н., Зеленин А. В. Новые и актуализированные слова с компонентом *война* в современном медиадискурсе // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 108–118. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-108-118>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

New and actualised words with the *war* component in modern media discourse

Taisiya N. Butseva¹, Aleksandr V. Zelenin²

¹ Independent researcher, Saint-Petersburg, Russia, taisbut@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-7442-9868>

² Independent researcher, Tampere, Finland, aleksandr.zelenin@tuni.fi,
<https://orcid.org/0000-0003-2656-8457>

Abstract. Since the late 1990s, a number of new and actualised words and set expressions with the component *war* in their structure have appeared in the Russian-language mass media. For instance, we can give such linguistic units as examples: *proksi-voyna/proksivoyna/proxy-voyna* / English *proxy war*; *kvazivoyna* / English *quasi war*; *kibervoyna* / English *cyber war*; *myatezhevoyna/myatezh-voyna* / English *insurgency*; *nedovoyna* / English *sub-war*; *para-war/para-voyna*; *poluvoyna* / English *semi-war*; *postvoyna* / English *post-war*; *gibridnaya v.* / English *hybrid war*; *setevaya v.* / English *network war*; *mentalnaya v.* / English *mental war*; *oposredovannaya v.* / English *proxy war*; *v. po dogovorennosti* / English *war by arrangement/proxy war*; *v. chuzhimi rukami* / English *proxy war*, and others. The process is due to significant changes in the theory and practice of modern warfare and is primarily influenced by the English language. As a result, the basic meaning of *war*, i. e. 'an armed struggle between states, nations, or social classes; military action', has undergone some semantic widening. The article describes in detail the new English borrowing *proxy war*, as well as a few other new loanwords and derivatives formed from the word *war* and actualised lexemes with this component. The novelty of the study consists in the presentation of lexemes relevant in media discourse. They contain the word *war* in their composition, are related to the topic of modern interstate conflicts, and are not codified in dictionaries. The relevance is determined, on the one hand, by the high demand for these naming units in Russian-language mass media, and on the other hand, by the lack of their systematic linguistic description. The article aims to identify the range of words (containing the component *war* in their structure) significant for the Russian-language military and political discourse of the first twenty years of the 21st century. The other goals are to determine the mechanism of their appearance in the Russian language and characterise the semantic and stylistic features of these units. The paper draws conclusions about the role of English borrowing and actualisation in this process. Lexemes with the evaluative prefixes *nedo-/sub-*, *polu-/semi-* and the initial components *kvazi/quasi...*, *polu/half...* actualised in the modern extra-linguistic and linguistic context are members of the relevant word-formation patterns. The new anglicism *proksi-voyna/proxy war* is the semantic centre of this group. It indirectly, through the initial component *proksi-/proxy...* in the meaning 'relating to a proxy war, participating in its conduct', influences the expansion of the vocabulary group associated with the new modern stage of interstate conflicts. Individual naming units have semantic doublets in the form of compound names. They also semantically converge with vocabulary outside this group. Changes in the semantics of the word *war* occur due to the loss of some features (an obligatory armed conflict, the absence of the conflict initiator on the enemy's territory since the goal is to bring the enemy under control rather than to eliminate them, and so on) and the emergence of new ones (the use of new technical means, techniques, etc. of putting pressure on the enemy). The research material was obtained from the Integrum database, Google and Yandex resources. The study used classification in conjunction with descriptive, comparative, and componential analysis.

Keywords: neologism, military term, publicism, borrowing, loan translation, initial component of compounds, periphrasis

For citation: Butseva T. N., Zelenin A. V. New and actualised words with the *war* component in modern media discourse. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(2):108–118. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-108-118>.

*Нужно перестать думать, что война —
это когда воюют, а мир — это когда не воюют.
Можно быть на войне, и не воюя явно.*

Е. Месснер

*Мы все чаще в своем лексиконе используем слово «война».
Разнообразие войн поражает.
(Независимая газета. 2023. 22 дек.)*

Введение. В периоды военных конфликтов и участия страны в них лексическая система языка реагирует на эти экстралингвистические факторы разными способами: активизируется лексика и терминология данной тематической сферы; словарный состав пополняется за счет заимствований

(лексических, калек), являющихся наименованиями новых реалий и понятий; изменяется содержание и объем некоторых из них; происходят семантические трансформации в структуре слова (метонимия, метафора, функциональный перенос), резко усиливается пейоративность лексики

в публицистическом стиле; наблюдаются изменения в парадигматике лексической системы и т. д.

Развитие теории и практики ведения современных войн стимулирует появление в разных сферах русского и других языков неологизмов, обозначающих войны нового типа, связанные с внедрением в военное дело современных информационных технологий, новых тактик и технических средств и т. д. Среди этих неологизмов немало англицизмов. Военная терминология в английском языке невероятно гибка и разнообразна. Она легко и быстро проникает в медийный обиходный английский язык¹, а из него — в глобальные англоязычные медиа и в национальные языки многих стран, находящихся в сотрудничестве или противостоянии с ведущими военно-политическими игроками.

Одной из сложных лексико-семантических проблем, существующих, очевидно, во всех языках, является определение границ «военной» лексики. В военной лексике и фразеологии выделяют две основные группы — военную терминологию и военную нетерминологическую лексику, причем границы между ними не всегда ясны, поскольку «определения военной лексики в терминологических словарях отсутствуют» [Бидеркесен, Агеева 2019: 36].

Хотя «военная лексика придает публикациям такого характера точность, способствует передаче военной атмосферы, трансформирует стилистическую окраску текста, так как военная лексика терминологического плана имеет официально-деловой оттенок» [Там же: 37], это не снимает

вопроса о существующей размытости границ между военным термином, военным профессионализмом, медийным неологизмом и использованием их в публицистике. Теоретическая и практическая неоднозначность и объективная трудность квалификации одной и той же лексемы наглядно проявляется в анализе нашего материала и сложности отнесения слова к термину или медийному публицизму. Публицизм — это то, что создано или используется преимущественно в публицистике и относится к актуальной общественно-политической тематике².

В этом заключается лингвистическая асимметрия «военной речи» и, шире, асимметрия медиадискурса, существующего в рамках военного конфликта: «Общество, вовлеченное в войну, оказывается вовлеченным в особую среду и начинает выражать свои мысли в речевых формах, принятых в этой среде. Но эти мысли не только о войне и предполагают свойственные им формы речевого выражения. Эта двойственность специфических условий особой сферы общения и вариативность предметов мысли в этих общих условиях и объясняет специфику военной речи» [Гарбовский, Мишкuroв 2010: 18]. Военная лексика полифункциональна, «в каждом из функциональных стилей можно найти единицы военной лексики. Эти единицы принадлежат общему языку» [Бойко 2022: 10], однако в нашем исследовании мы сосредоточимся на анализе новых и актуализированных слов, имеющих в своей структуре слово *война* только в пределах массмедийных текстов.

Цель исследования — рассмотреть новое и актуальное в дискурсе массмедиа первого двадцатилетия XXI в. на материале слов, содержащих в своей структуре компонент *война*, определить механизм их перемещения во времени или в пространстве, охарактеризовать их семантические и стилистические особенности, взаимодействие с другими лексическими единицами языка.

Задачи: 1) выявить заимствования, словообразовательные неологизмы и актуализированную лексику среди номинаций

¹ См.: Белова И. Лексико-семантические особенности военного сленга в американском варианте английского языка // Вестник Южно-Уральского гос. ун-та. Серия: Лингвистика. 2008. № 1(101). С. 33–38; Лазарев В. А., Ласкова В. М. Лингвостилистические и интерпретационные особенности англоязычных милитарных сленгизмов в неофициальном милитарном дискурсе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2020. Т. 2. С. 103–111. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2020-2-103-111>; Hashimova N., Sattorov T. Usage of english military terminologies as a neutral and colloquial vocabulary. *Current Research Journal of Philological Sciences*, 2021;2(11):162–167. <https://doi.org/10.37547/philological-crjps-02-11-35>.

² Публицизм — «языковой штамп, присущий публицистике» (Новое в русской лексике. Словарные материалы-1986. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 1996. С. 234) (НРЛ-86).

с компонентом *война*; 2) исследовать словообразовательные и семантические связи этой группы лексики; 3) рассмотреть изменение понятия «война» в конце XX – начале XXI в. и расширение первого (базового) значения этого слова.

В отличие от имеющихся работ³, данное исследование концентрируется на системном описании относительно небольшой лексической группы в новейших медиаизданиях и блогосфере. Теоретической базой при изучении этой группы является концепция «семантического заражения» (*la contagion sémantique, la contagion du sens*) М. Бреала – Ю. С. Сорокина [Bréal 2005 (1897); Сорокин 1965]: появление слов, образованных по модели, затрагивает всю лексическую группу и активизирует словопроизводство, которое опосредованно отражает языковую потребность в наименовании явлений внеязыковой действительности, а также актуализирует уже существующие в языке лексемы.

Исследование темы современных войн с дальнейшей разработкой нового лексического материала представляется весьма актуальным. Выявляется большое количество неологем, выходящих за рамки материала, анализируемого в данной статье: *вепонизация* («использование в военных целях объектов, для этого не предназначенных»), *вепонизировать* (англ. *weaponize*) («использовать как оружие»), *вепонировать* («навязывать другой стране свою экономическую

политику с помощью военной угрозы или с применением военной силы»), *государство-мишень/страна-мишень, комплексные военные действия* (англ. *complex war-fighting*), *конфликт низкой интенсивности, крупноармия, культурицид* (англ. *culturecide*) («важная составляющая информационных войн, связанная с разрушением отдельных культур, науки и образования»), *мемо-оружие, мятежевоевание, мятежеинвазия, мятеже-массы, НАДЖ-технология* (англ. *Nudge technology* («технология изменения поведенческих установок»), *поведенческое оружие, холодный мир* (ср. *холодная война*) и т. д.

Методы исследования. В исследовании использованы следующие методы: описательный – для характеристики текущего состояния данного фрагмента англоязычного и русскоязычного медиадискурса; сравнительный – при сопоставлении англоязычных и русских лексем для установлении факта заимствования; компонентный анализ – для формулирования значений неологизмов; функциональный анализ – для определения стилистической нагрузки лексических единиц.

Материалы исследования. Чтобы установить степень новизны лексем, использовались словари новых слов ИЛИ РАН второй половины XX в. и интернет-источники (Яндекс, Гугл); эмпирический и иллюстративный материал извлекался из базы данных информационного агентства «Интегрум»⁴, интернет-ресурсов Яндекса и Гугла.

Анализ. С конца XX – начала XXI вв. слово *война* стало использоваться в массмедийных текстах в приставочных и сложных словах в значении, несколько отличном от базового: «вооруженная борьба между государствами, народами или общественными классами; военные действия»⁵. Появление данных номинаций стимулировано

³ Якубов О. А. Военная терминология в социокультурном аспекте // Достижения науки и образования. 2018. № 4(26). С. 22–24; Хоруженко В. А. Концепты «Война» и «Враг» в современной русскоязычной публицистике: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10. М., 2010. 20 с.; Кислякова А. А. Военный подязык в системе литературного языка // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2009. № 566. С. 128–139; Лату М. Н. Военная терминология в современном политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 3(37). С. 98–104; Мосиенко Л. В., Миначева Д. В. Функционирование военной лексики в газетно-публицистических статьях // Инновационные научные исследования: теория, методология, практика: сб. статей IX Международной научно-практической конференции. Пенза: Наука и Просвещение, 2017. С. 195–197.

⁴ Интегрум – электронный архив информационного агентства «Интегрум», содержащий полные тексты центральных и региональных газет и журналов (архивы некоторых изданий начинаются с конца 1980-х гг.), сводки информационных агентств, осуществляющих мониторинг теле- и радиопередач, Интернет-СМИ (URL: <http://www.integrumworld.com/>). Интегрум – самая крупная на сегодняшний день электронная коллекция российских массмедиа.

⁵ Словарь русского языка XXI века / под ред. Г. Н. Сяклевской (рукопись) (Т. Н. Буцева – один

развитием новых военных стратегий и англоязычным влиянием на разные сферы нашей жизни, в том числе на военно-политическую. Создание конфликтов на территории противника без ее оккупации, ослабление соперника без непосредственного участия вследствие привлечения третьих сил практиковалось давно, но в эпоху ядерного оружия данная стратегия получила особое развитие, поскольку оказалась менее разрушительной и затратной. Этому также способствовали новые информационные технологии и технические средства, методы психологического и экономического воздействия, позволяющие удаленно и комбинированно воздействовать на противника даже без вооруженного вмешательства.

В данной статье мы попытаемся проследить изменения, происходящие в семантике слова *война*, на материале лексем, включающих его в свой состав: *проксивойна/прокси-война/проху-война*; *медиавойна/медиа-война*; *кибервойна*; *полувойна*; *мятежевойна/мятеж-война*; *криптовойна/крипто-война*; *недовойна*; *квазивойна/квази-война*; *паравойна/пара-война*; *поствойна*; *пиар-война/PR-война*; *хаос-война/война-хаос* и др. (лексемы даются в порядке убывания частоты их употребления в источниках «Интегрум»), а также расширение лексико-семантического поля⁶ «Война» на новом витке обострения межгосударственных отношений.

Классификация лексического материала в исследовании осуществлялась по следующим признакам: 1) структурно-тематическому (слово/словосочетание со словом *война* в структуре); 2) генетическому (заимствование, словообразование, актуализация); 3) структурному (префиксация, сложение); 4) семантическому (синонимия); 5) стилевому (принадлежность к определенному стилю речи: термины, публицизмы, окказионализмы).

из составителей материала на буквы *а, б, в*) (СРЯ-XXI).

⁶ Лексико-семантическое поле – совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания (иногда также общностью формальных показателей) и отражающих понятийное, предметное или функциональное сходство обозначаемых явлений (Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 380).

Смысловым стержнем и наиболее часто употребляемым в этой группе лексики является новое англозаимствование *прокси-война/проксивойна/проху-война*.

1. Прокси-война/проксивойна/проху-война. *Прокси-война* ‘война, спровоцированная государством, напрямую не участвующим в вооруженном конфликте на территории противника, а ведущаяся на территории третьего государства, силами последнего и других, вовлеченных в конфликт сторон’ – военно-политический термин, встречающийся в слитном написании (*проксивойна*)⁷, в раздельном (*прокси война*) и в смешанной латино-кириллической графике (*проху-война*):

Прокси-война США и СССР, которая годами велась во Вьетнаме в 1960-е – начале 1970-х, была закончена с помощью титанических политических и дипломатических усилий (Ежедневная деловая газета РБК. 2017. 13 нояб.);

Вице-канцлер Австрии Хайнц Кристиан Штрахе уверен в том, что кризис на Украине – это *проксивойна*, которую США и НАТО начали против России (Советская Россия. 2022. 6 окт.);

Реваншисты требуют... довести *проху-войну* с геополитическим противником до победного конца (Независимая газета. 2015. 24 нояб.).

В английском языке данная номинация является устойчивым двухсловным сочетанием, которое в русском языке трансформировалось в сложное слово, хотя, как мы видели выше, встречается и его раздельное написание, соответствующее английскому прототипу. В российских массмедиа (по материалам интегрума) слово *прокси-война* стало использоваться с 1999 г. (до 2012 г. употреблялось не очень активно, заметная эскалация его использования наблюдается с 2018 г. с постепенным нарастанием употребительности и пиком в 2022 г.)⁸. В интернет-источниках значение

⁷ Судя по материалам интегрума, в русскоязычных СМИ доминирует дефисное написание: так, в заданном нами временном диапазоне 2000–2023 гг. и объеме документов (12350) дефисное написание встречается в 12161 документе, слитное написание – только в 489 документах (URL: <https://aafnet-integrum-ru.libproxy.tuni.fi/artefact3/ia/ia5.aspx?lv=3&si=bMFDK12R&qu=231> (дата обращения: 09.09.2023)).

⁸ Электронный ресурс «Новое в русской лексике. Словарные материалы» фиксирует первое упоминание лексемы *прокси-война*

термина *прокси-война* может раскрываться через следующие устойчивые словосочетания: *опосредствованная война, война чужими руками, война по доверенности*:

Пандемия коронавируса и падение цен на углеводороды, а также вновь введенные США ограничительные санкции против Ирана существенно сократили возможности Тегерана по финансовой и военной поддержке шиитских общин региона и ведению прокси войн (*опосредованные войны*) в Йемене и Сирии (Зарубежное военное обозрение. 2020. 16 сент.);

Белый дом в данный период будет активно использовать «гибридную войну чужими руками» (прокси-войну) (Там же. 2022. 1 дек.);

Это необъявленная или специальная прокси-война, *война по доверенности*, которую западный мир проводит против нашего государства (РИА Новости. Все Новости. 25.04.2023).

В наших материалах зафиксировано около 70 сложных слов с начальным компонентом *прокси-...*, у которого выделяется значение ‘относящийся к прокси-войне, ее ведению’ (*прокси-альянс, прокси-армия, прокси-борьба, прокси-государство, прокси-кампания, прокси-коалиция, прокси-конфликт, прокси-наемники, прокси-поддержка, прокси-подразделение, прокси-режим, прокси-союз, прокси-формат, прокси-формирование* и др.), что говорит об активизации словопроизводства, обусловленной необходимостью номинации отношения к объекту, обозначенному новым заимствованием. Данные неолексемы относятся к языку публицистики.

Интернационализация англицизма *proxy war*. Является ли это составное наименование военного термина или публицизмом и в каком лексико-стилевом обличье это словосочетание было заимствовано в русский язык? Обратимся к материалам словарей разного функционального назначения – толковым и специальным. Даже

только в 2007 г. (URL: https://neolex.iling.spb.ru/search?_gl=1%2Aix5e1u%2A_ga%2AMTM4NDc0MDMyNC4xNjkwOTczMTc3%2A_ga_0XSXPB8GSZ%2AMTcwMTI0NzYyMi4xNC4xLjE3MDEyNDc3MTMuMC4wLjA.&indexed-glossary-facets%5B0%5D=title%3A%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%81%D0%B8-%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0&indexed-glossary-facets%5B1%5D=year%3A414) (дата обращения: 09.09.2023). Других примеров с начальным *прокси-...* данный ресурс не дает.

относительно новые английские специальные словари⁹ не содержат номинацию *proxy war*. Наиболее интенсивное обсуждение последнего в англоязычном военно-медийном дискурсе (электронные издания, посвященные разным аспектам вооружения, военных действий, истории войн и т. д.) началось с 2018 г.¹⁰ Примечательно, что Оксфордский словарь английского языка (OED) фиксирует *proxy war* 1907 г.¹¹, но без специальной функциональной пометы. В англоязычном военном дискурсе термин *war by proxy, proxy war* был активизирован и актуализирован еще в годы холодной войны.

Англицизм *proxy war* достаточно быстро стал интернационализмом. Слово *proxy* в английском языке многозначное. В номинации *proxy war* задействовано его значение ‘совершаемый по доверенности или через доверенное лицо, посредника’ (*proxy*). Интернационализация лексемы происходила двояким способом: как семантическое калькирование (семантическая калька) и как частичное калькирование (полукалька, гибридная калька). Ср. примеры семантического

⁹ Dictionary of Military and Associated Terms. Department of Defense. (As Amended Through April 2010). [б. м. и г. изд.]; *Grau L. W., Bartles Ch. K. The Russian Way of War: Force Structure, Tactics and Modernization of the Russian Ground Forces. Foreign Military Studies, 2016. 402 p.*

¹⁰ A proxy war occurs when a major power instigates or plays a major role in supporting and directing a party to a conflict but does only a small portion of the actual fighting itself. (*Byman D. Why Engage in Proxy War? A State's Perspective [Электронный ресурс]*. URL: <https://www.lawfaremedia.org/article/why-engage-proxy-war-states-perspective>). (дата обращения: 17.12.2023)]. (Прокси-война возникает, когда крупная держава провоцирует или играет важную роль в поддержке и руководстве стороной конфликта, но участвует лишь в небольшой части самих боевых действий) (перевод наш. – Т. Б., А. 3.).

¹¹ Proxy war = proxy fight *n.*; (*b*) a war (esp. one limited in scale or area) instigated by or fought on behalf of a power which does not itself become directly involved (URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=proxy+war>) (дата обращения: 17.12.2023). (...война (особенно ограниченная по масштабам или территории), спровоцированная державой, которая сама не принимает непосредственного участия, или ведущаяся от ее имени) (перевод наш. – Т. Б., А. 3.).

калькирования в разных языках, где оба английских компонента переведены в процессе заимствования: рус. *опосредованная война, война через посредников, война по доверенности*; франц. *une guerre par procuration* 'война по доверенности' (*guerre* 'война', *procuration* 'доверенность'); нем. *Stellvertreterkrieg* 'война по доверенности, через посредников; опосредованная война' (*Stellvertreter* 'заместитель, посредник', *Krieg* 'война'); фин. *sijaisota* 'опосредованная война' (*sijais* — грамматическая форма от *sijainen* 'посредник', *sota* 'война'); швед. *ombud krig, krig via ombud* 'война через посредников' (*ombud* 'посредник', *krig* 'война'). Ср. примеры полукалек: рус. *прокси-война/проксивойна*, нем. *ein Proxu-Krieg/Proxukrieg*, франц. *une proxu guerre*, фин. *proxu-sota*, швед. *proxukrig*. Напомним, что признаком интернационализации языковой единицы считается его использование «в четырех или более языках», относящихся по меньшей мере к трем семьям и более [Акуленко 1972: 26].

2. Другие новые и актуализированные слова, имеющие в своей структуре слово *война*. При номинации новых видов войн используются сложные слова, начальный компонент которых указывает:

— **на технические особенности, средства, использованию которых отводится главная или важная роль:**

кибервойна (англ. *cyberwarfare*) 'противостояние в киберпространстве, включающее в себя ведение непосредственной информационной войны и организацию атак на компьютерные системы противника с целью создания хаоса и паники среди населения через дестабилизацию государственных учреждений, финансовых и деловых центров':

Тема *кибервойн* становится все более актуальной в связи с тем, что администрация президента Байдена начинает коренной пересмотр стратегии и тактики ведения войны XXI века (Коммерсантъ. 2021. 6 марта);

слово **медиавойна** (англ. *media war*) 'идеологическая борьба за общественное мнение между политическими противниками с использованием средств массовой коммуникации' в русском информационном пространстве используется достаточно часто с 1999 г.:

Представитель НАТО по связям с общественностью однажды отозвался о кампании

против Югославии как о первой «*медиавойне*», а о журналистах, как о «солдатах на этой войне» (Среда. 2000. 1 февр.);

— Военная ситуация всегда сопровождается *медиавойной* (Коммерсантъ. 2008. 13 авг.);

пси-война/псивойна (англ. *psywar*). Термин *пси-война* (или мозговая война) появился во второй половине XX в. Он обозначает комплекс мероприятий по организации дистанционно-го манипулирования мысленными процессами и физическим состоянием людей за счет применения специальных методов и средств психо-информационного воздействия. Необходимо особо подчеркнуть, что заложниками и мишенями мозговой атаки становятся в первую очередь лидеры (URL: <https://bstudy.net/777517/politika/voyna>) (дата обращения: 09.09.2023);

— **на степень распространения такого противостояния** на разные сферы жизни противника. Например, **паравойна** (англ. *para war/para-war*) 'война, ведущаяся во всех сферах межгосударственных взаимоотношений':

Лидер движения «Суть времени» Сергей Кургинян недавно заявил: «Мы имеем дело не с гибридной войной, а с *паравойной*, а с ситуацией, когда войной стало все: экономическая, политическая, социальная, культурная война и многое другое». Он прав по сути, но не прав по времени. Что значит «стало»? Разве когда-то было иначе? (URL: https://militariorg.ucoz.ru/publ/ukraina_krym_rossija/vazgen_avagjan_idet_vojna_mezhdunarodnaja_gibridnaja_ne_otsetsidstva_nikomu/17-1-0-75182?ysclid=lhz6skd1c1268320020) (дата обращения: 09.09.2023);

— **на цель таких действий:** например, **хаос-война:**

В 2013 году началась Первая мировая *хаос-война*, между США с одной стороны, и Россией с Китаем — с другой (Журналистская Правда (jgazeta.ru) 2014. 5 нояб.);

— **на (скрытый) характер действий против противника: криптовойна** (англ. *crypto war* < греч. *kryptos* 'тайный, скрытый'):

Криптовойна — это скрытая форма постепенного, систематического и долговременного нанесения ущерба противнику невоенным путем с целью максимального истощения его потенциала к моменту, когда будет принято решение об агрессии классического или гибридного типа (Всекомментарии.com 2015. 29 окт.)

(ср. другое значение этого слова, образованное от *криптовалюта*: 'конфликт

интересов между населением, желающим использовать стойкие криптографические инструменты, и властью, которая не хочет этого позволить).

Актуализированный термин *мятежевойна* (сложное слово с соединительной гласной *-е-* имеет и другую форму: *мятеж-война* — сложение без соединительной гласной) ‘вид войны, ведущийся националистическими или религиозно-экстремистскими силами при поддержке сил, находящихся за пределами зоны конфликта’ произведен на русской почве от слова *мятеж* ‘организованное вооруженное выступление в результате заговора против существующей государственной власти’, которое косвенно указывает на использование таких методов ведения войны, как перевороты, терроризм, саботаж. Термин был введен в оборот русским военным теоретиком, эмигрантом Е. В. Месснером еще в 1960 г. и имеет английские эквиваленты: *rebellion war, insurrection war*. Например:

Современный джихад делает ставку на так называемую *мятеж-войну* без четкой линии фронта и регулярных войск: взрывы, теракты и прочие прелести (Белорусская Деловая Газета (Минск). 2000. 25 окт.);

Еще наши военные теоретики в прошлом веке отметили, что самое страшное — это *мятежевойна*, которая характеризуется рядом моментов, связанных с тем, что зачастую не явно выражен противник, совершенно разнообразные формы проявления силы с его стороны, они нетрадиционные и здесь требуются нетрадиционные подходы к их отражению (Независимая газета — НВО. 2001. 14 сент.).

Понятно это слово в медиатекстах нередко соотносится со словосочетанием *гибридная война*.

Современную войну в массмедиа иногда именуют словами с оценочным начальным компонентом или приставкой: *квазивойна* (< от лат. *quasi* ‘мнимый, ненастоящий’), *недовойна*, *паровойна* (англ. *para war* < греч. *para* — ‘отклонение, нарушение чего-л.’), *полувойна* (< *полу...* ‘не совсем, не до конца, почти’) ‘война не в привычном ее смысле (по масштабу, интенсивности, характеру)’ (в «Русской грамматике» *квази...* и *полу...* квалифицируются как «связанные компоненты сложений» и «повторяющиеся опорные компоненты сложений» [РГ-80, 1: 320, 761]). Вышеперечисленные слова не

являются абсолютно новыми, можно говорить об их актуализации в новом внеязыковом и языковом контекстах.

Например, *квазивойна (квази-война)*:

Американские командос воюют с массой террористических группировок в *квази-войнах*, развернувшихся на пространствах от Африки и Ближнего Востока до Азии (Война и мир (warandpeace.ru) 2018. 7 янв.)

(ср. в переносном значении: *Самым грязным эпизодом квази-войны «наших и не наших» стала борьба против российской вакцины «Спутник V»* (Стратегия России. 2022. 25 февр.); *Международные соревнования — это квази-война* (Новые Известия (newizv.ru) 2022. 11 февр.);

недовойна ‘война не в полную силу, не являющаяся полномасштабной’:

Британская *недовойна* с Ливией, начинавшаяся как безрассудный жест, переходит в разряд полномасштабного фиаско («ИНОФорум» (inoforum.ru) 2011. 4 авг.);

полувойна ‘война малой интенсивности, малого масштаба’:

[Американский международник Э. Басевич] назвал действия США по вмешательству в дела других стран и принудительному установлению правил игры в глобальном масштабе постоянной «*полувойной*», исход которой — также дестабилизация и блокирование успешного развития не только (а часто и не столько) непосредственного объекта операции, но и сопряженных с ним держав с целью создания проблем и вовлечения в конфликтную ситуацию (Завтра. 2022. 24 марта).

Особо отметим, что слова *полувойна* и *недовойна* используются и в отношении СВО — специальной военной операции, начавшейся в 2022 г.:

Чтобы убедиться, сколь трудно квалифицировать то или иное нетрадиционное явление-понятие, напомним, что СВО — это «*недовойна*» (Стратегия России. 2022. 19 нояб.);

В ушедшем — 2022 г. — году начала «*полувойны*» — СВО исполнилось 15 лет с момента выхода аналитической записки ВП (внутреннего предиктора) СССР «Помни войну» (Планета КОБ (planet-kob.ru) 2023. 14 марта).

Оценочные производные от слова *война* вошли в ряды актуальных в публицистике оценочных производных с данными

приставками, мотивированных другими производящими. Ср.: *недодемократия, недоевропа, недомир, недомобилизация, недопобеда, недореферендум, недосвобода, недоэкономика* и др.; *полувнешняя полуполитика, полудебаты, полузаконы, полуминистр, полумэр, полубищественник, полупиар, полуполитик* и др.

Неолексема *поствойна* (ср. англ. *post-war/postwar/post war*)¹² имеет смысловую временную составляющую, не содержит оценки, не подверглось терминологизации, как например, слова *постгуманизм, постистория*. Она также входит в другой словообразовательный ряд, актуальный в публицистике:

Гибридными сегодня называются не только войны, о которых мы читаем в новостных лентах. Гибридность присутствует в общественных коммуникациях (*fake news*), в политике и экономике (*deep state*), в культуре повседневности («дополненная реальность»), в искусстве («актуализация классики»). Для описания этого многоликого феномена используется целое семейство слов и выражений с приставкой *пост-*: *постистория, постгуманизм, посткапитализм, поствойна*. В последнее время приходится сталкиваться и с попытками конструирования *пострелигии* (Радонеж (*radonezh.ru*) 2020. 20 янв.).

В современных политических условиях актуальность понятий, связанных с военно-политической тематикой, вызвала актуализацию как тематически смежных обозначений, так и всего синонимического ряда, а также появление квазисинонимов и эвфемистических замен¹³. Размывание традиционного понятия «война» нередко приводит к использованию вместо него таких слов, как *кампания* («совокупность военных операций, объединенных общей стратегической целью и проводимых в определенный период времени или на отдельном театре военных действий»), ср. также *прокси-кампания; конфликт* («вооруженное столкновение, вызванное обострением международных отношений»), ср.

также *прокси-конфликт; операция* («совокупность скоординированных боевых, спасательных, разведывательных и т. п. действий, объединенных общей целью, заданием»), ср. *прокси-операция; противостояние* («борьба, война»); ср. также *прокси-противостояние; противоборство* («борьба против кого-л., чего-л., сопротивление»), ср. также *прокси-противоборство; столкновение* («вооруженное столкновение (воен. полит.) — война»), ср. также *прокси-столкновение*.

2. Окказионализмы. Окказиональный характер имеют некоторые сложения с производными от слова *война*. При этом могут использоваться и приемы графодеривации:

Вот такая «непогода»: «*НЕДОмир-НЕДОВойна*», // С каждым днем и каждым годом // Ненавистней нам она (А. Пономарева. Донбасские грезы [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2018/08/13/1220>) (дата обращения: 09.09.2023);

Ливан и Израиль: *недомир-недовойна* (заголовок) (К. Подгайный. URL: <https://svs-gru.ru/livan-i-izrail-ndomir-ndedovoyna/>) (дата обращения: 09.09.2023);

Далее случился антиконституционный переворот в Киеве, смена государственной принадлежности Крыма, массовая истерика в прозападных СМИ, помутнение в мозгах майданных временщиков, эскалация санкционной спирали, *полувойна-полуАТО*¹⁴ на Донбассе и прочие прискорбные события (Funos.ru 2015. 5 янв.).

Следующие примеры связаны с *прокси-войной* опосредованно через слово *прокси*, которое в функции существительного используется в русскоязычных медиа в значении «кто, что (человек, государство, военное формирование и т. п.) непосредственно участвует в прокси-войне, чьими руками она ведется»; яркая окказиональная оценочность и экспрессивность возникает благодаря семантике опорных слов и контекста в следующих словах:

Что привезли в Харьков и Днепр таинственные «Геркулесы», так и не выяснилось. Что бы там ни было, оно пока не стреляло (и сколько бандеровским *прокси-янычарам* НАТО придется учиться с ним обращаться?) (Континенталист (*continentalist.ru*) 2014. 30 дек.);

Кульминацией попыток Каддафи «подружиться» с Западом стало его убийство руками *прокси-джихадистов* НАТО (Там же. 2016. 4 июля);

¹⁴ АТО — антитеррористическая операция (комментарий наш. — Т. Б., А. З.).

¹² В американском английском слово известно с 1853 г. (Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. URL: https://www.oed.com/dictionary/post-war_adj?tab=meaning_and_use#29013284) (OED) (дата обращения: 09.09.2023).

¹³ «Эвфемизация военно-политической лексики является одним из вербальных способов ведения информационной войны... Существуют не только политические, но психологические причины появления эвфемизмов войны» [Палажченко 2017: 306].

Вместо афганских моджахедов у нас сегодня пляшут боевой гопак украинские *прокси-казаки* (РИА Новости Грузия (newsgeorgia.ru) 2022. 14 дек.).

Приведем пример экспрессивно-ироничного окказионализма-словосочетания, построенного на повторе-отзвучии:

Прокси-шмокси войнушку мутить можно, но если все перейдет на уровень дивизий и фронтов, то все эти ЧВК испарятся и можно остаться голыми (tanzpol.org 2023. 6 апр.).

Ср. иронично-шутливое слово *прокси-войнушка*, которое в «Интегрум» встретилося в шести документах:

Играть в *прокси-войнушку* с ядерной сверхдержавой, по меньшей мере, рискованно (Новости ВПК (vprk.name) 2023. 16 янв.).

Выводы. С конца 1990 по 2022 г. русскоязычные медиа пополнились словами, имеющими в своей структуре слово *война*. Эти однословные номинации являются результатом заимствования (*кибервойна*, *медиавойна*, *прокси-война*, *пси-война*), возможной деривации на русской почве (*паравойна*, *поствойна*), актуализации и расширения сферы употребления слов, рожденных ранее (*квазивойна/квази-война*, *мятежевойна/мятежвойна*, *недовойна*, *полувойна*). Эти лексемы относительно немногочисленны, но входят в словообразовательные ряды, актуальные в настоящее время в медийном дискурсе.

Семантическим центром нового фрагмента данной лексической группы является англозаимствование *прокси-война*. Опосредованно оно оставило заметный след в медиадискурсе в виде многочисленных производных с начальным компонентом *прокси-...* в значении 'относящийся к прокси-войне, ее ведению'.

Слово *война* вступает в семантическое взаимодействие со словами *конфликт*, *противостояние*, *противоборство*, *столкновение*, *операция*, как и слово *прокси-война* семантически сближается со словами *прокси-конфликт*, *прокси-противостояние*, *прокси-противоборство*, *прокси-столкновение*, *прокси-операция*.

Качественное изменение современных войн привело к актуализации в современных контекстах производных от слова *война*, образованных с помощью оценочной приставки *недо-* и префиксоидов

квази- и *полу-*, обозначающих 'агрессивные организованные действия по отношению к другому государству, не вполне соответствующие масштабу, методам обычной войны'. К этой группе слов семантически примыкает неологизм с приставкой греческого происхождения *пара-* 'мнимый, ненастоящий': *паравойна*.

В современных войнах не обязательно присутствует вооруженная борьба, так как она может вестись без военных действий или в сочетании их с другими средствами воздействия на противника. Безусловно, базовое значение слова *война*, описанное в толковых словарях русского языка, сохраняется, но новое значение требует оформления как его смысловой оттенок.

Военно-политические термины в анализируемой группе немногочисленны, это разновидности гибридной войны, ее составляющие: *кибервойна*, *криптовойна*, *мятежевойна/мятеж-война*, *прокси-война*.

В медиадискурсе также представлены не терминологические, оценочные номинации, характерные для публицистики: *квазивойна*, *недовойна*, *полувойна*, окказионализмы-сложения, образованные от производных слова *война*: *недомир-недовойна*, *полувойна-полуАТО*. Некоторые из рассмотренных слов имеют семантические дублеты в виде устойчивых словосочетаний с компонентом *война*: *прокси-война* = *война чужими руками* = *опосредованная война* = *война по доверенности*; *медиавойна* = *информационная война*; *мятежевойна* = *гибридная война*; *хаос-война (война-хаос)* = *война управляемого хаоса*; *пси-война* = *экстрасенсорная война*.

Данное исследование вносит определенный вклад в теорию лексико-семантических полей, так как несколько расширяет представление о лексико-семантической группе, в которую входит лексема *война*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акуленко В. В. Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1972. 214 с.
2. Бидеркесен Д., Агеева Ю. В. Функционирование военной лексики в языке СМИ // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1(26). С. 35–38. <https://doi.org/10.26140/bgz3-2019-0801-0006>.
3. Бойко Б. Л. Военная лексика и военная терминология в словарях и текстах различных

функциональных стилей // Военно-филологический журнал. 2022. № 3. С. 5–13.

4. *Гарбовский Н. К., Мишкuroв Э. Н.* Военный перевод в современном мире (теоретико-методологические, лингвистические, военно-исторические и социально-политические аспекты) // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2010. № 2. С. 16–41.

5. *Палажченко М. Ю.* Эвфемизация военно-политической лексики как способ ведения информационной войны // Государственное управление. Электронный вестник Факультета государственного управления МГУ им. М. В. Ломоносова. 2017. № 61. С. 298–309. URL: <http://e-journal.spa.msu.ru/Publ.html>

6. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1982. 783 с. (РГ-80).

7. *Сорокин Ю. С.* Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е годы XIX века. М.; Л.: Наука, 1965. 565 с.

8. *Bréal M.* Essai de sémantique. Introduction de Simone Delesalle, Limoges, & Michel Bréal: *Mélanges de mythologie et de linguistique* (1882). Introduction de Gabriel Bergounioux. Limoges: Lambert-Lucas, 2005. 216 p. [стереотип. переизд. 1897].

REFERENCES

1. *Akulenko V. V.* Issues of internationalization of language vocabulary composition. Kharkiv: Kharkiv University Press, 1972. 214 p. (In Russ.)

2. *Biderkesen D, Ageeva Yu. V.* Functioning of military lexis in the language of the media. *Baltiiskii gumanitarnyi zhurnal = Baltic Humanitarian Journal*. 2019;8(1):35–38. (In Russ.)

3. *Boyko B. L.* Military vocabulary and military terminology in dictionaries and texts of different

functional styles. *Voenno-filologicheskii zhurnal = Journal of Military Philology*. 2022;(3):5–13. (In Russ.)

4. *Garbovsky N. K., Mishkurov E. N.* Military translation in the modern world (theoretical-methodological, linguistic, military-historical and socio-political aspects). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda = Moscow University Translation Studies Bulletin*. 2010;(2):16–41. (In Russ.)

5. *Palazhchenko M. Yu.* Creating euphemisms for military-political lexemes as means of informational warfare. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik Fakulteta gosudarstvennogo upravleniya MGU im. M. V. Lomonosova = Public Administration. Electronic newsletter of the Faculty of Public Administration, M. V. Lomonosov Moscow State University*. 2017;61:298–309. URL: <http://e-journal.spa.msu.ru/Publ.html>. (In Russ.)

6. Russian grammar: in 2 vols. Vol. 1: Phonetics. Phonology. Emphasis. Intonation. Word formation. Morphology / N. Yu. Shvedova (ed.). Moscow: Science, 1980. 783 p. (In Russ.)

7. *Sorokin Yu. S.* Development of the vocabulary of the Russian literary language in 1930–90s of the 20th century. Moscow; Leningrad: Science, 1965. 565 p. (In Russ.)

8. *Bréal M.* Essai de sémantique. Introduction de Simone Delesalle, Limoges, & Michel Bréal: *Mélanges de mythologie et de linguistique* (1882). *Mélanges de mythologie et de linguistique = Mixture of mythology and linguistics*. Introduction de Gabriel Bergounioux. Limoges: Lambert-Lucas, 2005. 216 p. [reprint of 1897]. (In French)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Таисия Николаевна Буцева, кандидат филологических наук

Александр Васильевич Зеленин, доктор филологических наук

Taisiya N. Butseva, Candidate of Sciences (Philology)

Aleksandr V. Zelenin, Doctor of Science (Philology)

Статья поступила в редакцию 15.09.2023; одобрена после рецензирования 06.11.2023; принята к публикации 25.12.2023.

The article was submitted 15.09.2023; approved after reviewing 06.11.2023; accepted for publication 25.12.2023.

ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДСТВО

LINGUISTIC HERITAGE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.811.161.1

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-119-124>

Концептология профессора В. В. Колесова как синтезирующее направление когнитивной лингвистики (к 90-летию со дня рождения ученого)

Ольга Сергеевна Ильченко

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия,
o.ilchenko@spbu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6090-4579>

Аннотация. В статье представлен краткий очерк подвижнической деятельности российского филолога, Почетного профессора СПбГУ Владимира Викторовича Колесова, обобщающим итогом которой стало создание новой университетской науки – концептологии. Раскрывается специфика этого синтезирующего направления когнитивной лингвистики (когнитивистики). Показывается связь авторской концепции как исторического среза когнитивистики с предшествующим философским и лингвистическим знанием. Подчеркивается необходимость опоры на народную ментальность при исследовании конкретных языков (прежде всего русского). Отмечается продолжение В. В. Колесовым плодотворных русских языковедческих традиций, предусматривавших когнитивный по сути подход к фактам языка. Описаны особенности структуры его книги «Основы концептологии», характер учебных заданий, выделены некоторые ключевые для концептологии понятия. В конце статьи дан обобщенный портрет Человека, Ученого и Гражданина своей страны.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, когнитивный подход, концептология, русская ментальность, язык и мышление, философия языка, философский реализм

Для цитирования: Ильченко О. С. Концептология профессора В. В. Колесова как синтезирующее направление когнитивной лингвистики (к 90-летию со дня рождения ученого) // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 119–124. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-119-124>.

ORIGINAL RESEARCH ARTICLE

Conceptology of Professor V. V. Kolesov as a synthesising branch of cognitive linguistics (to the 90th anniversary of the birth)

Olga S. Ilchenko

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia, o.ilchenko@spbu.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-6090-4579>

Abstract. The article briefly outlines the selfless enthusiastic activity of Vladimir Viktorovich Kolesov, a Russian philologist, Professor Emeritus of Saint Petersburg State University. His work resulted in the creation of a new university discipline, namely conceptology. The study reveals the specific features of this synthesising branch of cognitive linguistics (cognitive science). Moreover, it shows the connection between V. V. Kolesov's concept as a historical cross-section of cognitive science and previous philosophical and linguistic knowledge. The paper emphasises the need to rely on folk mentality when studying particular languages (primarily Russian). It also notes that V. V. Kolesov continued the fruitful Russian linguistic traditions which developed an inherently cognitive approach to linguistic facts. The structure features

of the book *Fundamentals of Conceptology* and the nature of assignments are described. In addition, the study highlights some concepts which are crucial for conceptology. The article ends with a generalised portrait of a Man, Scientist, and Citizen of his country.

Keywords: cognitive linguistics, cognitive approach, conceptology, Russian mentality, language and thinking, philosophy of language, philosophical realism

For citation: *Ilchenko O. S. Conceptology of Professor V. V. Kolesov as a synthesising branch of cognitive linguistics (to the 90th anniversary of the birth). Russkii yazyk v shkole = Russian language at school. 2024;85(2):119–124. (In Russ.)* <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-119-124>.

Введение. Русистика XXI века... Какая она? Какой она будет? Какой она должна быть?... Наше время интересно тем, что у лингвистов появилась возможность научного синтеза в самом широком смысле слова – синтеза достижений сопряженных наук о человеке и мире, совмещения научных парадигм (научный синкретизм), сопоставления огромного количества разрозненных научных идей и гипотез, выдвинутых как отечественными, так и зарубежными учеными, осмысления и обобщения накопленных языковых фактов и наблюдений над ними. Лингвистика снова возвращается в лоно филологии.

Поступательное движение исследовательской мысли сформировало филолога нового типа – чуткого и трепетно относящегося к живому слову, с огромным багажом знаний из самых разных областей, так или иначе связанных с человеком и обществом, с безграничной любовью к русскому языку и русской ментальности, неиссякаемым трудолюбием и самоотдачей, гениальной способностью ухватить предмет изучения целиком, в единстве всех его сторон и противоречий, проникнуть в самую суть вещей... Таким филологом стал Почетный профессор Санкт-Петербургского государственного университета (2018), Почетный профессор Сегедского университета (Венгрия), действительный член Гуманитарной и Петровской академий, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (1999), заведующий кафедрой русского языка филологического факультета СПбГУ (1979–2006) доктор филологических наук профессор Владимир Викторович Колесов (1934–2019).

Будущий филолог родился 10 апреля 1934 года в г. Уссурийске Приморского края в учительской семье. Его отец работал директором первого на Дальнем Востоке хабаровского Дома пионеров. От отца ученый

унаследовал сосредоточенность в работе и чувство ответственности. Мать, учительница русского языка и литературы, привила своему первенцу любовь к книгам и, видя способности сына, прочила ему большое будущее. Окончив школу с золотой медалью (1952), В. В. Колесов одновременно послал письма в два ведущих вуза СССР (МГУ и ЛГУ) с просьбой принять его в студенты – из ЛГУ ответ пришел на один день раньше. Так, по счастливой случайности (или волею судьбы?), В. В. Колесов приобщится в университете к идеям Ленинградской филологической школы, представителей которой интересовали в языке прежде всего смысл («смысл оформляется») и историческое развитие.

Петербургскую русистику 70–90-х гг. XX в. по праву называют «эпохой Колесова». Серия работ по истории русского ударения уже в 1970-х гг. прошлого века принесла ученому заслуженную славу крупнейшего акцентолога-русиста. «Сказав свое слово» в области исторической фонетики¹, фонологии², диалектологии и акцентологии³,

¹ Колесов В. В. К исторической фонетике новгородских говоров ([о] закрытое, «новый» Б и цоканье в новгородских рукописях XI–XVI веков): автореферат дис. ... канд. филол. наук. Л., 1962. 20 с.; Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка: учеб. пособие для филол. фак. ун-тов. М.: Высшая школа, 1980. 215 с.

² Колесов В. В. Введение в историческую фонологию: конспект лекций, прочит. студентам Гос. ун-та в Сегеде в апр. 1972 г. Сегед, 1973; Колесов В. В. Введение в историческую фонологию: учеб. пособие. Л.: ЛГУ, 1982. 121 с.; Колесов В. В. Русская историческая фонология. СПб.: Фак. филологии и искусств Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2008. 398 с.

³ Колесов В. В. Именная акцентуация в древнерусском языке: автореферат дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1969. 32 с.; Колесов В. В. История русского ударения: Именная акцентуация

В. В. Колесов закономерно обращается к содержательным уровням языка в исторической перспективе — к исторической грамматике и лексикологии. Досконально изучив весь наличный корпус как рукописных, так и изданных древнерусских текстов разных жанров и стилей⁴, погрузившись в поэтику художественного слова отдельных авторов (Кирилла Туровского (XII в.), Епифания Премудрого (конец XIV — начало XV в.), протопопы Аввакума (XVII в.) и др.), занимаясь переводами и реконструкцией исходного древнерусского текста (переиздаваемый много раз «Домострой», 52 статьи в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”» и др.), ученый на материале фактов языковой эволюции восстанавливает культурную историю общества. Его поистине колоссальный труд «Древнерусская цивилизация. Наследие в слове» (М., 2014) представляет собой переиздание объединенных в один увесистый том пяти книг серии «Древняя Русь: наследие в слове» (СПб., 2000–2011), начало которой положила полюбившаяся многим книга «Мир человека Древней Руси» (Л., 1986).

На когнитивных основаниях ученым излагается история русского языка в «Исторической грамматике русского языка» (СПб., 2004), «Истории русского языка» (СПб., 2005) и, с расширенным изучением исторического синтаксиса, в «Исторической грамматике русского языка» (СПб., 2009). Преобразование грамматических категорий В. В. Колесов объясняет как внутрисистемным развитием языка, так и влиянием на этот процесс развивающихся форм сознания и мышления.

Бьющая ключом творческая энергия, искрометный ум и безграничная любовь к Слову выплескивались в активной популяризаторской деятельности ученого: он вел рубрику о культуре речи в «Ленинградской правде» (35 публикаций), неоднократно выступал по телевидению (многие запомнили его по телепередаче «Русская речь»), в древнерусском языке. Л.: ЛГУ, 1972; Колесов В. В. Очерки по русской исторической акцентологии. Szeged, 1978. 158 с.; Колесов В. В. Русская акцентология: в 2 т. СПб.: Петербургское лингвистическое о-во, 2010.

⁴ Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л.: ЛГУ, 1989. 294 с.

его научно-популярные книги до сих пор пользуются успехом у читателей и переиздаются по многу раз (особенно «История русского языка в рассказах» и «Язык города»).

Стать автором около 750 работ, лауреатом университетских премий за лучшие научные труды (1973; 1989; 1999) В. В. Колесову помогло внимательное изучение (в том числе по архивным материалам), систематизация и осмысление достижений своих предшественников в проекции на состояние современной лингвистической науки⁵.

Как педагог В. В. Колесов считал основной задачей приучить студентов к системному мышлению и воспитать гордость за отечественную филологическую науку, чтобы помочь своим ученикам обрести духовные силы в трудные времена, — с чем лауреат университетской премии за педагогическое мастерство (1988) прекрасно справился. Трудно даже перечислить все заслуги гениального Ученого и Человека с большой буквы⁶. В разные годы В. В. Колесов читал лекции в зарубежных университетах Польши, Венгрии, Германии, Испании, США, был председателем диссертационного совета СПбГУ по защите кандидатских и докторских диссертаций, входил в ученые советы филологического факультета и университета, Института лингвистических исследований РАН, сам руководил работами многочисленных дипломников, магистрантов, аспирантов, консультировал докторантов, выступал оппонентом на защитах кандидатских и докторских диссертаций (эссе и отзывы по поводу прочитанных научных книг, статей, диссертаций, отражающие собственные представления ученого о затронутых проблемах,

⁵ Подробнее об этом см.: Колесов В. В. История русского языкознания: Очерки и этюды. СПб.: СПбГУ, 2003. 471 с.

⁶ В брошюрах «Профессор Владимир Викторович Колесов» к 70-летию (СПб., 2004) и к 80-летию ученого (СПб., 2014) представлены очерк жизни и деятельности и библиографический указатель трудов профессора. На сайте памяти ученого www.vvkolesov.ru можно ознакомиться не только с творческой биографией и библиографией работ ученого, но и с некоторыми научно-популярными, научными и учебными трудами, видеозаписями лекций профессора В. В. Колесова, телепередач с его участием и др.

собраны в его книге «Основания науки»⁷). В. В. Колесов участвовал в работе огромного количества университетских, городских, всесоюзных и международных научных конференций, а последние несколько лет являлся бессменным председателем секции «Когнитивная лингвистика» ежегодной Международной филологической конференции в СПбГУ (теперь эта секция посвящена памяти ученого).

В последние годы жизни В. В. Колесов, обобщая результаты всей своей многолетней плодотворной научной деятельности, мировой лингвистической и философской мысли (первые результаты такого осмысления были представлены в монографии «Философия русского слова»⁸, увлеченно разрабатывал новое направление когнитивной лингвистики, или когнитивистики (как называл эту науку сам Владимир Викторович), — концептологию. Завершающий прижизненно опубликованный труд В. В. Колесова в этой области — основанная на его университетском курсе лекций, читанных магистрантам СПбГУ⁹, книга «Основы концептологии»¹⁰, вышедшая в 2019 г. в издательстве «Златоуст». Об основных чертах авторской концепции мы и расскажем в этой статье.

Анализ. Отличительная особенность концептологии В. В. Колесова состоит в том, что она является, по выражению самого автора, историческим срезом когнитивистики [Колесов 2019: 4]. Дедукция автора существует не в пустом пространстве, а укореняется в предшествующей научной традиции, включая зарубежную философию языка (Г. В. Лейбниц, И. Кант, В. фон Гумбольдт, Г. Фреге, Э. Кассирер, Г. Риккерт, Б. Рассел, Л. Витгенштейн, М. Хайдеггер, Э. Сепир, Б. Уорф, О. Есперсен, К. Бюлер

и др.). Тем не менее В. В. Колесов справедливо замечает, что выбор авторской позиции должен быть обусловлен качеством народной ментальности [Там же: 3]. А поскольку русская ментальность находится скорее в зоне реализма, чем номинализма, когнитивный подход к фактам русского языка должен, следовательно, иметь свою специфику. Концептология, разрабатываемая В. В. Колесовым, опирается на общий принцип философского реализма: «...наряду с “вещью” (языковая составляющая, лингвистика) присутствует ее “идея” (ментальная составляющая, философия)» [Там же: 6]. Философским основанием разрабатываемой концепции послужили труды о Павла Флоренского, о Сергия Булгакова, Н. О. Лосского, Г. Г. Шпета, С. А. Аскольдова и др. Ученый продолжает плодотворные традиции русской языковедческой мысли, представленной работами Л. В. Щербы, Н. С. Трубецкого, Р. О. Якобсона, выдающимися историко-филологическими работами А. А. Потебни и вдохновленных его идеями лингвистов — исследователя «способов обнаружения мышления в слове» А. А. Шахматова и исследователя «строения языковой мысли» А. М. Пешковского. Заметим, что последние направили свои усилия на развитие концептуальной базы формально-грамматического направления Ф. Ф. Фортунатова. Подробно разрабатывая план содержания лингвистического знака, именно ученики Фортунатова стали предтечами современной когнитивной лингвистики, ведущей свое начало примерно с 1970-х гг.¹¹ Важно подчеркнуть, что высказанные выдающимися учеными и их продолжателями — отечественными исследователями взаимосвязи языка и мышления круга Н. Я. Марра и И. И. Мещанинова — идеи активно использовались затем в зарубежной лингвистике, зачастую

⁷ Колесов В. В. Основания науки. СПб.: Нестор-История, 2013. 195 с.

⁸ Колесов В. В. Философия русского слова. СПб.: Юна, 2002. 444 с.

⁹ Колесов В. В. Концептология: конспект лекций, читанных в сентябре—декабре 2010 года. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2012. 163 с.

¹⁰ Колесов В. В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 775 с. Описание книги и выдержки из нее доступны на сайте памяти ученого по ссылке: <http://vvkolesov.ru/portfolio/osnovy-konceptologii/>

¹¹ Подробнее об этом см.: Ильченко О. С. «Откуда есть пошла» когнитивная лингвистика (из истории отечественной лингвистической мысли) // Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации: сб. научных статей международной научной конференции «Категории языка и мышления: аспекты современной интерпретации», Петрозаводск, 8–10 сентября 2022 г. / сост., науч. ред. и предисл. Н. В. Патроевой. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2023. С. 9–12.

без ссылок на труды советских ученых, в результате чего именно за рубежом были впервые созданы объемные труды по когнитивной лингвистике (известные работы Р. Лангакера, Л. Талми, Дж. Лакоффа и др.)¹².

Однако подход В. В. Колесова заметно отличается от существующих когнитивных концепций: его учение можно назвать философской концептологией. Причем она является своеобразным синтезом существующих в современном научном знании основных «векторов» когнитивистики: антропоцентрического, с главным компонентом – образом, воплощающим личное чувство (Е. С. Кубрякова, Д. С. Лихачев и др.); культурологического, с главным компонентом – символом (Ю. С. Степанов, Н. Д. Арутюнова, С. Г. Воркачев и др.); метанаучного, или философского, с главным компонентом – понятием (А. В. Кравченко, Г. Г. Ляпин и др.) [Колесов 2019: 23]. Ценность книги и в том, что в ней сравниваются и анализируются многочисленные варианты когнитивного подхода, демонстрируются различия в научных школах и идеях их основателей.

Поучительна принципиальная этическая позиция ученого в полемике с другими точками зрения на предмет: «Критика не ставит целью опорочить достижения коллег, часто очень содержательные и всегда вдохновляющие на поиск нового, а призвана только уточнить и оттенить собственные наблюдения» [Там же: 7–8].

Центральная проблема когнитивистики, по В. В. Колесову, – это знание первоисточника. Ученый и в предшествующих своих трудах писал о существовании множественности вещей в единстве идеи. Автор показывает всю сложность проблем, стоящих перед когнитивистикой, нисколько не упрощая изложение. Книга рассчитана на очень вдумчивого и понятиячивого читателя, готового приложить значительные умственные усилия для осмысления сложнейших философских категорий (*суть, сущее и сущность* и др.). Логическое и лингвистическое, как в «речемысли» А. А. Потебни, соединяются

в концептологии Колесова взаимной связью, а важнейшей задачей становится понимание того, как «язык овеществляет ментальное» [Там же: 20]. В. В. Колесов описывает градуальные диалектические триады, представляющие собой целостное явление, имеющее центр как некую нулевую точку отсчета [Там же: 103], вводит понятие концептуального квадрата как единицы ментальности [Там же: 299–321], сравнивает содержательные формы концепта – образ, понятие и символ [Там же: 371–398], приходя в итоге к образному понятию [Там же: 470–477].

На протяжении всего труда В. В. Колесов сопоставляет различные направления когнитивной лингвистики, не обходя стороной и актуальный вопрос о различии терминологии, основанной на том или ином языке. Это – серьезная проблема, поскольку многочисленная литература по когнитивной лингвистике написана на английском языке, а абстрактность и размытость семантики большинства многозначных английских существительных – «размытый полисемантизм» [Ильченко 2023: 95] – плохо согласуется с требованиями однозначности и четкости в использовании терминологии в русском языке, что приводит к спутанности современного научного сознания. Проблема адекватного перевода таких многозначных английских синонимов, как *notion, concept, idea, image* заключается в трудности подбора соответствующих им русских терминов, поскольку в русском языке слова *понятие, концепт, идея, образ* четко различаются по значению.

После развернутого описания концептологии как оригинального направления в сонме современных когнитивных теорий языка В. В. Колесов обсуждает предмет, объект и методы новой университетской науки [Колесов 2019: 677 и далее]. Каждый раздел книги заканчивается эвристическими учебными заданиями, направленными на то, чтобы пробудить интерес и самостоятельную мысль студента. Помимо основного текста, книга содержит небольшие вставки, расширяющие кругозор читателя: «Исторические справки», «Примеры», «Примечания» и «Лирические отступления».

Несмотря на привлекаемый обширный философский и лингвистический теоретический материал (высказывания известных

¹² Подробнее об этом см.: Паршин П. Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века // Вопросы языкознания. 1996. № 2. С. 19–42.

и малоизвестных философов и лингвистов), служащий базой для оригинальных теоретических построений, когнитивный подход В. В. Колесова к фактам языка совершенно уникален и заслуживает пристального внимания и изучения. Пройдет время — и академическая наука оценит по достоинству его масштабные философско-лингвистические обобщения. Хочется надеяться, что углубленное изучение «завещания» профессора Колесова (так он сам назвал свою книгу «Основы концептологии») подвигнет молодых исследователей к научной работе в данном направлении — и предшествующая многовековая научная лингвофилософская традиция получит новый стимул к развитию.

Выводы. Последней книгой В. В. Колесова стала монография «Концептуальное поле русского сознания» (СПб., 2021), вышедшая уже после кончины автора. В ней на основе метода, разработанного ученым в «Основах концептологии», выявлено и описано около 200 ключевых концептов русского сознания. Как указал сам автор, эта последняя монография — «своеобразное практическое приложение» к его книгам о складе русского характера, ума и духа: «Язык и ментальность» (СПб., 2004), «Русская ментальность в языке и тексте» (СПб., 2007) и уже упомянутые серия из пяти книг «Древняя Русь: наследие в слове» (СПб., 2000–2011), собранных в том «Древнерусская цивилизация. Наследие в слове» (М., 2014), и «Философия русского слова» (СПб., 2002).

Можно без преувеличения сказать, что Владимир Викторович Колесов — это Пушкин современной русистики. Ведь не случайно именно филолог В. В. Колесов так поразительно глубоко описал «Слово и Дело Александра Пушкина» в книге «Жизнь происходит от слова...» (СПб., 1999). В. Г. Белинский заметил, что, читая творения Пушкина, «можно восходным образом воспитать в себе человека» [Белинский 1948:

405]. Эти слова в полной мере можно отнести и к Почетному профессору СПбГУ, ученому с мировым именем В. В. Колесову, чьи труды знают и любят лингвисты (и не только) в разных уголках нашей планеты. Он весь — в своих книгах. О чем бы он ни писал (включая даже критические замечания), со страниц его научных и научно-популярных сочинений, проглядывает его щедрая русская душа (хотя ученый имеет украинские и белорусские корни) и ответственная гражданская позиция, а между строк читается высокодуховная сущность Учителя, творящего и вдохновляющего своим примером окружающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский В. Г.* Сочинения Александра Пушкина: Статья 5 // *Белинский В. Г.* Собрание сочинений: в 3 т. / под общей ред. Ф. М. Голувиенченко. Т. 3. Статьи и рецензии 1843–1848 / редакция В. И. Кулешова. М.: ОГИЗ, ГИХЛ, 1948. С. 368–423.

2. *Ильченко О. С.* Сердце не ёкает, или Русинглиш в современной России // *Русский язык в школе.* 2023. Т. 84, № 3. С. 91–98. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-91-98>.

3. *Колесов В. В.* Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.

REFERENCES

1. *Belinsky V. G.* The works of Alexander Pushkin: Article 5. *Belinskii V. G. Sbornie sochinenii v 3 t. / Pod obshhei red. F. M. Golovenchenko. T. 3. Stat'i i retsenzii 1843-1848. Redaktsiya V. I. Kuleshova. = Belinsky V. G. Collected works in 3 volumes. Ed. by F. M. Golovenchenko. Vol. 3. Articles and reviews 1843–1848. Ed. by V. I. Kuleshov. Moscow: OGIZ, GINL, 1948. P. 368–423. (In Russ.)*

2. *Ilchenko O. S.* The heart does not sink or Runglish in modern Russia. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school.* 2023;84(3):91–98. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2023-84-3-91-98>.

3. *Kolesov V. V.* Fundamentals of conceptology. Saint Petersburg: Zlatoust, 2019. 776 p. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ольга Сергеевна Ильченко, доктор филологических наук, профессор

Olga S. Ilchenko, Doctor of Science (Philology), Professor

Статья поступила в редакцию 23.10.2023; одобрена после рецензирования 28.11.2023; принята к публикации 11.12.2023.

The article was submitted 23.10.2023; approved after reviewing 28.11.2023; accepted for publication 11.12.2023.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

РЕЦЕНЗИЯ

УДК 655.552

<http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-125-128>

Рецензия на монографию: С. Г. Воркачев. *Symbolum patriae: гимнодия и геральдика в лингвокультурном аспекте*. Краснодар: ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2023. 251 с.

Наталья Львовна Мишатина

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, mishatina-nl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6959-8774>

Для цитирования: Мишатина Н. Л. Рецензия на монографию: С. Г. Воркачев. *Symbolum patriae: гимнодия и геральдика в лингвокультурном аспекте*. Краснодар: ФГБОУ ВО «КубГТУ», 2023. 251 с. // Русский язык в школе. 2024. Т. 85, № 2. С. 125–128. <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-125-128>.

REVIEW

Monograph review: S. G. Vorkachev. *Symbolum patriae: hymnody and heraldry in the linguocultural aspect*. Krasnodar: KubSTU, 2023. 251 p.

Natalia L. Mishatina

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia, mishatina-nl@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6959-8774>

For citation: Mishatina N. L. Monograph review: S. G. Vorkachev. *Symbolum patriae: hymnody and heraldry in the linguocultural aspect*. Krasnodar: KubSTU, 2023. 251 p. *Russkii yazyk v shkole = Russian language at school*. 2024;85(2):125–128. (In Russ.) <http://doi.org/10.30515/0131-6141-2024-85-2-125-128>.

В новой книге известного отечественного филолога С. Г. Воркачева исследуются лингвокультурные аспекты воплощения идеи патриотизма и идеи государства/нации.

Рецензируемая монография посвящена изучению двух из трех государственных символов, воплощающих символическую модель политического состояния общества: государственному гимну и государственному гербу, функционирующим на двух уровнях – общенациональном (собственно государственном) и региональном.

Необходимо отметить, что стремление к лингвокультурному осмыслению национальной символики логически вытекает из

постоянного интереса автора к исследованию патриотического дискурса. В современных реалиях вузовский преподаватель и школьный учитель получили книгу «очень своевременную» и нужную, раскрывающую новые важные грани патриотической тематики.

В монографии концептуальные рамки академического исследования определены достаточно широко: это исследование национальной гимнодии (с учетом межтекстовых связей) и национальной геральдики стран бывшего СССР, испаноязычных государств Латинской Америки, стран Франкофонии, англоязычных и португальязычных стран (1-я глава), а также на

материале гимнодии и геральдики Кубани исследование государственной региональной символики (2-я глава).

Богатый иллюстративный материал, строгая продуманность его представления читателю, плотность авторской мысли, четкость формулировок и выводов (как особый фирменный стиль профессора С. Г. Воркачева) делают наше интеллектуальное («межтекстовое») путешествие в «чаще символов» (метафора Шарля Бодлера) – символов Родины – познавательным и увлекательным.

В монографии идея патриотизма, рассматриваемая в качестве основы государственной гимнодии, структурируется в три семантических блока: 1) историко-географический, «предметный», образованный сведениями об истории, ландшафте и политическом устройстве родной страны; 2) аксиологический, образованный семантическими признаками любви и сопровождающих ее «карикативных чувств» – гордости, восхищения и благодарности; 3) праксеологически-императивный, образованный семантическими признаками, отражающими нормы и требования патриотической любви. Отталкиваясь от выделенных Вл. Соловьевым трех основных видов любви – родительской, сыновей и эротической – автор исследования относит патриотизм скорее к любви сыновей.

Уточняя дискурсивную принадлежность государственной гимнодии, ученый рассматривает государственный гимн как **речевой жанр патриотического дискурса**. Гимн – это «программный документ, обладающий множеством “мобилизационных” функций целенаправленного, прежде всего речевого воздействия» (с. 8).

В монографии рассмотрен «эволюционный семиотический ряд» (по Ю. С. Степанову) гимнодии: от религиозного гимна (восхваление богов и героев) к особому торжественному литературному жанру, за которым на новом витке следует боевая песня – марш, и, наконец, на основе тем религиозного гимна (темы благодарности Богу и стремления сохранить или обрести его покровительство) и боевой песни (темы агональности, самоотверженной борьбы за свободу и независимость родины) – к национальному гимну как торжественной песне прославления родной страны.

В современном русском языке гимн синонимизируется с двумя смысловыми рядами лексических единиц: мелодическим – *акафист, ария, дифирамб, каватина, кантата, ноктюрн, опера, оперетта, песня, песнопение, псалом, рапсодия, романс, серенада* и вербальным – *ода, панегирик, словословие, хвала* и даже *реклама* (с. 12).

Гимн как лингвокультурный концепт приобретает многослойную семантическую структуру, являясь частью **политического** («предназначенность для укрепления единства граждан и сплочения их вокруг власти»), **ритуального** («ситуация исполнения, требующая соблюдения определенных ритуализированных норм»), **художественного** (активное использование выразительных средств – фигур речи, риторических приемов и, прежде всего, метафорически) **дискурсов**.

С. Г. Воркачевым выделены функции, выполняемые государственным гимном (с. 9–10). Остановимся на основных функциях применительно к гимну России:

1) опознавательная, идентифицирующая функция национального гимна (соотнесение мелодии и текста с образом определенной страны) как опознавательного знака государства (реализуется в тексте через употребление этнонимов и (само)названий страны и народа: «Россия – священная наша держава»);

2) аксиогенная функция (сакральный статус – «*священная наша держава*»; имена Родины сами по себе или в сопровождении «любовных» эпитетов: *Отечество, Отчизна, родная земля, любимая наша страна*);

3) объединительная – охранительная функция – суверенитет обеспечивается единством народа, и независимость страны и единение народа будут длиться вечно: «*Отечество наше свободное*»; «*Так было, так есть и так будет всегда*»; «*Предками данная мудрость народная*»; «*Нам силу дает наша верность Отчизне!*»; «*Мы гордимся тобой!*»);

4) лаудативная функция (от религиозного гимна) – прославление в данном случае Родины: «*Славься, Отечество наше свободное*»; «*Славься, страна!*», «*Могучая воля, великая слава – Твое достоянье на все времена!*»;

5) перформативная функция (реализуется в хоровом пении) – присяга на верность родной стране и признание патриотического долга.

Особо ученый обращает наше внимание на то, что лишь в гимнах России и Республики Беларусь упоминается союзное устройство государства («*Братских народов союз вековой*» – Россия) и лишь в гимне России отмечаются размеры территории страны: *От южных морей до полярного края...*

Смысловое содержание государственного гимна наполняют семантические признаки, которые могут быть представлены в виде концептов: *Бог, свобода, борьба, враг, воин, жертвенность, прошлое, предок-герой, флаг, избранность, власть, язык, вечность, будущее, тип государственного устройства* и пр. (с. 15–16). При этом базовыми концептами, на основе которых формируется патриотический дискурс, выступают *родина и народ*.

По коэффициенту межтекстового сходства национальные гимны, по мнению автора, можно разделить на произведения 1) целостной прецедентности, 2) частичной прецедентности (модификации текстов и версий первого – 1943-го и второго – 1977-го государственных гимнов СССР и государственного гимна России – 2000 г.) и 3) фрагментарной прецедентности (прецедентные феномены передаются только именами, фразами и культурными смыслами) (с. 75–76).

Об особой лингвокультурной значимости государственного гимна как прецедентного текста свидетельствует его включение в комический игровой дискурс, где обыгрывается главным образом отечественная традиция исполнять гимн по радио в полночь и 6 часов утра («Женам на заметку: муж, пришедший домой до того, как в 6 утра по радио заиграет гимн, считается ночевавшим дома!»); обязанность вставать при исполнении гимна на официальных мероприятиях («Когда поют гимн все встают, а ведь многих надо сажать»); неоднократные в истории изменения текста гимна¹ («Говорят: из песни слов не выкинешь. Однако есть одна, из которой все слова выкинули: гимн СССР!») и др.

¹ Гимн СССР с 1955 по 1977 г. и с 1993 по 2000 г. исполнялся без слов.

Поражает информационной насыщенностью и вторая глава, посвященная гербу как опознавательному знаку государства, «идейному посланию». При этом автор отмечает, что вербальное представление национальной геральдики еще ждет своего исследователя (с. 77).

В семантике государства (или «родины гражданской» как государства с его властными функциями и атрибутами) выделены три смысловых блока: власть как возможность и право национальных элит распоряжаться и править; территория, на которой осуществляется управление; население (народ), живущее на этой территории и являющееся объектом управления. Однако большая часть геральдической символики отправляет к стране в целом – и к элите, и к народу (с. 88). Поэтому к базовым и обязательным смыслам национальной геральдики ученый относит власть и страну, а государственный герб, в основе которого лежит блазон как вербальное наполнение его символического содержания – к **речевым жанрам юридического дискурса**.

Экстраполируя структурную модель идеи патриотизма на семантику государства, автор делает ряд оговорок: остается, безусловно, «предметная часть» (хронотоп) – информация о географии и истории страны, несколько трансформируется императивная составляющая – обязательства граждан государства, а эмоциональная составляющая практически исчезает.

Изначальные функции герба – сигнальная (респондер «свой–чужой») и информационная (сообщение об особых достоинствах человека и его социальном статусе). Важнейшие функции государственного герба – опознавательно-различительная (идентификация государства, символом которого герб является) и объединительно-охранительная (содействии сплочению народа и укреплению гражданской солидарности).

Весьма значимо следующее положение автора: «Государственная геральдика представляет собой явление культуры и выступает как средство социальной организации этноса, в ней находит выражение историческое самосознание нации» (с. 80).

Рассматривая герб России в контексте диалога культур стран бывшего СССР,

ученый выделяет прежде всего обязательную составную часть любого герба – щит (для России он прямоугольный с острием внизу). Герб представлен двуглавым орлом (образы «царственной фауны» бывших советских республик – орел/сокол, лев, грифон), изображенном на щите красного цвета. Имперская корона (частотный артефакт, как и меч – символ власти), расположенная на голове орла, означает единство. В одной лапе орел держит символ суверенной власти – державу (золотой шар), в другой – скипетр.

В геральдике большинства стран бывшего СССР представлена также религиозная символика, христианская и мусульманская. На гербе России изображен змеборец – Святой Георгий: «На груди орла, в красном щите, – серебряный всадник в синем плаще на серебряном коне, поражающий серебряным копьем опрокинутого навзничь и попранного конем дракона». С. Г. Воркачев относит герб России к наименее красочным.

Особый интерес и эмоциональный отклик у читателя-учителя вызовет материал, посвященный описанию региональных символов «Кубани родимой» – малой

родины автора монографии. В подтверждение приведем следующее рассуждение С. Г. Воркачева:

Есть еще одно условие, превращающее место рождения в малую родину: это место надо любить, любовь к родному краю «встроена» в семантику малой родины точно так же, как пристрастное отношение к своей стране встроено в семантику большой этнической родины. Этот факт, например, вполне наглядно отражен в сочинениях школьников: «Малая родина – это место, любовь к которому поселяется в сердце человека навсегда»; «Малая родина – это любовь навсегда»; «Малая родина – это самое светлое и замечательное, самое дорогое место на планете Земля!» (с. 198–199).

Рецензируемая монография представляет собой серьезный научный труд, содержащий энциклопедическое описание важнейших символов национального сообщества. Несомненна ее познавательная и воспитательная ценность. Содержание книги интересует специалистов в области лингвокультурологии и методической лингвокультурологии, межкультурной коммуникации и преподавания иностранных языков. Будет, безусловно, востребована широким кругом читателей.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Наталья Львовна Мишатина, доктор педагогических наук, профессор

Natalia L. Mishatina, Doctor of Sciences (Pedagogy), Professor

Статья поступила в редакцию 19.08.2023; принята к публикации 09.11.2023.

The article was submitted 19.08.2023; accepted for publication 09.11.2023.

Ю. В. Бондарев о мастерстве писателя

Да стоит ли снова писать о стиле, предъявлять жесточайшие требования к мастерству писателя, к форме, к языку? Быть может, это лишь мешает нашей литературе полно и четко выражать комплекс идей?

Я хорошо помню, как одна известная писательница несколько лет назад высказала мысль о том, что мы, литераторы, живем в новый стремительный век, пытаемся запечатлеть приметы эпохи, его идеи, и нам некогда отшлифовывать свои вещи, оттачивать стиль, – пусть читатель простит нам. И сейчас нет-нет да раздаются голоса, как бы успокаивающие молодых писателей: мол, мастерство – «дело наживное». И, говоря об этом, ссылаются на письмо Горького, забывая, в какие годы писалось оно.

Разумеется, поверхностный читатель может простить несовершенство произведения. Но не простит время, не простит большой, требовательный читатель, не простит будущее, которое уже ожидающе-пристально смотрит на нас издалека.

Уверен, что мы стоим на пороге необычайного подъема литературы. Ведь и сейчас заметно, как ярко обновляется искусство – ежегодно приходят в него молодые имена, заявляя о себе полномерно и сильно. И в литературе нашей появляется много индивидуальностей, появляются различные манеры письма, подчас очень точные и емкие. Но что есть критерий художественной формы? Где образец? Совершенно очевидно, единого образца не может быть в искусстве. Чехов не пытался писать, как Толстой, Бунин – как Чехов, Флобер – как Бальзак, Мопассан – как Флобер или Золя. Они с необычайной мощью выражали свое время и себя, обладая разными стилями, разными температурами. Их объединяли правда и естественность образных средств, то есть художественных доказательств, особенного, индивидуального способа выражения действительности. Чем больше художник, тем ярче и своеобразнее его стиль. И тем больше очарования исходит от его искусства, неповторимой красоты слова, которое звучит, обретая душу, живет, обновляется под пером мастера.

Нельзя полностью повторить стиль художника...

Эпоха беспощадно и властно накладывает свой отпечаток на явления жизни, на факты, на чувства, на процесс мышления.

Все признаки эпохи с ее противоречиями, поисками, страданиями, радостями и тревогами за судьбу мира отражаются в стиле, языке лучших книг... <...>

Слова имеют свое сердце, свое дыхание. Сердце слова начинает биться в унисон со временем лишь при точном сочетании с другими словами. В этом проявляется свежесть таланта... <...>

Стиль – это все способы, приемы образной системы автора. Это весь комплекс средств для наиболее полного выявления мысли. Это отражение сущего через страсть художника. Это действительность, преломленная через его сознание. <...>

Мне трудно представить в романе о последней войне момент самого яростного боя, когда с железным грохотом ползут на орудия танки, когда горький пот застилает глаза, когда ствол раскален и горячие гильзы выскакивают из казенника, когда дыхание смерти обжигает черные воспаленные лица, – трудно представить вежливые команды, дистиллированный язык героев.

Совершенно ясно, что я говорю об этом не потому, что хочу защитить «грубый» стиль и язык, а потому, что почти нет такого слова, которое было бы запретным в искусстве. Вся задача, в каком окружении оно, в каком контексте, в какой эмоциональной окраске, в какой светотени... <...>

Стиль обладает большой властью. Он является средством влияния на умы и чувства людей. Вместе с тем он верный проводник искусства. Работа над словом и стилем трудоемка. Она тяжка вечным неудовлетворением, мучительными сомнениями в поисках единственно верного сочетания слов. Но это тот труд, без которого нельзя называться писателем.

И какие бы благие идеи и мысли, какие бы глубочайшие характеры ни возникли в нашем сознании, как бы ни хотели помочь людям стать человечнее, все наши помыслы и желания останутся лишь благими намерениями, если мы не нашли самых простых и ясных – и одновременно сложных – способов выражения. И если не выработали свой стиль. В противном случае книге суждена недолгая жизнь мотылька-однодневки. Борьба против серости и стертости, против риторики и лобовой дидактики, которые еще есть в нашей литературе, – это борьба за стиль, за прекраснейший, полновзвучный русский язык, посредством которого мы только и можем донести самые высокие идеи и чувства до сердца читателя...

(Бондарев Ю. В. Стиль и слово. М.: Советская Россия, 1965. 59 с.)

(К статье Т. Б. Васильевой-Шальневой)